

**ПОВѢСТИ,
АНЕКДОТЫ и СМѢСЬ,**

ИЗДАНЫЯ

М. КАЧЕНОВСКИМЪ.

~~~~~  
**Ч А С Т Ъ III.**  
~~~~~

МОСКОВСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МУЗЕЯ

~~~~~
М О С К В А.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1819.

12

ПОВѢСТИ,
АНЕКДОТЫ и СМѢСЬ,

ИЗДАНЫЯ

М. КАЧЕНОВСКИМЪ.

Ч А С Т Ъ III.
М О С К В А

МОСКОВСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М О С К В А.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1819.

Печашать дозволяется съ тѣмъ, что-
бы по оппечашаніи, до выпуска въ про-
дажу, представлены были въ Цензурный
Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги
для Цензурнаго Комитета, другой для
Департамента Министерства просвѣще-
нія, два экземпляра для Императорской
публичной Библіотеки и одинъ для Им-
ператорской Академіи Наукъ. Москва,
Іюля 3 дня 1819 года. **Ординарный
Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ
и Кавалеръ И. Двигубскій.**

Изданіемъ Коммиссіонера Императорскаго
Московскаго Университета А. С. Ширяева.

ПОВѢСТИ и АНЕКДОТЫ.

АСТРОНОМЪ И ЕГО СЛУЖАНКА.

Историческій анекдотъ.

Ни одинъ Монархъ Испанскій не оставилъ народу своему столь славныхъ воспоминаній, какъ Фердинандъ Святой, царствовавшій въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія. Сей Король, храбрый и добродѣтельный, одержалъ болѣе тридцати побѣдъ надъ Маврами, покорилъ правителей Валенціи, Буенсы, Андалузїи, наложилъ дань на Королей Мурціи и Гренады; наконецъ, водрузивъ Хрістово знамя на стѣнахъ Кордуи, богатой и пышной столицы невѣрныхъ, возвратился въ чертоги великаго Абдерамы наслаждаться удовольствіемъ отдыха послѣ трудовъ столь знаменитыхъ.

Въ царствованіе сего Государя учреждены въ Испаніи ордены Святаго Іакова, Калатравы, Алкантры и Рыцарскій: священною обязанностію ихъ было преслѣдовать враговъ вѣры и общественнаго спокойствія. Пылкій, мужественный Фердинандъ, воюя противъ Мавровъ, часто пользовался неуспрашимостию новыхъ кавалеровъ. Съ ними принудилъ онъ къ сдачѣ Севиллу; покорилъ землю отъ сѣнъ города сего до устья Гвадалквивира; напалъ на Африку и одержалъ знаменишую побѣду надъ ескадрами Мавровъ, дерзнувшихъ оскорбить его морскую силу.

Смерть положила предѣлъ военнымъ успѣхамъ Фердинанда.

Сердца Испанцевъ питались высокою надеждою; они много ожидали отъ новаго своего Государя: но сынъ, получая корону отца своего, не всегда вмѣстѣ съ нею наслѣдуетъ и царственные его доблести. Альфонсъ Х, съ юныхъ лѣтъ проименованный

Мудрымъ , скоро уничтожилъ то высокое мнѣніе, которое имѣлъ народъ о его душевныхъ качествахъ. Будучи искуснымъ Астрономомъ и Грамматикомъ , не зналъ онъ важнѣйшей для себя науки — управляшь Государствомъ: необдумавъ хорошо своихъ предприятий , приступалъ къ исполненію ; недождавшись конца , оставлялъ ихъ съ такою же нетерпѣливостію, съ какимъ начиналъ всѣ дѣла свои; распочилъ несмѣпныя сокровища, приводя въ дѣйство свои ничтожныя планы. Могущество его , которому много разъ угрожало оружіе Мавровъ, должно было наконецъ пасть подъ ударами собственнаго его сына. Испанія наконецъ испытала , что слабое правительствво есть изъ всѣхъ самое худшее.

Терзаемые бѣдствіями внѣшней войны и внутренними междоусобіями, несчастные жители сей прекрасной земли ежечасно шрепешали, не бывши обезпечены ни въ жизни своей , ни въ собствен-

носпи. Правительство принимало доносы, и добрые граждане подвергались не рѣдко мученіямъ, достойнымъ только злѣйшихъ преступниковъ. Всеобщій страхъ ослабилъ узы общества, и Кордуа, сей величественный городъ, копорой на турнирахъ своихъ видѣлъ опличѣннѣйшихъ воиновъ цѣлаго свѣта, — Кордуа представляла только печальное зрѣлище пустыни и унынія.

Въ епо время жилъ одинъ славный Астрономъ, по имени Албуферасъ, которому Альфонсъ оказывалъ особенное благоволеніе, и съ копорымъ часто проводилъ время въ своемъ кабинетѣ. — Нѣкопорые люди открывали за шайну одинъ другому, что Альфонсъ, занимаясь печеніемъ звѣздъ, теряетъ время, которое надлежало бы употреблять ему на управленіе государствомъ, и что онъ собственнымъ опытомъ узнаетъ свою ошибку. Какъ бы то ни было, но человекъ, пользующійся довѣренностію Государя, даже не швердаго на престолѣ,

всегда имѣють своихъ завистниковъ, хвалищелей, ласкашелей, обманщиковъ. — Домъ Албуфераса безпрестанно былъ наполненъ мнимыми друзьями, привлекаемыми къ нему корыстію, щеславіемъ и любопытствомъ. Они неопытно предлагали Аспроному коварные вопросы; извлекали важныя слѣдствія не только изъ его отвѣтовъ, совсѣмъ незначительныхъ, но даже изъ взглядовъ его и шлодвиженій. Скажешь ли Албуферасъ, что Король чувствовалъ лихорадку, или худо спалъ: вдругъ тысяча смѣшныхъ басень разносится по городу; и когда благомыслящіе люди не хотѣли имъ вѣрить, то разскащики отвѣчали: „Мы слышали это отъ Албуфераса.“ — Ложные слухи, съ намѣреніемъ разсѣваемые, поколебали въ самомъ основаніи престола, который и безъ того былъ уже близокъ къ паденію; ибо легкомысліе людей таково, что они бываютъ на сторонѣ власти только въ такомъ случаѣ, когда

почишаютъ ее твердою. Безпокойная неизвѣсность о будущемъ не одинъ уже разъ была поводомъ къ возмущенію. Филиппъ, родной братъ Альфонса, пользуясь расположеніемъ умовъ, принялъ самъ начальство надъ партіею недовольныхъ. Мятежъ сей оправдалъ догадки враговъ правительсва, а праздные люди тысячу разъ снова ихъ повторыли. Въ домѣ Аспронома число посѣщителей вдвое увеличилось: и вѣрные подданные Короля, и приверженцы Филиппа приходили толпами къ Албуферасу. Одни надѣялись услышать отъ него оправданыя новости; другіе старались на лицѣ Королевскаго любимца находить признаки близкой гибели Альфонса.

Въ одинъ вечеръ, когда Албуферасу великаго труда стоило отвязаться отъ своихъ докучливыхъ посѣщителей, сказалъ онъ въ слухъ: „Какъ я несчастливъ! Король. . .“ — Боже милосердый! — воскликнула Флорецца, Албуферасова служанка, прервавши рѣчь своего госпо-

дина : не уже ли ешо правда ? Король погибъ ? бунповщики одержали верхъ надъ нимъ ? — „Чшо значипъ ешо глупое пуспословіе!“ съ гнѣвомъ возразилъ Аспрономъ : „какая тебѣ нужда мѣшашься въ дѣла государспвенныя ? Смыслишь ли ты чшо нибудь въ нихъ ? . . .“ — Ахъ , доброй мой господинъ ! я въ нихъ ничего не разумѣю ; но я слышу , какъ люди безпрестанно объ ешомъ разсуждаюпъ , хопя они смысляпъ неболѣе меня. Всѣ , начиная съ перваго вельможи Испанскаго до послѣдняго креспьянина , всѣ заняпы однимъ шолько ешимъ ; а мнѣ , служанкѣ любимца Королевскаго , быпъ равнодушною къ тому , въ чемъ цѣлый свѣпъ принимаепъ живое учаспіе ? Ешо было бы очень спранно ! — „Переспанъ ! ты съ ума сошла !“ — И почно сойду съ ума , ежели Король не едолѣепъ своихъ неприяпелей. Хопъ я и съ роду не видала нашего добраго Государя ; но я готова жизнь свою опдапъ за его здравіе. Ахъ , сударь ! когда шолько подумаю

объ окружающихъ его опасностяхъ , то
немогу опъ слезъ удержаться ! —

При сихъ словахъ Флорецца запла-
кала. Албуферасъ , пронутый участі-
емъ ея и шѣмъ протосердечіемъ , съ
какимъ изображала она любовь свою къ
Государю , сказалъ ей ласково : „Ты
права , Флорецца ! любишь Монарха по-
велѣвающимъ тебѣ законы Божескіе и че-
ловѣческіе. Альфонсъ же единственнo
желаетъ блага своему народу , и если
именемъ его дѣлаются несправедливости,
то онъ объ етомъ ничего не знаетъ ; но
ты не безпокойся такъ много , Флорец-
ца : мятежъ Филиппа есть дѣло бого-
прошивное и потому не опасное. Бунтов-
щикъ скоро получитъ достойное нака-
заніе за свою ужасную неблагодарность.
Тщешно Филиппъ , измѣнникъ опечесп-
ву , Монарху своему и брату , тщешно
вооружаетъ противъ насъ Королей Гре-
нады и Марокка ; знаменитые рыцари
Каспильскіе храбро защищаютъ будущъ

священные права Альфонсовы, и мятежники погибнуть. . . .“

— Дай Боже! Однако друзья ваши, сударь, говорят иное. —

„Иное? Чтожь они говорят?“

— Они утверждают, будто Альфонсъ намѣренъ скоро удалиться изъ Кордуи, и будто вамъ ешо извѣстно. —

„Мнѣ извѣстно!“

— Точно такъ. —

„Слышала ли ты, чтобы я когда нибудь говорилъ объ ешомъ?“

— Нѣтъ, сударь; да къ бѣдной служанкѣ имѣющъ мало довѣренности! Несмотря на всю преданность мою къ особѣ вашей, не смотря на усердіе и вѣрность, съ которыми я пятнадцать уже лѣтъ служу вамъ, вы, можете быть, все еще почитаете меня недостоинною имѣть участіе въ вашихъ тайнахъ. . . —

„Въ тайнахъ? У меня ихъ вовсе нѣтъ!“

— Позвольте же, сударь, напомнить вамъ: вы сей часъ только начали было

что - то говоришь о Королѣ, и при томъ такимъ тономъ, которой заставляетъ спрашиваться, не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастія. —

„Вопъ хорошо! У меня въ это время были въ головѣ дѣла не государственныя, а свои собственныя. Король непременно желаетъ, чтобъ я рѣшилъ одну задачу, надъ которою донынѣ всѣ прочіе прудились по пустому. Для ешаго необходимо нужны ичисленія, пребующія по крайней мѣрѣ шести - мѣсячной непрерывной работы; а я неимѣю теперь ни минушы свободной. Сколько ни стараюсь уединиться, но усердные друзья мои вездѣ умѣютъ найти меня, и непокидаютъ почти ни на минушу.“

— Если, сударь, вы хошите, то будете совсѣмъ иное. Прикажете мнѣ запереть дверь, и я, Флорецца, клянусь честію своею, что ни одинъ изъ нихъ не придетъ къ вамъ. Я скажу рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ: господина моего нѣтъ дома. Ваша слава для меня

дороже всего; и когда дѣло идетъ о спокойствіи вашемъ, объ исполненіи воли Королевской, то ни ласки, ни деньги и ни что на свѣшъ меня не преклонитъ. —

„Но меня спануть называютъ гордцомъ, егоистомъ; подумаютъ, что я во зло употребляю довѣренность Королевскую, что хочу сдѣлаться сильнымъ: ешо приведетъ меня въ опчаяніе. Чѣмъ болѣе кто славится познаніями, тѣмъ больше долженъ стараться заслуживать доброе мнѣніе о своемъ характерѣ. И благосклонностію Государя я дорожу потому только, что она даетъ мнѣ возможность быть для другихъ полезнымъ.“

— Полезнымъ для неблагодарныхъ! —

„Недумаю; но пусть ешо и правда, я все не потеряю своей награды: чувствую удовольствіе, когда дѣлаешь людямъ добро. . . .“

— Прекрасно! Но если, мой доброй господинъ, вы прогнѣваете Короля, то

безъ сомнѣнія лишипесь его милости, а слѣдственно и средствъ оказывать другимъ услуги. —

„Вотъ ешаго - то я всего болѣе и спрашуся.“

— Я женщина просшая, ни въ чемъ несвѣдущая; однакожъ мнѣ кажется, что ешому дѣлу можно легко пособить. Если позволите, сударь, я скажу свои мысли. —

„Ну, чпожъ!“ отвѣчалъ Астрономъ улыбаясь: „мнѣ весьма приятно будете послушать.“

— Извольте, доброй господинъ! — продолжала Флорецца: будучи на вашемъ мѣстѣ, завпра же приняла бы я видъ необыкновенно веселый, разсѣяла бы слухи, истинные или ложные, что Король въ скоромъ времени непременно воспоржествуетъ надъ своими неприятелями внѣшними и внутренними; попомъ я спала бы казаться погруженною въ глубокую печаль, и тремъ или чепыремъ изъ моихъ друзей сказала бы за тайну,

что меня очернили передъ Государемъ : увидите , домъ вашъ полчасъ опустѣетъ. —

„Люди ищущіе своихъ выгодъ , люди праздные оставляютъ меня , въ епомъ несомнѣваюсь , но не друзья мои : а ты знаешь , что ихъ у меня много. Истинные друзья спанутъ посѣщаютъ меня чаще обыкновеннаго ; они непременно захопятъ подкрѣпить меня своими утѣшеніями.“

— Охъ , сударь ! Я гдѣ-то чила , что едва ли можно найши такую постоянную дружбу , которая могла бы выдержатъ подобное испытаніе. —

„Знаешь ли , Флорецца , что слова твои приводятъ меня въ удивленіе !“

— Вы , сударь , и недумаете , что живучи при васъ , часъ отъ часу спановишься умнѣе ! —

Флореццѣ не было еще тридцати чепырехъ лѣтъ отъ роду ; Албуферасу было шестьдесятъ. Флорецца имѣла прекрасные черные глаза и лице свѣжее.

Астрономъ, которому весьма понравился послѣдній отвѣтъ ея, въ первый разъ еще замѣтилъ въ ней сіи дары Природы; онъ погладилъ ее нѣжно рукою по щекѣ, и сказалъ: „Ты дѣвчушка, Флорецца; я не зналъ, что ты столько умна. Спупай себѣ съ Богомъ: я подумаю объ шеперешнемъ нашемъ разговорѣ.“ —

Албуферасъ послѣдовалъ совѣсу служанки. Всѣ оставили его, какъ скоро узнали, что онъ подпалъ немилоспи. Одинъ только другъ пребылъ ему вѣренъ: епо былъ истинный другъ его — и онъ — по — илъ цѣлебный бальзамъ на язвы, нанесенныя его самолюбію. Астрономъ спокойно предался ученымъ своимъ занятіямъ, успѣлъ сдѣлать рѣшеніе задачи, для Короля столь важной, и былъ осыпанъ новыми милостями отъ Государя. Прежніе друзья опять было явились къ нему съ почщеніемъ; но Албуферасъ небылъ уже болѣе расположенъ жертвовать своими упражненіями

и спокойствіемъ приходямъ людей честлюбивыхъ, любопытныхъ и праздныхъ. Единственныи другъ его Донъ Калдера и Флоренца составляли все его общество. Съ ними только могъ онъ говорить свободно; имъ однимъ только повѣрялъ чувства своего сердца.

Между тѣмъ внутреннія смятенія все еще продолжались; бунтовщики склонили Гренадскаго Короля къ покушенію возвращенію прежнюю свою независимость, и онъ при помощи Короля Марокскаго одержалъ важныя побѣды надъ хрістіанами. —

Терзаемая Испанія быстро приближалась къ своему паденію, когда Фердинандъ, старшій сынъ Альфонса, принялъ начальство надъ храбрыми Кастильскими кавалерами, и выступилъ противъ Мавровъ; но жестокая лихорадка внезапно прекратила дни Героя. Санхо, братъ умершаго Принца, занялъ мѣсто его, сдѣлался вождемъ соединенныхъ войскъ хрістіанскихъ, угро-

зами смирилъ Короля Морокского и разбилъ владѣтеля Гренады. Сія первая счастливая удача подала ему надежду овладѣть пресполомъ, а племянники его, по причинѣ малолѣтства, немогли противиться честнолюбивымъ его намѣреніямъ. Опредѣленіе государственныхъ чиновъ, самимъ Королемъ одобренное, утвердило за нимъ право наслѣдства на корону Кастильскую и Леонскую.

Щедрость и мужество Санха привлекли къ нему сердца всѣхъ воиновъ, и наслѣдникъ престола возымѣлъ преступное желаніе провозгласить себя Королемъ еще при жизни своего родителя. Произвольное возвышеніе цѣны одной монеты, сдѣланное по велѣнію Альфонса, показалось народу нарушеніемъ общественнаго довѣрія. Санхо, пользуясь всеобщимъ негодованіемъ, описалъ живыми красками слабость Альфонса и бѣдствіе Королевства, и заставилъ народъ вручить себѣ верховную власть съ шишломъ Регента.

Только Валенція и Бадаіозъ пребыли вѣрными споронѣ Альфонса. Государь сей и съ нимъ Албуферасъ удалились въ послѣдній городъ.

Альфонсъ просилъ помощи прошивъ сына своего у Короля Марокскаго, который великодушно согласился исполнить его желаніе и уступилъ ему первенство при свиданіи съ нимъ на предѣлахъ Гренады. „Я оказываю вамъ“ сказалъ Мирамолинъ „такое уваженіе потому, что вы несчастны. Союзъ, который теперь заключаю съ вами, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ опмщенія за святыя права всѣхъ Государей и родителей.“

Войска Гренады и Марокка вмѣстѣ съ Испанцами, преданными Альфонсу, неустояли прошивъ Санха. Мирамолинъ возвратился въ Африку, и побѣжденному Королю отъ неблагоприятнаго поступка осталось только одно раскаяніе, что опечество свое подвергъ новымъ бѣдствіямъ.

Несчастіе Альфонса усилило привязанность къ нему Албуфераса. Мудрецъ оградилъ Государя своими попеченіями, и сдѣлался ненавистнымъ поржесвующей партіи. Ему приписывали вину всѣхъ бѣдствій, опустошившихъ Испанію. — Во время сей богопротивной борьбы двухъ партій Альфонсъ умеръ. Тогда Албуферасъ удалился въ тихое, уединенное жилище, въ окрестности Бадаіоза. предавшись ученымъ размышленіямъ своимъ, единственно желалъ онъ наслаждаться счастіемъ безмятежной жизни, какъ вдругъ былъ объявленъ виновникомъ заговора, сдѣланнаго будто бы въ пользу Донъ - Жуана, младшаго брата Санхова, которому Альфонсъ оставилъ въ наслѣдство города Бадаіозъ и Севиллу съ ихъ округами.

По поводу сего обвиненія, неоснованнаго ни на какихъ доказательствахъ, Албуферасъ былъ увезенъ ночью изъ мирнаго своего обиталища, заключенъ въ темницу и приговоренъ къ смертной

казни. Аспрономъ спасъ нѣкогда жизнь многимъ осужденнымъ на смерть чиновникамъ, которые занимали теперь важные мѣста при новомъ Государѣ; но ни одинъ изъ нихъ не позаботился дать руку помощи Албуферасу. Донъ Калдерасъ старался получить доступъ къ Санху; но всѣ его покушенія остались тщетными. Албуферасъ, жертва ненавистной клеветы, близокъ ^{уже} былъ къ своей гибели, когда вѣрная Флорецца рѣшилась спасти его и отважилась на такой поступокъ, котораго нельзя никакъ было ожидать отъ женщины ея состоянія.

Король всякой день гулялъ по окрестностямъ Кордуи; нѣсколько шлохранищелей составляли всю его свиту. Флорецца, одѣвшись въ лучшее свое платье, пришла на то мѣсто, черезъ которое долженъ былъ проѣзжать Санхо. Она бросилась къ нему навстрѣчу, упала почти у ногъ лошади, неспрашивая очевидной опасности, и воскликнула: „Помилуй, поми-

луй!“ Санхо останавливаетъ лошадь, приказываетъ поднять просительницу и узнать, что ей надобно. „Государь!“ отвѣчала Флоренца: „Богъ поставилъ тебя Королемъ для того, чтобы ты былъ правосуденъ. Беззаконный приговоръ осуждаетъ господина моего на смерть. Уничтожь приговоръ сей, и ты, Государь, имъ докажешь подданнымъ, что пролагая себѣ путь къ престолю августѣйшаго родителя, ты имѣлъ въ виду не собственную свою пользу, но единственно благо народа. Люди, предаваемые моему родителю, узнаютъ, что ты не хочешь преслѣдовать ихъ, сдѣлаются усердными тебѣ подданными, поклянутся и тебѣ въ вѣрности такъ же охотно, какъ клялись прежнему своему Государю. Но если начало царствованія своего ознаменуешь поступками самопроизвольными, приличными однимъ пиратамъ; то всѣ благомыслящіе граждане прошивъ тебя возстанутъ; и тогда, Государь, ты долженъ будешь на каж-

домъ шагу сражаться съ непріяшелями, которые шѣмъ для тебя опаснѣе, что на ихъ споронѣ будетъ общее мнѣніе — епопъ властелинь цѣлаго свѣта. Побѣда низвергаетъ троны; одна правота хранишь ихъ. Албуферасъ есть величайшій Аспрономъ нашего времени, и попомство за спасеніе славнаго мужа признаетъ тебя великодушнѣйшимъ Монархомъ своего вѣка. Вспомни, Государь, слова своего прародителя, Фердинанда Святаго: Я собираю вокругъ трона моего и воиновъ и ученыхъ; равно осыпаю ихъ почестями, равно раздѣляю между ими любовь мою: ибо въ то время когда одни поддерживаютъ власть мою, другіе озаряютъ ее лучами славы и привлекаютъ къ ней любовь народную.“

Король внимательно слушалъ слова Флореццы. Онъ понялъ, сколь выгодно будетъ однимъ кропкимъ повелѣніемъ сдѣлать священною ту власшь, которая въ основаніи своемъ была беззаконна. Албуферасу возвращена жизнь, свобода,

имущество: и сей поступокъ, повторяемый всѣми Испанцами съ восхищеніемъ, приобрѣлъ Санху любовь народную столь же скоро, какъ мужество его снискало ему уваженіе опѣ войска.

Албуферасъ, исполненный признательности къ Флореццѣ, предложилъ ей свою руку.

„Исполнивъ желаніе ваше,“ отвѣчала Флорецца „я лишила бы васъ уваженія; останьтесь навсегда моимъ господиномъ: ещо единственное средство для васъ сохранить свое достоинство и даже мое собственное.“

Усильныя прозбы Астронома не могли поколебать твердости служанки; она упорно стояла въ благородномъ своемъ опказѣ, не желала переменять ни званія своего, ни должности, ни состоянія, и почислала священнымъ долгомъ тѣмъ еще болѣе уважать своего господина, чѣмъ болѣе чувствовала, что онъ ей всѣмъ былъ обязанъ.

Албуферасъ , немогши при жизни своей достойно вознаградить благодѣтельницу, завѣщалъ ей при смерти все свое имѣніе. Но Флорецца не была способною воспользоваться симъ знакомъ благодарности добраго своего господина; она созвала родственниковъ покойнаго и раздѣлила между ними наслѣдство, не оставивъ себѣ ничего, кромѣ очень умереннаго пожизненнаго дохода и того уединеннаго домика , въ которомъ провела двадцать лѣтъ съ своимъ господиномъ.

Когда Флорецца скончалась, наслѣдники Албуфераса съ великолѣпными обрядами предали землѣ прахъ ея , и въ честь благодѣтельницѣ воздвигли памятникъ на томъ самомъ мѣстѣ , гдѣ она изъ устъ самаго Короля получила прощеніе Астроному. Сей памятникъ существовалъ еще въ прошедшемъ столѣтіи ; на немъ видна была слѣдующая надпись золотыми буквами :

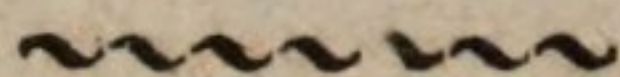
Часть III.

В

Покойся въ мирѣ, Флоренца, добродѣтельнѣйшая и великодушнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ!

Съ Франц.

ДВА ФАМИЛЬНЫЕ ПОРТРЕТА.

Анекдотъ.

Графъ Лисбанъ удалился изъ Франціи въ самомъ началѣ революціи. Законъ осуждалъ на смерть всѣхъ эмигрантовъ, возвращавшихся въ отечество; но Графъ недумалъ о немъ, и увлекся естественнымъ, непреодолимымъ желаніемъ увидѣть свою родину. Приѣзжаетъ во Францію; узнаетъ, что имѣніе его взято въ казну, что самъ онъ осужденъ на смерть, и что всѣ опасности грозятъ его жизни. Старые друзья его въ темницѣ; нѣтъ ириспанища! Господство, окованное боязнію смерти, не смѣло отворить дверей своихъ несчастію.

Цѣлый мѣсяцъ Графъ удачно скрывался отъ жадныхъ взоровъ мучителей;

наконецъ убѣжище его сдѣлалось извѣстнымъ. Уже была близка минута смерти; но онъ успѣлъ уйши въ домъ одного купца, живущаго въ улицѣ Клері, по имени Гюберта, копорого вовсе не зналъ, съ копорымъ не былъ никогда въ связи, и на сострадапельность копорого не имѣлъ другихъ правъ, кромѣ несчастія. Но для честнаго купца ешаго уже было много. Гюбертъ принялъ Графа съ благороднѣйшимъ великодушіемъ; самъ приготовилъ въ домѣ своемъ скрытное убѣжище, непроницаемое для неушомимыхъ гонимелѣй; раздѣлялъ съ нимъ умѣренной споль свой, и въ продолженіи осьми мѣсяцовъ служивалъ ему, съ самымъ нѣжнымъ усердіемъ.

Палачи Франціи, обративши наконецъ звѣрство свое на себя самихъ, освободили народъ опъ ига, копорого онъ самъ неимѣлъ мужества свергнуть съ себя, и подъ копорымъ долженъ былъ бы спенать еще долѣе, если бы пираны могли согласишь свои прошивныя

спрасти. Лучъ правоты блеснулъ среди разрушенія всѣхъ правилъ нравственности, религіи, челоѳчества и здравой логики. Графъ Лисбанъ, освободившись изъ своей темницы, съ живѣйшимъ чувствомъ признательности благодарилъ великодушныхъ благодѣтелей, и удалился въ прекрасное помѣстье свое, находящееся близъ Парижа, и которое по счастью не было еще у него опято. Каждую почти недѣлю принималъ онъ Гюберта, жену его и маленькую Луизу, дочь ихъ; часто приглашалъ ихъ обѣдать, и забывавая оказанной себѣ услуги, обходился съ ними всегда попросу, кромѣ тѣхъ торжественныхъ дней, въ которые изъ Парижа собиралось къ нему многолюдное и блистательное общество. Въ это время онъ оказывалъ имъ отличнѣйшее уваженіе, сажалъ ихъ на первыя мѣста, прежде всѣхъ пощивалъ, и только что не говорилъ прочимъ гостямъ: я виноватъ передъ вами; но вы спасли мнѣ жизни!

Торговля дѣла добраго Гюберша съ нѣкотораго времени находилась въ хорошемъ состояніи. Луиза подросла и становилась прекрасною. Гюбершъ заботился уже выдать ее замужъ за сына одного купца, своего сосѣда, — честнаго человѣка, пріятнаго своею наружностію, не богатаго деньгами, но богатаго умомъ, котораго у него было гораздо болѣе, нежели сколько нужно чтобы со временемъ сдѣлаться довольно богатымъ. Ещѣ бракъ два мѣсяца уже приготавлился въ головѣ родителей и шесть мѣсяцовъ въ сердцѣ Луизы; но ужасное происшествіе вдругъ разрушило это маленькое зданіе благополучія, воздвигнутое любовію и вмѣстѣ благоразуміемъ.

Состояніе честныхъ людей цвѣтеть дошолѣ, пока они не вступятъ на пути своемъ бездѣльниковъ; а какъ бездѣльниковъ очень много на свѣтѣ, то и немудрено, что честные люди такъ рѣдко бываютъ богаты. Честный Гюбершъ слишкомъ много довѣрялъ честности

другихъ ; онъ много поперялъ опъ своихъ должниковъ , объявившихъ себя банкротами, и скоро увидѣлъ самаго себя окруженнымъ толпою займодавцевъ, копорыхъ удовлетворить неимѣлъ возможности. Правда, замужство Луизы могло бы еще вознаградить большую часть попери Гюбертова семейства. Женихъ Луизы великодушенъ; онъ не допустить, чтобы отецъ и мать его любезной перпѣли бѣдностъ. Но, увы! ето замужство разрушилось. Отецъ Карла , превосходный ариѳметикъ, считаетъ за ничто такую любовь , которая ничего ему неприночитъ : онъ даже слышать объ ней не хочетъ. Какъ изобразить опчаяніе Луизы и Карла ! Сей послѣдній, ненаучившись еще дѣлать расчетовъ такъ исправно какъ отецъ его , думаетъ , что въ бракъ любовь есть все , и что деньги приобрести можно прудомъ и бережливостію.

Тщешно Гюбертъ ищетъ средствъ отвратить угрожающее бѣдствіе Друзья

или не въ силахъ, или не хотяшъ помочъ ему; оспается одинъ Графъ Лисбанъ, и именно тотъ одинъ, къ которому добрый Гюбертъ при такомъ несчастіи своемъ не хочетъ прибѣгнуть. Мысль просить у Графа помощи пришла однакожъ г-жѣ Гюбертъ, и она сообщила ее мужу. „Мы оказали ему большія услуги“ говоритъ она. — По ешой именно причинѣ и не должно — отвѣчаетъ Гюбертъ — просить его. — „Но вѣдь мы спасли ему жизнь!“ — Тѣмъ лучше да дамся. — „Онъ человекъ великодушный!“ — Мы не должны великодушія его употреблять во зло. — „Онъ благороденъ, чувствителенъ!“ — И мы не менѣе должны быть благородны и чувствительны. — „Я увѣрена, что еслибъ онъ зналъ о нашемъ положеніи, то поспѣшилъ бы къ намъ на помощь.“ — Я то же думаю. Но если онъ поступитъ какъ прочіе люди; какое для меня униженіе! Нескромною своею прозьбою я уничтожилъ бы все, что у меня еще

остается: я потерялъ бы плодъ малато добра, мною сдѣланнаго. — Г-жа Гюбертъ хотѣла было ошвѣчать, но мужъ ея съ видомъ спротогости сказалъ: Перестанемъ говорить объ епомъ, другъ мой! Я рѣшиительно хочу, чпобы Графъ незналъ о нашемъ несчастіи, и запрещаю тебѣ писать къ нему.

Добрая г-жа Гюбертъ, привыкши всегда исполнять волю своего мужа, молчитъ и плачетъ. Но Луиза, копорая не мѣшалась въ ихъ разговоръ, думаетъ, что запрещеніе къ ней совсѣмъ неоптнотится. Мнѣ кажется, говоритъ она самой себѣ, что бапюшка неправъ. Его великодушіе походитъ на гордоспъ. Чпо можетъ быть напуральнѣе, какъ въ несчастіи проситъ помощи у людей, копорымъ мы сами ее оказали? Развѣ надобно думать, что подавая имъ средспва изъ-являть признательностъ, мы укоряемъ ихъ нашимъ благодѣяніемъ? Молчатъ еспъ по же, что обижаютъ ихъ, по же, что почищаютъ ихъ неблагодарными.

Нѣтъ, нѣтъ! Графъ Лисбанъ незаслуживаетъ такой снрогости моего родителя. Сей же часъ напишу письмо, и постараюсь тайно къ нему отправить. — Луиза приходитъ въ свою комнату, садится и пишетъ слѣдующее:

„Вашихъ друзей, милоспивый государь, постигло несчаспие, и они скоро должны будупъ впасъ въ убожеспво. Многiя непредвидѣнныя банкротспва однимъ разомъ уничтожили плодъ ихъ долговременной бережливости. На васъ однихъ шеперь вся наша надежда. Не смотря на то, бапюшка не хочетъ просить у васъ помощи; какъ будпю малое нами сдѣланное вамъ добро опнимаепъ у васъ право помагапъ несчаспнымъ! Чпю до меня касаетсѧ, я не могу быпъ сполько несправедливою, не могу васъ, милоспивый государь, лишапъ удовольспвiя, достойнаго такого сердца, какъ ваше: не умѣю быпъ гордою, тогда, когда нужно просить у дружеспва

„вспоможенія моимъ родителемъ, и я
 „увѣрена, что ваше благородное сердце
 „оправдаетъ чувствованія

Луизы Гюбертъ.“

Луиза опослала письмо епо на почту, ни мало не сумнѣваясь въ признательности и великодушіи Графа Лисбана. Нѣсколько дней она питаеца надеждою, что малое состояніе опца ея воспановица совершенно и въ скоромъ времени: тогда ничто уже не будетъ препяшсвовать ея замужству! Сладоспныя мечшы о благополучіи подкрѣпляютъ ее тайнымъ утѣшеніемъ. Воображеніе юности наполнено такими мечшами. Въ молодости мы любимъ думать, что сердца всѣхъ людей способны къ тѣмъ движеніямъ великодушія, которыя ощущаемъ въ самихъ себѣ. Въ лѣтахъ любви можно ли помышлять объ егоизмѣ? Познаніе челоѣческаго сердца еспѣ одно изъ несчащій опытносши.

Между тѣмъ прошли двѣ недѣли, а Луиза не получила никакого извѣспія

отъ Графа Лисбана. Всѣ планы ея разрушились. „Ахъ!“ говоритъ она: „и такъ видно, что ни на кого недолжно полагаться!“

Заимодавцы не давали опдыха бѣдному Гюберту. Они ^{II} хлопотали у правительсва дозволеніе продать все его имущество. Небольшая лавка его наполнилась праздными людьми, которые вездѣ ищутъ зрѣлищъ, и пѣми жадными корыстолюбцами, которые не исключаютъ изъ расчетовъ своихъ и самого даже несчастія ближнихъ. Полицейскіе служители вытаскиваютъ и бросаютъ подъ молопокъ все движимое имѣніе бѣднаго семейства, которое, стоя вдали, печально смотритъ на сію сцену опустошенія, и обливается слезами.

Всѣ почти вещи были уже распроданы. Одинъ полицейскій служитель, примѣшивши два портрета подлѣ камина, снимаетъ ихъ, [показываетъ покупателямъ и любопытнымъ зрителямъ. Епо были портреты добраго Гюберта

и жены его. Они велѣли ихъ написать еще въ первые дни своего супружества, дни блаженные, когда сердце, недовольствуясь обладаемымъ счастьемъ, желаетъ умножать для себя его образъ. — При появленіи сихъ портретовъ тотчасъ раздались нескромные звуки хохота. Сшаромодное платье, въ какомъ изображены были г. и г-жа Гюбертъ, показалось очень забавнымъ собранію, которое не думаетъ о томъ, что несчастные стоятъ здѣсь же и плачутъ. Одинъ изъ насмѣшниковъ объявляетъ самую низкую цѣну и, къ великому сожалѣнію его, портреты должны были уже оспаться за нимъ, какъ вдругъ одинъ извѣстный въ тамошней части города живописецъ закричалъ: „Даю десять тысячъ франковъ за два портрета!“ Двадцать тысячъ! — подхватилъ другой живописецъ. — Тридцать тысячъ!“ — Сорокъ тысячъ! — Больше никто не прибавлялъ, и портреты отданы послѣднему за сорокъ тысячъ франковъ. Гюбертъ

жена его и Луиза почитаютъ его новою насмѣшкой надъ собою; зрители стоя въ неизъяснимомъ изумленіи. Живописецъ, хозяинъ портретовъ, обращаясь къ толпѣ и говоритъ: „Бѣдныя невѣжды! вы смѣшаетесь надъ тѣмъ, чему не знаете цѣны. Вѣдайте же, что оба портрета написаны славнымъ живописцемъ, котораго произведенія весьма рѣдки, и котораго давно уже нѣтъ на свѣтѣ.“ — При сихъ словахъ онъ беретъ купленные карпины, сіи, по его словамъ, образцовыя произведенія живописи, и уходитъ.

И вотъ добрый Гюбертъ спалъ вдвое богаче, нежели какимъ былъ прежде несчастія! Теперь онъ можетъ удовлетворить своихъ займодавцевъ и выгодно еще продолжая торговлю. Доброе семейство радуется. Кто могъ знать, что оно обладаетъ такимъ богатствомъ! Оба портрета въ свое время стоили и съ рамою не болѣе тридцати франковъ! При всемъ томъ добрый Гюбертъ, посмотрѣвъ на жену свою, сказалъ:

„Мнѣ очень жаль твоего портрета.“ —
Ахъ — отвѣчала она: еслибъ мы были
богаче! . . .

Луиза участвуетъ въ радости своихъ
родителей: бракъ ея можетъ теперь
совершиться! Отецъ Карла приходитъ
опять навѣстить своихъ сосѣдей.
Сначала его приняли довольно холодно:
онъ представилъ свои причины, ко-
рыхъ никакъ не можно было одобрить;
но Гюбертъ и жена его изъ любви къ
своей Луизѣ, казалось, были ими доволь-
ны. Черезъ недѣлю Луиза сдѣлалась
счастливейшею супругой, а молодой
женихъ ея счастливейшимъ мужемъ.

На другой день послѣ свадьбы Гю-
бертъ говоритъ женѣ своей и дочери:
„Знаете ли, что мнѣ пришло въ голову?
Вѣдь уже болѣе мѣсяца мы небыли у
Графа Лисбана, и ничего объ немъ неслы-
хали; надобно удивить его нечаянноспію.
Потѣмъ къ нему объявить о бракѣ Луизы;
я зѣваю отъ сердца: онъ будетъ радъ
нашему счаспію.“ Г-жа Гюбертъ въ

восхищеніи отъ ешой мысли. Но Луиза покраснѣла; она вспомнила о письмѣ своемъ, которое осталось безъ отвѣта, и о неблагодарности Графа Лисбана. Что намъ дѣлать у него? сказала она сама себѣ: наше присутствіе не будетъ ли укорять его въ томъ, что онъ забылъ насъ? Обязанный жизнью моимъ родителямъ, оставилъ ихъ умирать съ голоду! Какъ я покажусь къ нему? Какое положеніе! какое замѣшательство! Въ состояніи ли онъ снести мое присутствіе? Луиза думала обо мнѣ лучше, скажетъ онъ самъ себѣ, нежели я заслуживаю; а теперь Луиза знаетъ только то, что я неблагодаренъ. — И вотъ она истощаетъ все свое краснорѣчіе, всячески старается отъвергнуть родителей своихъ отъ поѣздки; но не смѣетъ ничего сказать о письмѣ, которое тихонько, безъ воли отца, нѣкогда послала къ Графу. Ея причины не были уважены; Гюберту и женѣ его весьма хотѣлось удивить Лисбана, и Луиза была принуждена съ ними ѣхать.

Всѣ помѣщающся въ наемной коляскѣ и приѣзжаютъ въ деревню Лисбана. Гюбертъ спрашиваетъ о Графѣ, и ему говорятъ, что Графъ сидитъ одинъ въ кабинетѣ. Гюбертъ съ женою, дочерью и зятемъ идутъ на верхъ прямо въ кабинетъ. Графъ Лисбанъ принимаетъ ихъ съ видомъ удовольствія, но съ нѣкоторою принужденностію и замѣшательствомъ. „Пойдемъ, друзья мои!“ сказалъ онъ: „пойдемъ въ залу; для насъ тамъ будетъ просторнѣе.“ — А почему бы епо? — возразилъ Гюбертъ: намъ и здѣсь хорошо! Когда сидимъ съ тѣми, которыхъ любимъ, то, я думаю, комната для насъ никогда не можетъ быть тѣсною. — Графъ не смѣетъ болѣе настаивать; спрашиваетъ потомъ добраго Гюберта, какъ будто ничего не зная, о здоровьи, о дѣлахъ его, и пѣняетъ, что такъ долго не видался. Какое прищворство! думаетъ Луиза. Гюбертъ рассказываетъ о своихъ несчастіяхъ, и о томъ, какимъ образомъ

сдѣлался вдвое богаче прежняго един-
ственно опъ двухъ портретовъ. . . Въ
самое ешо время взглянувши нечаянно
въ спорону камина, онъ восклицаетъ:
„Что я вижу? . . . О Небо! вотъ они! . . .
наши портреты. . . Возможно ли? . . .“ —
Луиза и мать ея бросающся къ ногамъ
Графа и омочаютъ руки его слезами. —
„Что ешо, друзья мои?“ говоритъ Лис-
банъ сильно распроганный: „что съ
вами сдѣлалось?“ — Ахъ, милостивый
государь! какое благородство! какое
великодушіе! Сорокъ тысячъ франковъ
за наши портреты! . . — „Ехъ, любез-
ный мой Гюбертъ! шутъ нѣтъ ничего
мудренаго. Можешь ли быть для меня
дорогою цѣна, заплаченная за пор-
треты людей, которые для спасенія
моей жизни собственную свою велико-
душно подвергали опасности? Ешопъ
милый образъ былъ всегда въ моемъ серд-
цѣ; я мучился неперпѣливымъ желаніемъ
имѣть его также и передъ своими гла-
зами. Благодаря вамъ, я столько богачъ,

что могу пожертвовать бездѣлкою невинной прихоти.“ — Но сорокъ тысячъ франковъ, Графъ! . . . — „Опять сорокъ тысячъ! Вы не расчитывали, Гюбертъ, когда могли дѣлать мнѣ добро; а теперь, какъ я имѣю счастливый случай воздать вамъ, вы вздумали считаться? Спѣшно вамъ, право спѣшно; считаться со мною, значить напоминать мнѣ, что я остаюсь еще долженъ несравненно болѣе, нежели сколько заплашилъ вамъ.“

Семейство Гюберта весь этотъ день гостило у Графа Лисбана, которой никакъ не хотѣлъ опустить ихъ и ввечеру. Онъ пригласилъ изъ окружныхъ деревень всѣхъ молодыхъ людей на праздникъ въ честь Луизы, и при наступленіи ночи велѣлъ ярко освѣтить замокъ и сады свои. Небольшой оркестръ музыкантовъ, призванныхъ изъ Парижа, расположился на возвышенности, окруженной прекрасными деревьями, на которыхъ висѣли разноцвѣтныя лампы. Начался балъ сельской;

на муравѣ были разспавлены сполы съ плодами, съ прохладительными напипками, и маленькой фейерверкъ заключилъ праздникъ. Радость Графа была несравненна. Мнѣ самому случилось быть тамъ же, и я, вовсе незная Лисбана, почелъ его за добраго опца, копорой празднуешь бракъ родной своей дочери; а когда Гюбертъ разсказалъ мнѣ всю исторію, то я подумалъ, что она многимъ принесетъ удовольствіе, и рѣшился пересказать ее читателямъ. Вѣдь въ наше время признательность — добродѣтель самая обыкновенная, точно какъ и благошворительность!! Кто неговоритъ о нихъ?

Сарразень.

И Н Д Ъ Й Ц Ы.

П О В Ъ С Т Ъ.

Печальная Марана сидѣла на высокомъ утесѣ, и склонясь на бѣлую руку, горевала о своемъ любезномъ. Волосы ея

небрежно развѣвались зефирами; прекрасное лицо орошалось слезами; въ голубыхъ глазахъ изображалось нѣжное безпокойство; грудь ея тяжело подымалась отъ частыхъ вздоховъ.

„Скоро ли возвратится онъ?“ говорила Марана: „скоро ли возвратится любезный Оней, любимецъ моего сердца? . . . скоро ли увижу его? . . . Волны Онтарійскія! принесите его на милую родину, возвратите его друзьямъ, возвратите нѣжнымъ моимъ объятіямъ! . . . Скоро ли увижу его? . . . скоро ли быстрая лодка промчится по озеру, и принесетъ героя къ счастливому острову? Такъ, счастливой островъ! тогда веселые крики раздадутся на твоихъ утесахъ, на обширныхъ равнинахъ, въ темныхъ рощахъ; тогда радость водворится въ нашемъ селеніи. . . . Старицы поспѣшатъ къ нему на встрѣчу . . . Но, ахъ! можетъ быть онъ погибъ! — можетъ быть теперь выпускаетъ послѣдній вздохъ на кровавомъ полѣ! . . . Онъ спремиселенъ

въ своемъ мужествѣ и пылокъ въ жару юности! можешь быть въ сію самую минуту лепить на неприятеля, и — погибаешь!“

Когда Марана такимъ образомъ питала свою горестъ, почтенный Ононпій пришелъ ее утѣшить. Примѣтивъ безпокойство въ душѣ ея, онъ скрытно слѣдовалъ за нею изъ селенія. Епо былъ отецъ Онея, одинъ изъ старѣйшихъ племени, уважаемый за мудрость свою и любимый за добродѣтели. Умѣренностію, воздержаніемъ, дѣятельностію въ юношескихъ лѣтахъ Ононпій умѣлъ сблечь веселость и здоровье для старости. Не заботы, но время провело на челѣ его морщины; осанка спарца была величественна, видъ приятенъ; онъ любилъ Марану съ родительскою нѣжностію.

„Утѣшься!“ сказалъ Ононпій: „не предавайся опчаянію. Великій Духъ, носящійся въ вихряхъ и гремящій въ шу-

чахъ , Отецъ и Правитель вселенныя ,
будешь твоимъ покровителемъ. Но знай,
дочь моя ! только толь достойнъ его
милостей , кто уповаеъ на его волю.
Намъ грѣшно почитать себя несчастны-
ми , когда въ самомъ дѣлѣ еще никакого
несчастья не терпимъ. Люди своенрав-
ные , непостоянные , робкіе и вмѣстѣ
высокомѣрные пренецуютъ , воображая
далекую опасность ; сѣпуютъ , какъ
будто бы дѣйствительно уже спрадали.
Они сами себѣ творятъ бѣдствія , нагло
жалуясь на Всемогущаго. Берегись , лю-
безная дочь ! не восставай пропивъ ве-
ликаго Духа : ибо ропшати и жаловашь-
ся безъ причины значить восставать
пропивъ него. Онъ повелѣлъ намъ бытъ
счастливыми , и оскорбляется нашимъ
неповиновеніемъ : предаваясь тщетному
сѣпованію , мы не повинujemy его волѣ;
разрушая собственное спокойствіе , дѣ-
лаемся врагами общаго блага , имъ успро-
еннаго , равно какъ если бы нарушили по-
кой ближняго. . . Упѣшься ! скоро возвра-

тился любезный Оней, обремененный Брипанскими добычами.“

— Если супругъ возвратится здоровымъ ; — отвѣчала Марана : то всѣ пламенные желанія мои исполнятся. Если возвратится онъ обремененный добычами Брипанскими ; ещо не увеличитъ моей радости. — Индѣецъ изумился. — Не уже ли ты забылъ, — она продолжала — что я сама Брипанка, что я увлечена изъ опеческаго дома, когда Ушагами опустошала нашу землю, когда распространилъ ужасъ до самыхъ степей Албанскихъ ? Родители мои погибли. Я была тогда младенцомъ, но помню кровавое пораженіе. Старшій братъ мой спасся, а я сдѣлалась жертвою. Уже пропекло нѣсколько лѣтъ ; но при имени Брипанца грудь моя наполняется воспоргомъ. —

„Я твердо былъ увѣренъ,“ отвѣчала старецъ, „что ты насъ любишь. Мы приняли тебя въ свое племя, а сердце твое не намъ принадлежитъ ! Ты печалишься о сиротѣ своихъ родителей !“

... Я называлъ тебя дочерью, Марана! а ты хочешь оставить меня?" При сихъ словахъ Ононпій взглянулъ на нее съ нѣжностію. „Ты хочешь оставить меня?" — повторилъ онъ, и слезы заблестали на глазахъ его. Марана схватила руку епарца, и прижала ее къ розовымъ губамъ своимъ. — Нѣтъ! никогда тебя не оставлю! Сердце мое принадлежитъ тебѣ и любезному Онею. Я почиаю тебя; могу ли забыть твое состраданіе? могу ли забыть тотъ ужасный день, когда Ушагами, въ собраніи своихъ одноплеменниковъ, опредѣлилъ принести меня въ жертву своему богу Арескуи? ты былъ тогда посломъ отъ своего народа. Оней тебѣ сопутствовалъ; онъ воздыхалъ, видя мои слезы. Ахъ! я была слаба, безъ друзей, среди неприятелей. Оней умолялъ тебя помочь мнѣ. Сердце твое пронулось; ты сжалился надо мною, купилъ меня, и назвалъ своею. Оней поспѣшилъ избавить меня, разорвалъ оковы мои, прижалъ меня къ своему сердцу.

Любовь наша возрастала вмѣстѣ съ лѣтами; ты смотрѣлъ на нее благосклонно, ты утвердилъ желанія наши своимъ согласіемъ. Я слыхала объ Европейскихъ искусствахъ, о драгоцѣнныхъ одеждахъ, о пышныхъ зданіяхъ: простота здѣшнихъ утѣсовъ и роцъ гораздо для меня пріятнѣе. Но если Оней не возвратится, — я погибла. Нѣсколько мѣсяцовъ пропекло уже, какъ удалился онъ съ отборными воинами нашего племени. Уже матери оплакиваютъ дѣтей своихъ. Ахъ! Оней пылокъ, а воины Албіонскіе неуспрашмы; кровь ихъ враговъ уже обагрила Огію. Канада трепетала при ихъ нашествіи, и — можетъ быть теперь сдѣлалась добычею ихъ мужества. Горе мнѣ! Если палъ сынъ твой, печаль сразитъ тебя. Знаю всю нѣжность любви твоей къ сыну; она вгонитъ тебя во гробъ: тогда кто будешь утѣшать меня? кто будешь моимъ другомъ? Посреди чужаго народа, остануся сиротою

Часть III.

Д

безъ отца, копорой защишилъ бы меня;
безъ брата, копорой подалъ бы мнѣ со-
вѣшь, помочь бы мнѣ.“

Ононпій хотѣлъ отвѣчать. Въ ту самую минушу подходитъ Индѣецъ, и рассказываетъ съ печальнымъ видомъ, что надежда ихъ племени исчезла; что нѣсколько Индѣйцевъ сосѣдственной страны, возвратившись изъ Канады, принесли вѣрное извѣстіе о совершенномъ пораженіи друзей ихъ; что они сами едва спаслись; что Оней сражался храбро, былъ окруженъ неприятелями, и вѣроятно сдѣлался жертвою ихъ ярости.

Марана лишилась памяти. Ононпій вздыхалъ; бѣдственное состояніе дочери и желаніе утѣшить ее на минушу установили въ немъ чувство собственной горести. „Если сынъ мой палъ;“ сказалъ старецъ: „то онъ умеръ, какъ прилично воину. Имя его сохранится, и дойдетъ до потомства въ пѣсняхъ военныхъ; оно утѣшитъ Европейца, когда предводителя будущихъ временъ,

ярошно устремившись изъ лѣсовъ своихъ, окружая въ полночь жилище его, и поразя въ кликахъ смерти. Опимщеніе за смерть Онея!“ — Опимщеніе! — повторилъ Индѣецъ: вѣспники нашего бѣдсвѣія устремились къ спѣнамъ Квебекскимъ, захватили часть неприятелей, и привезли ихъ на нашъ островъ. Спарѣйшины опредѣлили принести ихъ въ жертву памяти погибшихъ; исполненіе приговора опложено до своего прибытія. —

„Ахъ!“ воскликнула Марана: „гибель плѣнниковъ мало принесетъ мнѣ утѣшенія. Смерть врага возвратитъ ли жизнь моему Онею? изцѣлитъ ли тяжкія раны его? оживитъ ли грудь бездыханную? .. Оставь меня въ горести! оставь меня оплакивать его на горахъ уединенныхъ! Я проживу недолго; полечу къ моему любезному; встрѣчусь съ нимъ среди пустынь блаженной долины, гдѣ кроваваго врагъ не нападетъ на насъ! Оставь меня въ горести! ... я гнушаюсь

жизнію!“ Она пщепно просила; Индѣецъ и Ононшій увели ее съ собою.

Племя Индѣйцовъ , которыхъ предводилъ былъ Оней , обитало на островѣ озера Онтаріо. Главное селеніе лежало подлѣ пріяпной рѣчки, выходящей изъ скалы и текущей по узкой долинѣ въ озеро. Окрестные холмы украшались рощицами , луга покрыты были зеленью и цвѣтами ; деревня имѣла видъ круга и была обнесена заборомъ изъ кольевъ. Спѣсны хижинъ сдѣланы были изъ зеленаго дерна , кровли изъ шросшника и сухихъ листьевъ ; все было просто. Великолѣпныя колоннады не гордились остроумными надписями , и хитрое зодчество не возвышало до небесъ огромныхъ зданій. Ни высокіе храмы , ни грозныя башни , ни величественные чертоги не льстили пщеславію жрецовъ , полиптиковъ , воиновъ. Молодые люди , цвѣщущіе здоровьемъ и крѣпосцію силъ , обыкновенно занимались звѣриною ловлей. Они обязаны были доспаивать съѣстныя

припасы для общества, и защищать его отъ непріятельскихъ нападеній. Женщины, сшарцы и малолѣтныя, всѣ неспособныя къ труднымъ предприятиямъ и опаснымъ, оспавались въ деревнѣ, занимались работами, приличными своему возрасту и состоянію; удобряли близъ лежащія нивы для сорочинскаго пшена и другихъ полевыхъ растѣній; разводили лѣкарственные травы, сшарались познавать ихъ свойства, и пригопавливали для употребленія. Женщины смолтрѣли за дѣтьми, домашнимъ хозяйствомъ; умѣли искусно плести одежду изъ коры деревъ благовонныхъ; доспавали соки изъ разныхъ травъ и цвѣтовъ, которыми песприли своихъ воиновъ, чшобы сдѣлать ихъ ужаснѣе на сраженіи; съ особливымъ искусствомъ умѣли шкать ленты и пояса изъ вампа (*). Разноцвѣтныя краски служили шамъ знаками дружбы для родныхъ, союзниковъ и плѣнныхъ, принимаемыхъ сшарцами

(*) Родъ протшника.

въ свое племя. Дѣти заранѣе привыкали къ трудамъ и опасностямъ, заранѣе обучаемы были дѣйствовать лукомъ, весломъ, копьемъ и бросать изъ пращи. Когда юноши возвращались домой послѣ охоты, или другаго какого-нибудь предприятия, вся деревня представляла зрѣлище торжественной радости. Старцы и юноши въ пѣсняхъ своихъ прославляли подвиги воиновъ. Но когда надлежало заняться дѣломъ важнымъ, касающимся до благосостоянія племени; тогда старшина и старшины деревни, достигшіе сего достоинства не коварствомъ, не насиліемъ, истинно уважаемые за мудрость свою и опытность, собирались на открытомъ мѣстѣ посреди селенія, подъ тѣнію столѣтняго дуба. Каждой въ свою очередь произносилъ мнѣніе о предлагаемомъ дѣлѣ. Большинство голосовъ давало перевѣсъ, и всѣ были довольны. Такимъ образомъ они жили невинно и счастливо. Не имѣя частной собственности

сти, не были заражены спрасшію къ богатству, симъ ядомъ общеспвеннаго благоденспвія, сею оправою сердца. Владѣя всѣмъ вмѣспѣ, не знали ни мукъ сребролюбія, ни спрашныхъ угрозъ нищеты, ни обмановъ, ни вѣроломства, ни припѣсненій. Люди, опличающіеся превосходными, опѣ всѣхъ признанными достоинспвами, имѣли въ рукахъ своихъ власпѣ, и пользовались ею безъ щеславія; слѣдспвенно не было мѣста ни высокомѣрію, ни случаямъ къ зависти, ни побужденіямъ ко мщенію. Привыкнувъ къ шрудамъ, къ умѣренности, всѣ жишели острова были мужеспвенны, сильны, дѣяшельны. Чувспва любви и дружбы, не спѣсняемыя суешными, принужденными обыкновеніями, были пылки, чужды припворспва и свободно изливались изъ сердецъ непорочныхъ.

Всѣ зарыдали, услышавъ о смерти Онея и другихъ своихъ брапьевъ. Женщины въ расперзанныхъ одеждахъ, съ расстрепанными волосами, бѣжали на по-

ле , наполняли воздухъ своими воплями , толпились вокругъ плѣнниковъ , и въ сильной горести осыпали ихъ ругательствами. Старѣйшины собрались ; уже пылалъ костеръ , на которой надлежало повергнуть несчастныя жертвы ; ножи , сѣкиры и другія смертоносныя орудія лежали въ горѣ ; плѣнники , обремененные тяжкими оковами , приведены на мѣсто жертвоприношенія.

Хотя Мараа терзалась жестокою горестію , но крики Индѣйцовъ и ужасныя приговорованія къ мукамъ обратили ея вниманіе на плѣнниковъ. Она смотрѣла на нихъ съ жалостію. Предводишель ихъ былъ молодъ , смелъ , пригожъ , крѣпокъ ; природа напечатлѣла на грозномъ челѣ его храбрость и мужество ; огненные глаза его , въ которыхъ изображалась непобѣдимая твердость , смотрѣли на приговорованія къ мучительной смерти равнодушно , а на враговъ съ презрѣніемъ. Храбрые товарищи его , казалось , неспособны были къ

такой твердой рѣшительности; боязнь показывалась на ихъ лицахъ. Но взглянувъ на своего предводителя, они одушевились его примѣромъ и вооружились мужествомъ. Марана вздыхала. Чувство собственнаго несчастья исчезло на минуту. Можетъ быть, говорила она въ душѣ своей, объ епомъ неустрашимомъ юношѣ станутъ также плакать, какъ я плачу о моемъ Онеѣ; можетъ быть милая дѣвица, копорой клялся онъ въ вѣрности, теперь съплетъ, и ждетъ его неперпѣливо; можетъ быть преспарѣлый родитель, копорому онъ былъ подпорою, безпокоится о немъ; можетъ быть осиротѣвшая сестра, безпомощная и оставленная подобно мнѣ, должна будетъ оплакивать смерть его!

Тутъ Марана вспомнила о собственномъ своемъ положеніи, начала рассуждать о своихъ бѣдствіяхъ: она dospалась въ плѣнъ въ юныхъ лѣтахъ; сдѣлалась чуждою своему народу, своимъ роднымъ; супруга ея не было уже

на свѣтъ ; топъ , котораго почиала
 вмѣсто отца , приближался теперь ко
 гробу. Но сострадательное сердце ея
 забыло собственную горестъ , и снова
 занялось жалостію о несчастныхъ жерт-
 вахъ. Марана удивлялась великодушію
 предводителя; смотря на него, чувство-
 вала въ себѣ необыкновенныя движенія ,
 мучительную тоску ; сама не понимала,
 что съ нею происходитъ , и хотѣла подой-
 ти къ плѣннику. Онъ ея одноземецъ!..
 могла ли Марана видѣть грозящую ему
 гибель , и нестараться спасти его?..
 могла ли равнодушно смотрѣть на его
 мученія ? . . .

Одинъ изъ старѣйшинъ подаетъ
 знакъ толпѣ. Все умолкло. Старѣйши-
 на съ видомъ суровымъ произноситъ къ
 плѣннику : „Костеръ пылаетъ , сѣкира
 изошрена ! приготовься къ мученіямъ и
 жестокой смерти ! Духи погибшихъ но-
 сятся надъ нами ; они пребываютъ жерт-
 вы , и должны получить ее. Есть ли
 у тебя отецъ , или другъ ? Они тебя ни-

когда не увидятъ ! Приготовься къ мученіямъ и жестокой смерти !“

— Начинайте свое дѣло ! — отвѣчаетъ плѣнникъ : душа моя презираетъ мученія. У меня нѣтъ родителей — некому плакать о Сиднеѣ ; они погибли въ Албаніи , — погибли отъ безчеловѣчныхъ Индѣйцевъ. У меня была сестра — я лишился ее ! она взята въ плѣнъ , и сдѣлалась жертвою неистовой вашей ярости. У меня есть друзья ; но они Бришанцы , — слѣдственно не знаютъ страха. Начинайте ваше дѣло ! душа моя презираетъ мученія ; но помните , день мести и для васъ наступитъ ! —

Марана изумилась. . . . сей Албанецъ , потерявшій своихъ родителей и сестру ! . . . однимъ словомъ онъ былъ братъ ея. Оба удивлялись , оба излили чувства любви единокровной ! Марана упала на трепещущую грудь Сиднея ; Сидней прижалъ ее къ своему сердцу , и душа его успокоилась. Марана , бывши долго безмолвною , наконецъ сказала прерываю-

щимся голосомъ : „Я нашла !тебя , лю-
безный братъ, утѣшеніе мое и защита!
ты будешь радовать меня своею нѣжной
любовію , будешь пупеводителемъ въ
дикой пустынѣ горестной моей жизни ,
будешь мнѣ вмѣсто отца ! . . . Отчая-
ніе терзало меня , я была всѣми остав-
лена; душа моя изнемогала: но теперь . . .
о ! теперь, спану все сносить терпѣли-
во.“ — Потомъ , обратясь къ изумлен-
ному народу , продолжала : „Епо братъ
мой ! братъ , рожденный отъ однихъ
родителей. Если я заслужила милость
вашу, спасите его отъ гибели.“ Народъ
былъ чрезвычайно пронутъ. „Не бойся!“
сказалъ Оноупій (онъ говорилъ съ со-
гласіемъ старѣйшинъ) : „не бойся ! братъ
Мараны заслупилъ у насъ мѣсто Онея!
Молодой человекъ!“ продолжалъ старецъ,
обратясь къ чужестранцу : „я лишился
сына , Марана — супруга , племя —
храбраго воина. Онъ убитъ народомъ
вашей земли; мы хотѣли умилоspивить
духъ его, принесли жертву его памяти.

Но ты братъ Мараны; по ея прозьбѣ
опмѣняемъ свое намѣреніе, и принима-
емъ тебя въ свое племя. Будь братомъ
нашему народу, будь моимъ сыномъ.
Заспуи мѣсто умершаго, и наслѣдуй
его славу; ибо и ты воинъ неустраши-
мый.“ При сихъ словахъ Ононсій подалъ
ему калюмешъ мира (*) и поясъ изъ вам-
на. Сидней слушалъ его съ почтеніемъ,
но весьма удивился столь неож^{из}ивной
перемѣнѣ. Переходъ отъ гнѣва къ силь-
ной, горячей дружбѣ казался ему непо-
нятнымъ. „Ты мыслишь“ сказалъ Онон-
сій „какъ Европейцы, копорыхъ души
исполнены вѣроломства и злобы непри-
миримой. У нихъ на лицѣ улыбка, ме-
жду тѣмъ какъ измѣна гнѣздишся въ
ихъ сердцахъ; дружески подають они ру-
ку, между тѣмъ какъ думаютъ о спосо-
бахъ нанести обиду. Злобный гнѣвъ ихъ
прекращается только смертію. Таковы
ли сердца благородныя? Нѣтъ! они склон-

(*) Трубка съ табакомъ.

ны къ примиренію, склонны даже къ самой дружбѣ. Люди, неиспорченные высокоуміемъ и жадностію, слѣдственно не терзаемые ни завистію, ни памятозлбіемъ, всегда великодушны, всегда прощаютъ гоповы. Вы обвиняли насъ въ жестокости. Не судите о нашемъ поступкѣ, пока не узнаете причинъ и не разсмотрите нашего состоянія. Тотъ — жестокъ и безчеловѣченъ, кто для постыдной корысти нарушаетъ спокойствіе невинныхъ, коварно поступаетъ съ простосердечными, угнетаетъ слабыхъ и беззащитныхъ, измѣняетъ вѣрному другу, и вольность своего народа продаетъ за золото. Индѣйцы не таковы. Будучи исполнены почтенія къ памяти опличнаго воина, мы хотѣли принести достойную дань его добродѣтели. Вы гоповы были вкуситъ смерть, и встрѣчали ее неустромо: отдаемъ справедливостъ вашей твердости и предлагаемъ вамъ свою дружбу.“

— Можешъ ли иноплеменникъ, — оп-
вѣчалъ Европейецъ — вамъ враждебный,
исповѣдующій другую вѣру, можешъ ли
бышь принявъ въ ваше племя? —

„Великой Духъ“ опвѣчалъ Ононпій
„не естъ ли общій Отецъ нашъ? Не всѣ
ли мы дѣти одного семейства? Приро-
да въ сердцахъ великодушныхъ раждаетъ
непобѣдимую любовь къ отечеству; но
она никогда не великъ намъ презираетъ
чужестранца. Держи вѣру свою, будь
свободенъ, люби свое отечество; но
дай намъ свою дружбу и свое мужество.“

— Хвалю высокія чувства — оп-
вѣчалъ Брипанеъ: но не могу согла-
ситься, будто дикая жизнь Индѣйца
предпочтительнѣе образованности Евро-
пейскихъ народовъ. —

„Что пользы въ етой образованно-
сти?“ — сказалъ Ононпій: „она раз-
слабляетъ душу; она причиною, что
вы безпрестанно жалуетесь, и почита-
ете себя несчастными. Наслаждайся
между нами свободою и простотою;

будь невиннымъ и счастливымъ, будь Индѣйцомъ.“

Между шѣмъ приплыло нѣсколько лодокъ, наполненныхъ вооруженными воинами. Всѣ обрали на нихъ взоры; всѣ изумились и обрадовались, увидѣвъ знамя своего племени, и товарищей, которыхъ считали погибшими. Надежда Мараны оживилась. Первой вопросъ ея былъ объ Онеѣ. „Оней погибъ!“ отвѣчалъ одинъ Индѣецъ. Марана блѣднѣетъ, и безъ чувствъ падаетъ на пре-пещущую грудь Ононшія. „Онъ погибъ!“ продолжаетъ Индѣецъ „и вмѣстѣ съ нимъ цвѣтъ нашихъ воиновъ! Полчища Брипанскія и Французскія окружили спѣны Квебека. Спрашное было пораженіе! Земля пренепала, воздухъ споналъ отъ многократныхъ ударовъ грома. Предводители обѣихъ споронъ убиты. Славно скончали они жизнь свою! Яростъ воспламеняла рапниковъ на битвѣ жестокой и упорной. Наконецъ Албіонъ одержалъ побѣду. Жестоко поражая неприятелей,

и являя чудеса храбрости, Оней впалъ въ толпу вражескую. Молодой, отважной воинъ махалъ кровавымъ мечемъ своимъ надъ его головою. Стѣны союзниковъ нашихъ разрушены. Мечъ Албіона будетъ преслѣдовать насъ. Горе! нашего защитника, нашего храброго воина, нашего Онея нѣтъ уже на свѣтѣ!“

Всѣ громко зарыдали. „Схватите его, разперзайте!“ воскликнулъ тогда же воинъ, взглянувъ на Британца: „его мечъ былъ поднятъ на Онея. Онъ пронзилъ грудь нашего предводителя; онъ погубилъ его!“

Ярость снова закипѣла въ народѣ. „Я невиненъ въ его смерти!“ отвѣчалъ плѣнникъ. Но голосъ его и прозъба Ононтіева заглушены были криками и ругательствами. Индѣйцы опять повлекли Сиднея на мѣсто казни. „Пощадите, пощадите его!“ кричала безупѣшная Марана: „это братъ мой! Я защищу его, или — сама погибну. Пусть одно копье пронзитъ насъ. Поражайте!“

Несчастіе Мараны, кошорая лишилась супруга опъ руки брата своего, любовь, горестъ, опчаяніе, на лицѣ ея изображенныя, смягчили гнѣвъ народа, и возбудили въ немъ состраданіе. Онон-тій, пользуясь минушою, вѣщалъ къ нему съ опеческою любовію и власпію. Онъ говорилъ языкомъ сердца — красно и убѣдительно. Всѣ слушали съ глубо-чайшимъ почтеніемъ; смягчились, опмѣ-нили жертвоприношеніе. Тогда онъ, подкрѣпивъ Марану утѣшеніемъ, повелъ плѣнниковъ въ безопасное мѣсто.

Удалившись опъ народа, спросилъ онъ Бришанца: „Скажи мнѣ, виновенъ ли ты въ смерти моего сына?“ — Не знаю; — опвѣчалъ плѣнникъ съ гордымъ негодованіемъ: я поднималъ мечъ проши-ву враговъ своего опечеслва, и не оп-вѣчаю за кровь, кошорую пролилъ. — „Молодой человекъ!“ сказалъ Онон-тій съ безпокойствомъ и опеческою нѣжностію: „подумай о чувствахъ роди-теля. У меня былъ одинъ только сынъ,

подпора и утѣшеніе моей старости. Если онъ подлинно низшелъ во гробъ; то для меня не оспается болѣе радости на свѣтѣ. Но если онъ жизнію своею одолженъ твоему великодушію; то молитвы старца достигнутъ неба, и великій Духъ низпослетъ на тебя свое благословеніе.“ Слезы блеснули на глазахъ Ононтія; голосъ его прерывался; онъ вздыхалъ. . . . „Скажи мнѣ, живъ ли сынъ мой?“

— Мнѣ неизвѣстно, я ли умертвилъ твоего сына. Имени его и достоинства я незнаю. Въ жару битвы одинъ храбрый Индѣецъ напалъ на меня; онъ былъ утомленъ, измученъ. Я обезоружилъ его, и уже готовился вонзить мечъ въ грудь. . . . „Брипанецъ!“ сказалъ онъ твердымъ голосомъ: „не подумай, будто я боюсь смерти: я рѣшился на всѣ опасности. Не для себя прошу пощады; у меня есть пресвятой отецъ, котораго жизнь опъ моей зависишь. Супруга моя чуждаго племени; кто будешь

ея покровителемъ? — Храбрый юноша! — отвѣчалъ я: иди, утѣшь и защищай друзей своихъ! — Я оппустилъ его съ поля битвы, и не спарался узнать о его состояніи; ибо, сохранивъ ему жизнь, я повиновался закону своего сердца. —

Какая радость для Мараны, для Ононпїя! Но мысль, что нѣскольکو дней прошло послѣ сраженїя, и до сихъ поръ не получено никакого извѣстія объ Онеѣ, уменьшила ихъ радость.

Между тѣмъ Ононпїй совѣтовалъ дочери отвести чужеспранцевъ въ отдаленное убожище, и хранили ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ силъ спасти своея совершенно не успокоилъ народа. „Не обвиняй нашего племени, судя по сему примѣру его пылкости!“ сказалъ Ононпїй чужеспранцу: „мы повинемся побужденію природы, и часто перескупаемъ за предѣлы умѣренности; но буря спрасси вдругъ утихаетъ, и разсудокъ беретъ

власть свою. Мы раздражаемся скоро, но не знаемъ скрытной ненависти.“

Наступила ночь. Индѣйцы разстѣлись по своимъ хижинамъ. Небо было тихо и безоблачно. Полная луна въ торжественномъ величіи появилась на востокъ. Лучи ея отражались серебрянымъ сіяніемъ ошь гладкой поверхности озера. Сѣрые холмы и мрачные лѣса хранили безмолвіе. Только шумящіе вдалекъ водопады и вопли маперей, оплакивающихъ безвременную смерть чадъ своихъ, нарушали тишину сію. Марана повела плѣнниковъ изъ деревни вдоль по берегу озера. Они достигли уединеннаго, никѣмъ непосѣщаемаго убѣжища, окруженнаго съ двухъ сторонъ ущесами, и пересѣкаемаго извивающимся потокомъ. Столѣтній дубъ осѣнялъ источникъ. Нѣкоторые плѣнники, ослабѣвшіе ошь усталости, нашедши сухія листья въ близлежащихъ пещерахъ, предались сладкому покою. Марана долго бесѣдовала съ братомъ своимъ; всѣ чувства

души своей излила въ его нѣжное сердце ; облегчила горестъ свою , и упѣшилась въ его невинныхъ объятіяхъ. Скоро приятной сонъ овладѣлъ ими. Крошечная улыбка играла на прелестныхъ устахъ спящей Мараны ; волосы ея небрежно лежали на бѣлой груди. На лицѣ Сиднея изображалась храбрость воина , смягченная нѣжностію сердца. Братъ и сестра наслаждались счастливыми мечтаніями , и не предчувствовали грозящей опасности.

Когда луна достигла середины пупи своего , прерывающійся шумъ пловцовъ тихо началъ раздаваться по озеру. Лодка приближалась , и мокрыя весла , показываясь изъ воды , блистали надъ глубиною. Судно остановилось у песчаного берега. Юноша , покрытый косматой кожей медвѣдя , вооруженный лукомъ и копьемъ , выскочилъ изъ лодки. Это былъ Оней. Получивъ раны на сраженіи , онъ не могъ скоро возвратиться на родину , и съ нѣсколькими Индѣйцами

жилъ въ окрестностяхъ Монпроля. Разными правами и соками успѣлъ онъ исцѣлиться, и теперь возвращается къ своему племени.

„Я приду тайно“ говорилъ онъ самъ себѣ : „обрадую печальную Марану и сѣшующихъ товарищей, которые считаютъ меня погибшимъ. Удивлю ихъ нечаяннымъ своимъ приходомъ. Любезная Марана теперь неушѣшно рыдаетъ. Я прижму къ вѣрному сердцу любезную супругу; она заплачетъ отъ радости. Поспѣшу. . .“

Такъ думалъ Оней. Вдругъ увидѣвъ Марану въ объятіяхъ чужестранца! опскакиваетъ назадъ; долго спойтъ неподвиженъ отъ изумленія; терзаемый горестію и гнѣвомъ, произноситъ нѣсколько несвязныхъ словъ; опять подходитъ къ ней; удосповѣряется, что глаза не обманываютъ его. „Вѣроломная!“ воскликнулъ онъ, опспупивъ назадъ, и прижавши къ груди сжатые руки: „въ такомъ ли состояніи надѣялся я найти

тебя? . . въ объяніяхъ чужестранца! . .
 Наглый похищитель моего счастья! ты
 погибнешь. Кровь пивоя смоешь безче-
 спіе. . .“ — Ярость сверкала въ очахъ
 Онея. Схвативъ мечъ, онъ устремляет-
 ся поразить врага — и узнаетъ въ немъ
 своего избавителя. „Обезславленъ мо-
 имъ благодѣтелемъ! . . . Онъ спасъ мою
 жизнь. . . Безчеловѣчная милость! . . . О
 Духъ Всесильный! ты, котораго жилище
 въ облакахъ, котораго гласъ во громъ, и
 котораго око проникаетъ сердца чело-
 вѣческія! проводи меня въ блаженную
 долину: Оней не хочешь жить на свѣ-
 тѣ!“ — Онъ вздохнулъ. — „Еще разъ,
 въ послѣдній разъ взгляну на мою лю-
 безную; я почиалъ ее вѣрною; для нее
 жилъ, для нее и умираю! Она не спа-
 нешь плакать обо мнѣ, вѣроломная! она
 обрадуется, увидѣвъ бездушную трупъ
 мой! . . . Нѣтъ! я не для того любилъ
 ее, чтобы. . .“ — Онъ схватилъ копье.
 Марана жалобнымъ и нѣжнымъ голосомъ
 произноситъ его имя. Она мечпада объ

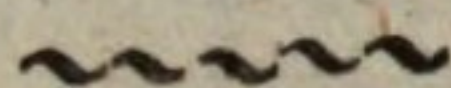
Онеѣ. — Приди! — говорила Марана: поспѣши къ своей любезной! немедли, Оней! — И Оней въ восторгѣ радости обнимаетъ Марану; она проснулась, увидѣла своего супруга, простерла къ нему руки свои. — „Прочь!“ — воскликнулъ Оней, поспѣшно отспутивши: „иди, люби своего чужестранца! прочь, вѣроломная!“ — Епо брашъ мой. . . — „Твой брашъ? . . . Чужестранецъ! ты даровалъ мнѣ жизнь! ты храбръ и великодушень! Скажи, назваешь ли тебя своимъ другомъ, и принесешь ли мнѣ мою благодарность — или почишаешь обманщикомъ, обольстившемъ, и наказашь твою дерзость?“

Бришанецъ, понявъ его ошибку, отвѣчалъ корешко и спокойно; рассказалъ ему о всемъ случившемся, и въ доказательство сослался на его родителя. Индѣецъ успокоился. По утру возвратились они въ селеніе. Ононпій при-

нялъ ихъ оъ воспоргомъ , и деиъ шопъ
былъ днемъ радости и удовольствія.

Ричардсонъ.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ.

Историческая повѣсть.

Франція начинала отдыхать послѣ ужасныхъ бурь , сильно потрясшихъ ее въ пятнадцатомъ столѣтіи. Жили на сей прекрасной земли, опличающіеся странною смѣсью въ характеръ — величіемъ духа и развращенностію , благомысліемъ и скопскимъ неисповснвомъ , мужеснвомъ и прусоснію , мягкосердіемъ и жестокоснію — ешопъ единснвенный народъ началъ выходить изъ мрака невѣжеснва, въ копоромъ погружена была вся Европа. Въ то время среди Германіи появилось новое ученіе , проповѣдуемое Люшеромъ и его послѣдователями. По несчастію , симъ проповѣдникамъ неизвѣсна была самая любезнѣй-

шая изъ добродѣтелей — терпимоссть. Они проклинали каждаго, кто думалъ и училъ не такъ, какъ имъ хотѣлось.

Еще въ началѣ шасънадацапаго вѣка ученіе Люшера и Цвинглія опъ береговъ Ельбы распросранилось до Рейна, и было благосклонно принято Французами. Но когда, спустя нѣсколько лѣтъ, на берегу Женевскаго озера возспалъ новый законоучишель, кошорой еще дадѣе, нежели соперникъ его Люшеръ, опспунилъ опъ догмашовъ Каполическаго исповѣданія, и кошорой по опечесству, языку и нравамъ былъ къ Французамъ ближе; въ то время новое ученіе спремисельно разлилось во Франціи. Ни неперпимоссть ревностныхъ Каполиковъ, ни жестокооссть Франциска I прошиву Пропесшаншовъ не могли оспановишь сего пошока. Расколъ еще бо-
дѣе усилился въ царшвованіе Генриха II, сына и преемника Францискова, несмо-
тря что Государь сей во всю жизнь свою

жестоко преслѣдовалъ Пропестантовъ. Чѣмъ болѣе костровъ пылало на площадяхъ, тѣмъ болѣе умножались раскольники. Ученѣйшіе мужи, богатѣйшіе граждане, знаменитѣйшіе дворяне, даже фамилія Королевская заразились ядомъ ученія Калвинскаго.

Пропестанты не прежде сдѣлались опасными Государству, какъ уже въ то время, когда сославились партіи изъ вельможъ придворныхъ. Одною изъ такихъ партій управляли Принцы Гизы, опрасли Княжескаго Лотарингскаго Дома : Дюкъ Францискъ Гизъ, извѣстный по славной оборонѣ города Меца и покоренію Кале, и братъ его Кардиналъ Карлъ Лотарингскій. Перваго всѣ любили, всѣ удивлялись геройскимъ его подвигамъ; другаго боялись какъ полишика дальновиднаго. Оба они, будучи движимы равнымъ честолюбіемъ, опличаясь равными дарованіями, умѣли присвоить себѣ учаспіе въ дѣлахъ государственныхъ, а въ царствованіе Франциска II,

котораго супруга, прекрасная и не-
 счастливая Марія Шотландская, была ихъ
 племянница, захватили въ свои руки
 бразды правленія. Завидуя скорому воз-
 вышенію и могуществу сихъ пришель-
 цевъ, Принцы Бурбонскаго Дома, Ан-
 тоній Король Наваррскій и Лудовикъ
 Конде, составили прошивную партію.
 Они думали, что по своей Царской по-
 родѣ имѣютъ право на то, до чего Ги-
 зы достигли посредствомъ дарованій,
 и вознамѣрились низвергнуть Гизовъ.
 Славный Адмиралъ Каспаръ Колинъи и
 братъ его Анделотъ, племянники Кон-
 нешабля Моншморанси, были въ числѣ
 людей, преданныхъ Бурбонамъ. Короле-
 ва - мать, Екатерина Медичисъ, че-
 сполубивая вдова Генриха II, ободряла
 то одну, то другую партію, смотря
 по обстоятельству; наконецъ совер-
 шенно предалась Гизамъ, и тѣмъ до-
 ставила рѣшительный перевѣсъ ихъ
 партіи.

Гизы, желая угодишь Каполикамъ, слѣдственно большей части націи, возобновили гоненіе на Гугеноловъ — симъ именемъ называли тогда Французскихъ Протестантовъ. Бурбонская партія напрошивъ того старалась привлечь гонимыхъ на свою сторону въ досаду притѣснителямъ. Такимъ образомъ Религія служила орудіемъ и средствами къ совершенію честолюбивыхъ намѣреній. Почти сорокъ лѣтъ Протестанты сносили терпѣливо угнетеніе и жестокости отъ Каполиковъ, хотя число ихъ въ государствѣ возрасло выше милліона.

Наконецъ, въ царствованіе Карла IX, которой, по смерти брата своего Франциска II, одиннадцати лѣтъ возшелъ на престоль Франціи (*), долго подъ пепломъ таившееся пламя вдругъ вспыхнуло; началась (**) ужасная

(*) 1560 Года.

(**) 1562 Года.

война за вѣру, война, быстро разлившаяся по всѣмъ провинціямъ и цѣлая тридцать лѣтъ опустошавшая Францію. Обѣ стороны посрамили себя передъ лицомъ потомства. Люди, церкви, монастыри, художественныя произведенія, памятники древности — все, что только называлось Каполическимъ, что принадлежало Каполикамъ, все было истребляемо. Ни одинъ Гугенотъ, попавшійся въ руки Каполиковъ, не спасся. Старики и младенцы, дѣвицы и жены, духовные и свѣтскіе, вооруженные и безоружные — всѣ безъ исключенія закалаемы были на жертву идола нестерпимости. Сего не довольно; спарались изобрѣтать разные роды неслыханныхъ мучительствъ. Поля устланы были трупами и обломками. Многіе предводители паршій, какъ-то Антоній Король Наваррскій, Моншморанси, Дюкъ Францискъ Гизъ и Принцъ Лудовикъ Конде, лишились жизни. Обѣ стороны сражались съ переменнымъ сча-

спіємъ ; однакожъ Каполики , бывъ гораздо многочисленнѣе , по большей части побѣждали , хотя не могли совершенно покорить своихъ непріятелей.

Между тѣмъ Карлъ пришелъ въ совершенный возрастъ. Исторія покрыла вѣчнымъ стыдомъ имя сего Монарха; и теперь еще одно воспоминаніе о немъ приводитъ въ ужасъ. Карлъ IX, имѣя впрочемъ нѣкоторыя похвальныя свойства душевныя , съ малолѣтства отличался жестокостію сердца. Онъ былъ нрава безпокойнаго , дѣятеленъ , любилъ словесность , самъ писалъ стихи и сочинилъ Разсужденіе о звѣриной охотѣ. По несчастію , хорошія склонности его были оставлены въ небреженіи; вмѣсто же того дурныя часъ отъ часу укоренялись. Екатерина поручила воспитывать Карла злому, коварному и развращенному Италіянцу Конди - Рецу , бывшему потомъ Маршаломъ. Находясь въ такой школѣ распусшва, въ которое тогда погруженъ

быль Дворъ Франціи, молодой Король удобно могъ достигнуть цѣли, назначенной для него беззаконною политикой. Нѣжныя чувства неизвѣстны были его сердцу; дикая жестокость обнаруживалась въ нравѣ его, въ поступкахъ, даже въ забавахъ; часто, по чрезмѣрной, ни чѣмъ необуздываемой пылкости своей выходилъ онъ изъ себя, говорилъ и дѣйствовалъ какъ сумасшедшій, и въ припадкахъ бѣшенства не щадилъ ни другихъ, ни себя самого. Звѣриная охота и сладострастіе были любимыми его забавами, а особливо, первая.

Пока не достигъ онъ совершеннаго возраста, Екашерина управляла Государствомъ; даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по слабости и по привычкѣ, онъ во всемъ, хошя и неохотно, повиновался волѣ матери. Проклятія современниковъ и пошомства за побіеніе Варѣоломеевское по всей справедливости падають на Екашерину сполько же, какъ и на ея сына; она еще болѣе въ шомъ виновна:

ибо Карлъ былъ только обыкновенный кровожадный убійца, люшый звѣрь, склонносшю влекомый къ кровопролитію; напрошивъ того душа Екашерины была самой адъ, въ которомъ гнѣздились безпримѣрныя злодѣйства; она управляла всѣми машинами при семъ независномъ побоищѣ.

Екашерина любила чувствєнныя наслажденія; но всѣ ея склонности, даже любовь, покорены были властолюбію — самой сильнѣйшей страсти, которой она всѣмъ жертвовала. Послѣ смерти Франциска II оставшись правительницею, она плѣла на всю жизнь удержавъ при себѣ кормило государства. Не имѣя ума обширнаго, всеобъемлющаго, старалась достигнуть цѣли своей съ помощію пагубной политики, и несогласіе показалось ей самымъ удобнымъ къ тому средствомъ. Она питала духъ вражды въ партіяхъ, чтобы ослабить ихъ взаимными раздорами и на ихъ развалинахъ утвердить свое могущество.

По сей причинѣ Екашерина сперва взяла сторону Гизовъ ; попомъ передалась къ Бурбонамъ, когда послѣдніе захватили власть въ свои руки. По смерти Дюка Франциска Гиза (*), страшнаго начальника своей партіи, она опять присоединилась къ Каполикамъ, и скоро попомъ предприняла славное путешествие въ Байонну, подъ предлогомъ свиданія съ дочерью своею Елисаветой, супругою Филиппа II, Короля Испанскаго. Въ то время, когда на берегу Адурѣ справлялись торжественные праздники, Екашерина вела тайные переговоры съ Дюкомъ Альбою и Кардиналомъ Лопарингскимъ, копорыхъ цѣлью была тѣснѣйшая связь съ Гизами и совершенное истребленіе Протестантовъ. Альба обѣщала дѣятельнѣйшее пособіе Короля Испанскаго, своего Государя, непримиримаго врага еретиковъ не только по набожности, но и по причинамъ политическимъ.

(*) 1563 Года.

Славный Адмиралъ Каспаръ Колинъи былъ душою стороны Протестантской. Счастіе рѣдко улыбалось къ нему въ продолженіе войны междоусобной; но никакія неудачи не могли поколебать его твердости. Проигравъ сраженіе, онъ поправлялъ обшоятельство какою нибудь новою выдумкой, и всегда былъ спрашенъ для неприятелей. На несчастной битвѣ при Жарнакѣ партія лишилась Лудовика Конде; въ то время Колинъи поручилъ начальство надъ Гугенотами младшему Принцу Генриху Конде, сыну убитаго Лудовика, и Генриху Беарну, сыну Короля Антонія Наваррскаго и Королевы Іоанны Албре, извѣстному попомъ подъ именемъ Генриха IV, Короля Французскаго, наилучшаго изъ Государей. Впрочемъ Колинъи не переставалъ управлять дѣйствіями партіи.

Рѣшимость сего Героя и упорство единомышленниковъ его увѣрили наконецъ Королеву, что Протестантовъ не

можно побѣдить открытою силой. Надлежало прибѣгнуть къ другимъ средствамъ: коварство и измѣна казались самыми вѣрными. Однакожъ прежде надобно было обезоружить непріятеля, а чтобы легче и вѣрнѣе поразить его, предложены были условія, и послѣ короткихъ переговоровъ заключенъ миръ съ Гугенотами (*) въ Сен-Жерменѣ. Не только дозволено имъ свободно отправлять богослуженіе, но даже оставлены нѣкоторыя крѣпости въ ихъ власти: такое снисхожденіе было предметомъ общаго удивленія и превзошло ожиданіе самыхъ Протестантовъ.

Сей миръ подобился обманчивой тишинѣ моря, какая обыкновенно бываетъ передъ бурей. Умы еще не успокоились; Фурии раздора вездѣ шайлись, покрывъ змѣобразные власы свои личиною

(*) 1570 Года.

пришворства. Каполическая партія не только не рѣшилась терпѣть Протестантовъ, но даже не оставила прежняго намѣренія испребить враговъ своихъ.

Еще прежде, нежели началась послѣдняя война во Франціи, Каполики условились между собою захватить начальниковъ Протестантской партіи, и такимъ образомъ разрушить зданіе, лишивъ его главной опоры. Исполненіе сего умысла въ то время не удалось; теперь снова начали готовить ударъ на главныхъ Гугеновъ, которые, зная по многимъ опытамъ коварство непріятелей, были недовѣрчивы и весьма осторожны. Въспомогая того чтобы по заключеніи мира разошлись по домамъ, многіе изъ нихъ жили въ Рошели. Двору нужно было, для произведенія въ дѣйство плановъ своихъ, удалить опасенія и недовѣрчивость, и прищвною честностію поселилъ въ Протестантахъ благосклонное къ себѣ расположеніе. На сей конецъ прибыли

опѣ Двора посланники въ Рошель для совершеннаго прекращенія всѣхъ споровъ; они объявили Пропешпантамъ, что Король намѣренъ начашъ войну съ Испаніей, и что для прочности примиренія хочетъ выдать сестру свою Маргариту за сына Королевы Наваррской.

Дворъ, зная, что Колиньи болѣе всего хотѣлъ войны съ ненавистною ему Испаніей, вздумалъ сею приманкой завести Адмирала въ свои сѣти; надѣялся, что предложенной бракъ могъ служить поводомъ не только къ обращенію молодого Генриха въ Каполическую вѣру, или по крайней мѣрѣ къ возбужденію противъ него подозрѣнія въ единомышленникахъ, но что самыя торжества брачныя послужатъ благовиднымъ предлогомъ призвать въ Парижъ главныхъ Гугенозовъ, попомъ тайно убить Адмирала, и такимъ образомъ избавишься самаго опаснѣйшаго непріятеля. Гизы, непримиримые враги Адмирала Колиньи, съ охотою взяли на себя трудъ умертвить его. Дворъ

надѣялся, что Гугеноты незамедляшъ мстишъ убійцамъ любимаго своего предводителя, и что партіи, равно опасныя для правительсва, сами собою ослабѣюшъ опъ безпрестанныхъ раздоровъ.

Какое впрочемъ ни былъ бы намѣреніе Двора, но посольство его имѣло желаемой успѣхъ. Протестанты еще болѣе ободрились, когда Король Карлъ присланныхъ опъ нихъ депуташовъ принялъ съ особливою благосклонностію, разговаривалъ съ ними о войнѣ противъ Испаніи и удовлетворилъ нѣкоторыя ихъ прозбы. Самъ Колиньи, склонясь на многократныя приглашенія опъ Короля, наконецъ прибылъ съ пятьюдесятью вооруженными спутниками ко Двору, находившемуся тогда въ Блоа. Первое свиданіе съ Королемъ было весьма прогашельно. Колиньи упалъ передъ нимъ на колѣна; Карлъ поднялъ его, прижалъ къ своему сердцу, называлъ его любезнымъ опцемъ своимъ, и признавалъ

ся, что день сей почитаетъ однимъ изъ лучшихъ въ своей жизни. Екатерина и братья Королевскіе одинъ передъ другимъ старались увѣрять его въ своей благосклонности и дружбѣ. Во все время его пребыванія въ Блоа Король всячески старался угождать Герою. Люди недоброжелательные Адмиралу были удалены отъ Двора; даже Гизы лишились прежней значительности; Кардиналъ Лопарингскій выѣхалъ изъ Королевства; Монпморанси, родственники Адмирала, играли первыя роли. По предсказанству Маршала, Протестанты получили все, чего желали. Онъ самъ былъ осыпанъ благодѣяніями Государя, а свита его дорогими подарками. Будучи совершенно увѣренъ, что Карлъ поступаетъ съ нимъ чистосердечно и желаетъ утвердить миръ съ Гугенотами, Колинъ возвратился въ Шапильонъ, свое помѣстье.

По единодушному свидѣтельству современныхъ писателей, Маргарита,

младшая сестра Карла IX, красою, приятностями и дарованіями не уступала ни одной дѣвицѣ во Франціи. Сердце ея уже принадлежало молодому Дюку Гизу, копорой наследовалъ всѣ великія качества своего дяди Франциска, и имѣя только двадцать лѣтъ отъ роду, отличился уже опытностію и геройскими подвигами. Король зналъ объ его достоинствахъ, но не терпѣлъ его какъ любимца націи, и проклиналъ спрасъ Маргариты. Дюкъ Гизъ могъ избавишься отъ пагубныхъ его навѣшовъ однимъ только средствомъ, а именно женитьбою, вопреки склонности своей, на Екашеринѣ Клевской, ибо Маргарита уже назначена была въ супружество Генриху Наваррскому съ тѣмъ намѣреніемъ — такъ написано въ объявленіи отъ Двора — чшобы симъ бракосочетаніемъ совершенно примирилъ Протестантовъ съ Католиками.

Прочіе начальники Гугенозовъ не полагались на Королевскія обѣщанія. Королева Наваррская Іоанна Албре, ученая,

умная и славная Государыня, не одинъ разъ ободрявшая своихъ единовѣрцовъ отважною рѣшимостію, весьма сомнѣвалась въ искренности сего примиренія, хотя въпрочемъ предложеніе о бракѣ лестно было ея самолюбію. Многіе Гугеношы принимали участіе въ ея опасеніяхъ, и совѣщавали не соглашались. Напрошивъ того Франкуръ, Адмиралъ и Канцлеръ Королевы, и многіе другіе совѣщавали согласиться. Іоанна склонилась, и съ многочисленною, блестящею свитой отправилась изъ Рошели въ столицу Франціи.

Наваррская Королева встрѣтилась съ Папскимъ Легатомъ, вѣхавшимъ въ Парижъ для испрошенія Маргариты въ замужество за Себастіана, Короля Португальскаго. Карлъ отказалъ Легату, объявивъ ему, что Маргарита уже обѣщана Генриху Наваррскому. Екашерина успокоила раздраженного посла, объяснившись съ нимъ тайно о причинахъ сего супружества; нѣкоторыя пи-

саптели увѣряющъ даже, что и самъ Король имѣлъ участіе въ сихъ объясненіяхъ.

Французской Дворъ выѣхалъ въ Блоа на встрѣчу Іоаннѣ, и Карлъ иначе не называлъ ее, какъ доброю, любезною пестушкой; всѣ ея требованія, всѣ условія были уважены; въ честь ея Дворъ принялъ намѣреніе торжествовать Пасху съ опмѣнной пышностію: но все это было только — пустая учтивость. Іоанна гораздо менѣе довольна была Дворомъ, нежели Колинъи и его приятели. Она замѣтила, что все идетъ не такимъ образомъ, какъ ей думалось: нѣкоторыя затрудненія, встрѣтившіяся при переговорахъ, нѣкоторыя оскорбленія со стороны Екатерины, снова заставили ее сомнѣваться въ искренности Двора Французскаго. Не смотря на то, она склонилась подписать брачный договоръ (*), и скоро пошомъ поѣхала въ

(*) 1571 Года Апрѣля 11 го дня.

Парижъ закупить разные наряды и приготовить все нужное къ свадьбѣ.

Въ это время посланы были къ Колиньи и другимъ начальникамъ Гугеновъ торжественныя приглашенія въ Парижъ къ свадебнымъ праздникамъ. Съ Англійскою Королевою заключенъ союзъ противъ Испаніи, и Реформамъ снова обѣщано свободное богослуженіе во Франціи. Среди брачныхъ приготовленій Іоанна вдругъ занемогла и въ пятой день скончалась на сорокъ четвертомъ году своей жизни. Всѣ Протестанты плакали объ ея смерти, которую приписывали явно Екашеринѣ и Каполической партіи. Говорятъ, что Королева Наваррская умерла отъ яда, которымъ напишаны были перчатки; впрочемъ это не доказано, хотя и извѣстно, что Екашерина ненавидѣла Іоанну.

При Французскомъ Дворѣ по сему печальному случаю наложенъ былъ глубокой трауръ, и брачное торжество

опложено до другаго времени. Между тѣмъ къ Адмиралу снова послано приглашеніе самое убѣдительное. Колиньи, неперпѣливо желая примирить обѣ партіи, заботясь о войнѣ съ Испаніей, починая искренними поступки Короля, и, можетъ быть, надѣясь освободить юнаго Монарха отъ цѣпей зависимости, которыми обложила его мать распушная и власполюбивая — рѣшился исполнить требованіе Государя и отправился въ Парижъ. Осторожные, дальновидные Протестанты и самая супруга Адмиралова, Жакелина Анпрмонъ, тщетно совѣщали ему опасаться; тщетно другъ его Вильгельмъ Оранжскій заклиналъ его не вѣрить ласковымъ словамъ Королевскимъ: онъ не послушался совѣтовъ и исполнилъ свое намѣреніе.

Удивительно, какъ могъ опытный Колиньи, которому извѣстны были всѣ обстоятельствова Двора, не догадаться о коварныхъ замыслахъ и вѣрить безопасности свою Королю слабому, непо-

стоянному, не имѣющему никакого характера! Положимъ, что Карлъ въ самомъ дѣлѣ желалъ ему добра; но Колинъи долженъ былъ знать, что Королева и вся парція Каптоликовъ питали къ нему вражду непримиримую; онъ долженъ былъ знать, что Докъ Гизъ пылалъ ненавистію къ нему и мщеніемъ, и что жители Парижскіе не могли перенѣсть Гугеноповъ. Исторія богата примѣрами, свидѣтельствующими, что люди благоразумные не рѣдко, въ ослѣпленіи своемъ, добровольно идущъ къ гибели. Видно, судьба и ему опредѣлила быть жертвою коварства.

Колинъи прибылъ въ Парижъ. Генрихъ Беарнъ и Принцъ Конде также привѣхали въ столицу; свита ихъ состояла болѣе нежели изъ семи сотъ Гугеноповъ, считая однихъ только благородныхъ. Всѣ они носили трауръ по Королевѣ Іоаннѣ, и суевѣрный народъ почиалъ черной цвѣтъ одежды печальнымъ предзнаменованіемъ. Адмиралъ принявъ былъ

съ почестями, приличными славу его и достоинству; Король и Королева изъявляли ему особливые знаки своего благоволения. Казалось, что все прошедшее было забыто, и что примирение основывалось на самой искренности. Король по обыкновению называлъ Адмирала батюшкой, благосклонно выслушивалъ его совѣты, и часто разговаривалъ съ нимъ о войнѣ противъ Испаніи.

Такое поведеніе Королевы и ея сообщниковъ, по видимому, уничтожавшее всѣ подозрѣнія, въ самомъ дѣлѣ было не что иное, какъ слѣдствіе глубокаго притворства. Самъ Король иногда сказывалъ за тайну своимъ любимцамъ, что „онъ, подобно сокольнику, приманиваетъ птицъ;“ при Дворѣ носились глухіе слухи, что „въ день свадьбы ливреѣ назначено быть кроваваго цвѣта.“ До Адмирала опять доходили оспешительныя напоминанія; давали ему знать о движеніяхъ Гизовъ, которые собирали военныхъ людей; но все шло

но! — „Епо пусшыя выдумки,“ — говорилъ Колинъ: „ничему не вѣрю; лучше соглашусь всего ожидать, нежели уѣхать изъ Парижа, и снова воспламенить ^в войну междоусобную.“

Въ Воскресенье, 17го Августа (*), въ церкви Богоматери торжественно совершено бракосочетаніе молодого Генриха Беарискаго, названнаго уже Королемъ Наваррскимъ, съ Принцессою Маргаритой. Кардиналь Бурбонъ оппразвилъ обрядъ въ присутствіи всего Двора, знаменитѣйшихъ Гугенотовъ и Капюликовъ. Новобрачные и всѣ Капюлики одѣты были весьма пышно, напрошивъ того Гугеноты — весьма просто. По окончаніи обряда Маргарита и Капюлики слушали обѣдню; а супругъ ея и Гугеноты прожизивались по церкви.

Праздники продолжались до самаго четверга. Пированія, балы, драматическія представленія и балеты, по боль-

---

(*) 1572 Года.

шей части сочиненныя самою Екаперин-
ной, слѣдовали одни за другими. Въ
среду былъ данъ праздникъ великолѣпнѣй-
шій; онъ достоинъ примѣчанія по алле-
горическому изображенію мыслей Двора
вразсужденіи Гугенотовъ. На театрѣ
представленъ былъ рай; при входѣ спо-
ялъ Король Французскій съ братьями
своими Дюками д' Анжу и д' Алансономъ,
всѣ въ рыцарскомъ плащѣ. Подлѣ рая,
за рѣкою, видѣнъ былъ адъ. Въ Елисей-
скихъ поляхъ, на задней половинѣ театр-
ра, гуляли двѣнадцать Нимфъ. Рыцари,
подъ начальствомъ Короля Наваррскаго,
хотясь увести двѣвушекъ; но спражи
входа райскаго, вступивъ съ ними въ
бой, низвергають ихъ въ бездны Оркуса:
тутъ дьяволы обременяють ихъ оковами.
Побѣдители танцуютъ съ Нимфами, и
потомъ освобождають заключенныхъ
рыцарей. Зрѣлище сдѣлало сильное впе-
чатлѣніе въ Гугенотахъ. Не полагаясь
на благосклонность Двора, они полковали
театральное представленіе въ дурную

«сторонѣ. Многіе, движимые неприятымъ предчувствіемъ, на другой же день оставили Парижъ; нѣкоторые выѣхали въ предмѣстія подъ тѣмъ предлогомъ, что въ городѣ воздухъ вреденъ для здоровья.

Въ четвертъ праздники окончились турниромъ. Солнце веселія закапилось, и вмѣстѣ съ его блескомъ исчезло примиреніе, подобно метеору воздушному. Горизонтъ Франціи снова покрылся облаками; буря нагнала тучу, которая давно уже въ дали соспавилась.

Въ пятницу, 22 то Августа, передъ полуднемъ Адмиралъ шелъ пѣшкомъ изъ Лувра на свою кварширу въ улицу Бешизи; въ то самое время, когда онъ читалъ предостерегательное увѣдомленіе, раздася выстрѣлъ, и пуля попала прямо въ Колиньи. Спутники ужаснулись; раненый, указавъ на ближайшій небольшой домъ, произнесъ: „Выстрѣлъ ошпуда.“ Въ ту мину

нѣкоторые изъ находившихся въ свитѣ Адмирала бросились въ домъ; но убійца скрылся черезъ заднія ворота. При осмотрѣ ранъ Колиньи могъ сказать только съ крайнимъ негодованіемъ: „Вопи́ шоржеспвенное примиреніе съ Дюкомъ Гизомъ, за котораго самъ Король поручился!“ Правой указательной палецъ былъ разможенъ, лѣвая рука оцарапана.

Извѣстіе о семъ немедленно распространилось въ Парижѣ, и Гугеноты изумленные бѣжали къ Адмиралу. Многие Каполики не одобряли злодѣйскаго поступка. Король Наваррскій и Принцъ Конде явились у Карла и просили о дозволѣніи выѣхать изъ Парижа, гдѣ жизнь ихъ подвержена опасности. Король старался успокоить ихъ, и, по обыкновенію, заклиналъ себя страшными клятвами, что „онъ жестоко опечаленъ за Адмирала,“ и что „убійца не скроется ниже въ самыхъ тайныхъ убѣжищахъ чертоговъ Гизовыхъ.“ Онъ по-

слалъ своихъ Лейбъ-Медиковъ и Хирурговъ къ больному, приказалъ нарядить комиссію для изслѣдованія дѣла, и потребовалъ отъ Гизовъ оправданія въ падающемъ на нихъ подозрѣніи. Екашерина также казалась весьма опечаленною симъ несчастнымъ приключеніемъ, хотя извѣстно, что она была въ немъ главною участницею. Послѣ узнали, что Гизы, закрывшись масками, два раза тайно посѣщали Королеву. Вильмеръ, хозяинъ дома, изъ котораго выпрѣлено въ Адмирала, служилъ при Гизахъ въ званіи Гофмейстера, а самой исполнишель сего гнуснаго препорученія, нѣкто по имени Моревель, уже и прежде замѣченный въ подобныхъ бездѣльничествахъ, ускакалъ на лошади, взятой изъ Королевской конюшни: послѣ всего ешаго можно ли не догадаться, кто былъ виновникомъ разбойническаго поступка?

Король не только посылалъ часто освѣдомляться о здоровьи больного, но,

склонясь на прозьбу его, рѣшился приѣхать въ кварширу Адмирала вмѣстѣ съ матерью и брапомъ, Дюкомъ д'Анжу. Онъ увѣрялъ Колинъи, что беретъ учаспїе въ его приключенїи, и снова обѣщался наказатъ виновнаго. Адмиралъ просилъ у Короля дозволенїя сказатъ ему нѣсколь-ко словъ безъ свидѣтелей. Королева, Анжу и всѣ шамъ находившіеся опспушили; въ то время, когда боль-ной говорилъ съ Королемъ, Екашерина примѣшила угрозы на лицахъ Гутеношовъ, ее окружавшихъ, и тайной разговоръ еще болѣе увеличивалъ ея безпокойство. По-терявъ терпѣнїе, она подходитъ къ постели и напоминаетъ Королю, что уже пора оставитъ больного въ покоѣ. Возвратились въ Лувръ; Екашерина при-ступила къ сыну съ вопросами, о чемъ Колинъи съ нимъ разговаривалъ. Карлъ сперва не хотѣлъ открываться; но видя, что непременно должно удовлетворишь ея любопытству, сказалъ съ негодова-нїемъ: „Колинъи совѣщивалъ мнѣ оспе-

регаться вашего честнлюбія и вашихъ сообщниковъ, которые всю власшь себѣ присвоили.“

Екашерина ужаснулась. Будучи въ сильномъ движеніи, она топчасъ вышла вмѣстѣ съ Дюкомъ д' Анжу, вѣрнымъ участникомъ всѣхъ коварныхъ ея замысловъ. Ей былъ извѣстенъ слабый, непопояннй характеръ Карла. Какъ легко могъ бы подѣйствовать надъ нимъ совѣтъ Адмирала! Какъ легко она могла бы лишиться всей власши, приобретенной посредствомъ злодѣйскихъ происковъ! По чему знашь, что могущество ея не досталось бы въ руки ненавидимаго Пропеспанпа? Врачи объявили, что раны Адмирала не опасны: шѣмъ болѣе, казалось ей, не должно пропускать времени; шѣмъ скорѣе, она думала, надлежало произвести въ дѣйство адской умыселъ.

На другой день (*) Екашерина собрала своихъ приятелей, сообщила имъ

(*) Августа 23 го.

свои опасенія, требовала совѣтовъ, канимъ бы образомъ Адмирала и всѣхъ Протеспанскихъ начальниковъ принесли на жертву своей безопасности и мщению. Собраніе немедленно согласилось и въ намѣреніи и въ средствахъ; Гизы обѣщались все сдѣлать, чего отъ нихъ ни попребуютъ; оставалось испросить у Короля дозволеніе. Это поручено было исполнить Графу Рецу. Коварный Иналіянецъ, которой пользовался довѣренностію Карла, употребилъ все краснорѣчіе свое, чтобы въ слабомъ Государѣ возобновить ненависть къ Протеспанцамъ. Онъ представилъ ему, что благо Королевства и собственная безопасность его требовали смерти Адмирала; что Гугеноты поклялись мстить ему, Королевѣ и Гизамъ; что въ слѣдующую же ночь положено поднять оружіе; что угрожаетъ крайняя опасность Государству; что дѣло идетъ объ его коронѣ и о самой жизни.

Карлъ въ изумленіи слушалъ Графа Реца, и не зналъ, слѣдовать ли его совѣшу. Въ это время входилъ Екашерина и Анжу со своими друзьями. Всѣ вмѣстѣ приступили къ Королю съ прозбою о дозволеніи умертвить Адмирала. Ему говорили, что и Каполики и Протестанты равно недовольны имъ: одни за строгость противъ Дюка Гиза, другіе за выстрѣлъ въ Адмирала; что Протестанты заключили миръ не съ добрымъ намѣреніемъ; что они уже наняли Нѣмцовъ и Швейцаръ, желая съ помощію сихъ чужестранныхъ ерешиковъ побѣдить православныхъ Французовъ; что Каполики, видя привязанность Государя къ ерешикамъ, выберутъ себѣ другаго предводителя; что онъ, такимъ образомъ лишась власпи, подпадетъ презрѣнію обѣихъ парцій; что смерть Колиньи переменитъ общепольствие и удалитъ опасность, ибо колоссъ Протестантскаго суевѣрія останется безъ души и силы. Екашерина прибавила

къ тому голосомъ небеснаго вдохновенія:
 „Лучше испребишь одинъ гнилой членъ,
 нежели озлобить Церковь, невѣсту Хри-
 спову.“

Карлъ слушалъ и молчалъ. Приве-
 денный въ изумленіе и ужасъ, онъ ду-
 малъ, что видитъ опасность надъ сво-
 ей головою; но не зналъ, на что рѣ-
 шиться. Екашерина грозно вскрикнула:
 „Робкой человѣкъ! нѣтъ въ тебѣ ни люб-
 ви къ Религіи, ни усердія!“ И упрекъ
 сей пробудилъ Карла. Спыдъ опъ словъ
 мащери, гнѣвъ на враговъ преспола и
 олшара возбудили въ немъ ярость крово-
 жадную. Подобно бѣшенному, съ дикими
 взорами, съ обезображеннымъ лицомъ,
 возопилъ онъ: „Колиньи погибнешь! онъ
 погибнешь не одинъ; но съ нимъ вмѣстѣ
 всѣ Гугеноты въ Парижѣ и во Франціи!
 ни одинъ изъ нихъ живымъ не оста-
 нется!“

Сіе внезапное изреченіе подало по-
 водъ къ ненавистному происшествію,
 которое здѣсь описывается. Нѣкошо-

рые Историки увѣряють , что оно было предположено съ давняго времени : мы не хотимъ тому вѣрить. Нѣтъ ! скорѣе согласимся заключить , что оно было слѣдствіемъ несчастной минуть , произведеніемъ грубаго характера , внезапно распаленнаго пылкими страстями; что намѣреніе Ріе исполнено, не бывши обдуманнѣмъ. Утверждать прошивное значило бы унижать челоуѣчество.

Приговоръ Карла , въ бѣшенѣмъ изступленіи произнесенный , рѣшилъ судьбу Гугеноповъ. Они объявлены состоящими внѣ защиты законовъ , лишенными всѣхъ правъ гражданскихъ. Убийственный Совѣтъ Королевы собрался въ Тюльерійскомъ саду разсуждать о способахъ къ истребленію Протестантовъ. Дюкъ д'Анжу , Дюкъ Ангулемскій , Великій Пріоръ Франціи , Королевскій братъ отъ незаконнаго ложа Дюкъ Неверсъ , Хранишель печати Биракъ , Маршалъ Таваннъ и Графъ Рець , составляли ужасное ночное судилище , подъ предста-

тельствомъ Фуріи, вооруженной кинжаломъ и пламенникомъ. — Сперва предложенъ былъ важный вопросъ: „Король Наваррскій и Принцъ Конде должны ли подвергнуться равной участи съ своими единовѣрцами, или оспасть живыми?“ Всѣ члены подали голоса въ пользу перваго, изъ уваженія къ высокому сану его, къ родству съ Королевскимъ Французскимъ Домомъ, и по причинѣ опасенія, что нареканіе падеть на Короля въ убійствѣ его зятя. Вразсужденіи же Принца Конде голоса раздѣлились; только неотступная прозба Дюка Неверса, его родственника, могла спасти Принца. Но оба они должны были искупить жизнь свою принятіемъ Каполическаго исповѣданія. Всѣ прочіе Гугеноты безъ исключенія осуждены на смерть: пораженіе долженствовало начаться съ почтеннаго линьи, добродѣтельнаго начальника шестантовъ; Дюку Генриху Гизу, которому назначено дѣйствовать въ качествѣ главнаго лица въ сей

кровопролишною драмѣ, поручено убить
Адмирала. Маршалъ Таваннъ обязанъ
былъ собрать мѣщанскую стражу пе-
редъ ратушей. Всѣмъ военнослужащимъ
велѣно соединиться на одномъ мѣстѣ,
всѣмъ карауламъ спать подъ ружье.
Каполики должны были освѣтить свои
дома, и для опличія пришить къ шля-
пѣ крестъ бѣлой, а руку перевязать
плашкомъ такого же цвѣта. Въ полночь
улицы вокругъ Лувра надлежало запе-
реть цѣпями и окружить стражею; до-
мы освѣтить смоляными факелами.
Звонъ колокола къ заупрѣнѣ на башнѣ
церкви Св. Жермена, находящейся не-
далеко отъ Лувра, подаетъ знакъ къ на-
чатию кровопролитія.

Всѣ приготовления въ столицѣ
окончаны весьма скоро; между тѣмъ къ
Намѣстникамъ провинцій посланы пове-
лѣнія вооружить Каполиковъ на Протес-
тантовъ. Какъ ни тайно дѣлались при-
готовленія; однакожъ многіе Гугеноты
объ нихъ узнали. Въ тотъ же день, ко-

гда Колиньи былъ раненъ , нѣкоторые изъ прияпелей неопспшно просили его удалиться изъ Парижа. Наканунъ побоища, поздно ввечеру Гугенопы прибѣжали къ нему съ извѣспіемъ , что во всѣхъ часпяхъ города примѣчается движеніе , и что въ домахъ Каполиковъ видѣли многихъ людей вооруженныхъ , а въ Луврѣ — носильщиковъ съ оружіемъ. Но больной не думалъ объ угрожающей опасности. Король, по его прозѣбѣ, далъ ему караулъ , для охраненія кварпиры ; положено было , чтобы находящіеся въ Парижѣ дворяне Пропеспанпскаго исповѣданія поселились въ домахъ, близъ лежащихъ къ жипельспву Колиньи , и не дозволяли бы приближаться Каполикамъ; сверхъ того Телиньи , зяпъ Адмирала, утверждалъ , что оружіе собрано въ Луврѣ съ намѣреніемъ спроить крѣпость, для забавы Карла. Легкомысленной молодой человекъ слышалъ басню сію во Дворцѣ , и повѣрилъ ей. Колиньи не внялъ послѣднему гласу генія , своего

спасителя ; онъ пребылъ спокоенъ и непоколебимою твердостью себя самого и многія тысячи единовѣрцовъ своихъ ввергнулъ въ пропасть, передъ нимъ зіявшую.

Королю Наваррскому также совѣщали выѣхать изъ Парижа : но рѣшимость Адмирала склонила и его оспаться ; сверхъ того онъ положился на коварнаго своего шурина, Короля Французскаго, который совѣщивалъ Генриху пригласить въ свою спальню нѣсколько вѣрныхъ Гугенозовъ для защищенія себя въ случаѣ предполагаемаго нападенія отъ Гизовъ. Сія осторожность послужила къ тому, что несчастныя жертвы тѣмъ удобнѣе достались во власць убійцъ своихъ.

Таваннъ, собравши начальниковъ мѣщанской сиражи, привелъ къ Королю, который лично опдалъ имъ приказъ „всѣхъ Гугенозовъ рубить безъ пощады.“ Сколько люди сіи ни были злы противъ Гугенозовъ, какъ враговъ вѣ-

ры; однакожь, услышавъ приказъ Королевской, зашрепешали опъ ужаса.

Самъ Карлъ пронупъ былъ чувствомъ челоѡколубіа. Ввечеру онъ ужиналъ и игралъ съ любезнымъ и почтеннымъ Графомъ Францискомъ Ларошфуко. Хотя Графъ былъ ревностный Гугенотъ; но Король находилъ великое удовольствіе провождать съ нимъ время. Когда Ларошфуко хотѣлъ опкланяться и идти домой, Королю пришло на мысль спасти его. Но опасеніе, чшобы симъ доброхотствомъ не опкрытъ ужасной тайны, перемѣнило его мысли, и онъ рѣшился оппустить приаіеа своего идти, куда судьба поведетъ его. Карлъ почелъ нужнымъ для собственнй пользы спасти пераго своего Лейбъ-Медика, славнаго Амвросія Паре, кошорому врачебная наука обязана многими полезными опкрытіями. Онъ приказалъ позвать къ себѣ Врача сего, и спрашалъ его въ своемъ гордеробѣ.

Карль отрекся отъ чувства дружбы, а свирѣлая мать его пренебрегла еще священнѣйшую обязанность — любовь родительскую. Дочь ея, юная Королева Наваррская, провела вечеръ въ комнатѣ сестры своей Дюшессы Лопарингской; она чрезвычайно безпокомлась, видя необыкновенныя въ Луврѣ движенія, которыхъ причина хотя ей была неизвѣстна, но которыхъ не обѣщали ничего добраго. Не задолго до убійства Екatherine приказываетъ ей идти въ спальню супруга. Дюшесса, заботясь объ участи сестры своей, и зная обо всемъ, представляетъ Королевѣ, что съ Маргаритой можетъ случиться какое нибудь несчастіе, и проситъ дозволить ей здѣсь остаться. „Если Господь Богъ не допуститъ;“ отвѣчала жестокая мать равнодушно, „то ничего не случится.“ — И дрожащая Маргарита принуждена была поспѣшно удалиться. Пришедши въ спальню, нашла она своего супруга и человѣка

сорокъ Гугеноповъ. Генрихъ разговаривалъ съ ними о больномъ Адмиралѣ, между тѣмъ какъ Маргарита не могла сомкнуть глазъ отъ мучительныхъ предчувствій.

Полночь минула; настала первая часть кроваваго 24 го дня Августа — дня ужаса. Все было приготовлено. Гизъ открылъ начальникамъ Швейцарской гвардіи и нѣкошорымъ Французскимъ офицерамъ всѣ обстоятельства заговора, роздалъ нужныя приказанія и окружилъ Лувръ стѣнами вооруженныхъ; онъ томился жаждою крови и съ неперѣннѣемъ ожидалъ условленнаго знака. Мертвая тишина господствовала въ еполицѣ. Миръ и спокойствіе скоро должны были уступить мѣсто жестокости, смятенію ужасамъ. Обреченные на жертву Гугенопы безпечно покоились въ послѣдній разъ въ своей жизни, не предвидя, что скоро пробудятся и снова заснутъ — навѣки.

Король Карлъ, мать его, Анжу и
 въкопторые сообщники, вышедши на
 балконъ, ожидали начала кровопроли-
 тія. Молча смотрѣли они на всѣ спо-
 роны. Вездѣ мракъ непроницаемый, ве-
 здѣ пищина глубокая; черной ангелъ
 смерти носился надъ своими жертвами.
 Насильственный трепеть объемень
 Карла: злодѣйство представляется ему
 во всей мерзости своей; разные чув-
 ства борются въ немъ. . . . Вдругъ раз-
 дался писполетной выстрѣлъ, и всѣ они
 окаменѣли. Геній человѣчества оспере-
 гаетъ Карла, и Король, будучи внѣ себя,
 поспѣшно приказываетъ одному чинов-
 нику лепѣшь къ Гизу съ повелѣніемъ
 пощадить Адмирала. Но уже было позд-
 но. Возвратившійся вѣстникъ доно-
 ситъ, что Колинъ плаваешь въ крови
 своей. Карлъ всегда былъ орудіемъ пер-
 ваго движенія души своей; освобождаясь
 отъ раскаянія, онъ воскликнулъ: „Те-
 перь пускай все идетъ своимъ поряд-
 комъ!“ — Ангелъ хранитель оставилъ

его навсегда; послѣдняя искра человѣчества погасла въ его сердцѣ.

На башнѣ Сен-Жерменьской заблаговѣстили къ заутренѣ. — „Слышите ли?“ — сказалъ нестерпѣливый Гизъ къ сообщникамъ: „пра за дѣло!“ — и пошелъ къ жилищу Колиньи вмѣстѣ съ дядею своимъ Дюкомъ Омалемъ, Великимъ Пріоромъ Франціи, — со множествомъ людей военныхъ. Одна часть окружила домъ, другая начала выламывать двери. Домоправитель и слуги брошены были въ низъ съ лѣстницы. Колиньи слышавъ шумъ, предчувствуя близкой конецъ свой, забавился не о себѣ, но о врачахъ и священникѣ, при немъ находившихся. „Друзья!“ говорилъ онъ: „спасайтесь; теперь не имѣю нужды въ помощи человеческой!“ — Потомъ встаетъ съ постели и хочетъ молился. Въ это самое время съ дикою яростию вбѣгаютъ злодѣи: Бемъ, молодой Нѣмецъ, вѣрной служитель дома Гизовъ, Пепручи Италіанецъ, Барла-

бу и двое другихъ Капишановъ Французскихъ.

Бемъ, со шпагою въ рукѣ подскочивъ къ Адмиралу, спрашиваетъ: „ты Колинъ?“ — Я! — отвѣчаетъ почтенный мужъ: молодой человекъ! имѣй уваженіе къ стѣдинамъ спарца. Дѣлай, что тебѣ угодно; лишь только прекрати жизнь мою безъ мученій. — Наемный варваръ, не уваживъ ни сѣдинъ, ни беззащитности славнаго мужа, передъ которымъ нѣкогда враги Франціи преклонялись, вонзилъ шпагу въ грудь его; потомъ, выпивъ ее всю въ крови, изрубилъ; съ помощію сообщниковъ своего злодѣйства, лице невиннаго спрадальца. Колинъ умирая произнесъ: Для чего лишаясь жизни не отъ руки Героя, а отъ подлаго убійцы! —

„Свершилось!“ закричалъ Бемъ изъ окна къ стоящему внизу Дюку Гизу, которой съ нетерпѣніемъ дожидался окончанія. „Графъ Ангулемскій“ отвѣчалъ Гизу

— не повѣришь етому до тѣхъ поръ , пока неувидишь передъ собою мертваго тѣла !“ и поспѣхомъ было выброшено черезъ окошко на улицу тѣло Адмирала.

Смерть Колиньи была знакомъ ко всеобщему побіенію : вездѣ зазвонили въ набатъ , вездѣ запылали факелы ; солдаты побѣжали въ Лувръ ; Гугеноты , внезапно пробужденные , по большей части полубогатыи , безоружные , въ замѣшательствѣ разсыпаясь по улицамъ и падаючи подъ убійственными ударами свирѣпыхъ Каптоликовъ. Нѣкоторые толпами спѣшались въ Лувръ , желая узнать о причинѣ нечаянной тревоги , или найти безопасное убѣжище ; стража и Швейцары лишаютъ ихъ жизни при самомъ входѣ : кому удавалось спастись отъ рукъ стражи , тотъ попадался къ солдатамъ Дюка Гиза , или къ вооруженнымъ гражданамъ. Убійцы бѣгали даже по домамъ несчастныхъ Протестантовъ , изъ которыхъ многіе , лежа на постеляхъ , получали смертельные удары , прежде

нежели узнать могли о предстоящей опасности. Вездѣ ожидала ихъ смерть, нигдѣ не было спасенія; перешагнутыя по улицамъ цѣпи останавливали убѣгающихъ. Скоро всѣ улицы вокругъ Лувра, гдѣ жили дворяне Пропеспанпскаго исповѣданія, наполнились мертвыми тѣлами и потоками крови. Оружейные и пистолетные выстрѣлы, стоны умирающихъ, охриплый вой убійцъ, крики: „бей до смерти! руби Пропеспанповъ!“ нарушали тишину ночи. Графъ Ангулемскій, Дюкъ Гизъ и Дюкъ Монспансье, подобно ангеламъ смерти, при блѣдномъ свѣтѣ пламенниковъ бѣгали по улицамъ и раздражали ярость въ убійцахъ. — „Не щадите крови! въ Августѣ также здорово опворятъ жилы, какъ и въ Сентябрѣ!“ — кричалъ Маршалъ Таваннъ, впрочемъ храбрый военачальникъ, но столь бѣшенный фанатикъ, что послѣ, будучи уже на смертномъ одрѣ, восхищался подвигами Варѳоломеевской ночи, какъ самыми лучшими

въ своей жизни. Спраспи начальники сообщились народу; кровожаднось заняла мѣсто всѣхъ движеній сердца. Не было пощады ни возрасту, ни полу, ни заслугѣ. Разсвирѣпѣвшіе убійцы умерщвляли родственниковъ, сосѣдовъ, слугъ своихъ и приятелей; даже десятилѣтнія дѣти убивали младенцевъ, лежавшихъ въ колыбели.

Францискъ Ларошфуко, приятель и собесѣдникъ Короля, спокойно опдыхавши на своей постелѣ, проснулся, услышавъ стукъ у дверей комнаты. Онъ подумалъ, что Король съ придворными въ необыкновенное время пришелъ къ нему вѣрно для какой нибудь шутки. Францискъ отворяетъ дверь; толпа переродѣтыхъ злодѣевъ бросается на него, и умерщвляетъ.

Между тѣмъ, какъ въ домахъ и на городскихъ улицахъ происходили явленія столь ужасныя, въ самомъ Луврѣ совершались убійства съ такою жестокостію, что спустя часъ послѣ нача-

чала кровопролитія всѣ углы завалены были трупами. Король Наваррскій сидѣлъ съ своими друзьями и вѣрными служителями подлѣ постели Маргариты; онъ рѣшился на другой же день пребыть опъ Короля удовлетворенія за злодѣйской выспрѣлъ въ Адмирала. Когда стало разсвѣтать, онъ вышелъ съ собесѣдниками своими изъ спальни, чтобы поиграть въ мячъ, пока Король не проснулся. Генрихъ не зналъ, что близко льется кровь попоками.

Лишь только они вышли въ переднюю, какъ няеюжа ихъ остановила. Генрихъ и Принцъ Конде должны были опдашь свои шпаги; всю же свиту изрубили передъ ихъ глазами. Обоихъ привели къ Карлу, который, вспрѣшивъ ихъ съ грознымъ лицомъ, съ пылающими глазами, сказалъ: „Все дѣлается по моему повелѣнію; вы одни избавитесь опъ смерти, постигшей вашихъ единовѣрцевъ; пребудете только, чтобы вы заслужили ешу милость, отреклись бы опъ

нагубной ереси, и присоединились ко
 святой церкви Каполической. Генрихъ
 и Конде отвѣчали нерѣшительно, и раз-
 драженный Карлъ объявилъ имъ съ клят-
 вою, что послѣ прехъ дней они дол-
 жны будутъ или слушать Каполическую
 обѣдню, или сидѣть въ темницѣ. Прин-
 цу Конде, которой говорилъ смѣлѣе
 передъ Карломъ, сказано было, что онъ,
 какъ мятежникъ, лишится головы на
 эшафотѣ. Оба отданы подъ присмотръ
 стражи. Вопли несчастныхъ, умерщв-
 ляемыхъ безъ милосердія, проницали
 сквозь темничныя стѣны, и спрашно
 опадались въ сердца съ сихъ знамени-
 тыхъ Гугенотовъ.

Одинъ Реформатъ изъ свиты Ген-
 риховой, по имени Гаспонтъ Леранъ, въ
 ужасномъ страхѣ бѣжитъ къ спальнѣ
 своего Короля, и сильно толкая въ дверь,
 кричитъ изо всей силы: „Государь! Го-
 сударь!“ — Маргарита, оставшись одна,
 думала, что что-то уже никакой опасно-

спи, и спокойно заснула; но громкой крикъ у дверей разбудилъ ее. Она приказала оппереть, надѣясь увидѣть Генриха; вмѣсто того, раненный, преслѣдуемый чепырема солдатами Гаспонъ вбѣгаетъ въ комнату и бросается прямо на постелю Королевы, желая спасти жизнь свою. Маргарита, полумертвая отъ ужаса, поспѣшно встаетъ, прячется за постелю; Гаспонъ бѣжитъ за нею, прижимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ: оба просятъ о помилованіи. По счастью, является Нансай, Капитанъ гвардіи, выгоняетъ солдатъ изъ спальни, и изъ уваженія къ Королевѣ даруетъ жизнь Гаспону. Капитанъ, между тѣмъ какъ Маргарита одѣвалась, рассказалъ ей о всемъ случившемся. Она просила его проводить себя въ комнату Дюшессы Лопарингской. Идетъ, и передъ ея глазами, въ трехъ шагахъ отъ нее, умерщвляютъ Гугенота. Королева, внѣ себя отъ ужаса, падаетъ на землю: ее опнесли въ комнату Дюшессы.

Король Карлъ съ безчувственнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на побіеніе Гугенотовъ въ Луврѣ, и ободрялъ Швейцарскихъ солдатъ: „Убивайте ерешиковъ! ни одного не щадите!“ Варваръ самъ стрѣлялъ въ бѣгущихъ своихъ подданныхъ, которые хотѣли уйти вплавь черезъ Сену. Многіе видѣли его въ самое время кровопролитія стоявшаго съ ружьемъ въ рукахъ подлѣ окна; девяностилѣтній старецъ, бывшій въ молодости своей пажемъ, признавался, что въ сію страшную ночь находился при Карлѣ и заряжалъ для него ружье.

Насталъ день тихій и ясный; но свѣтъ солнечный возбудилъ еще большую страсть къ кровопролитію. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей говоритъ: „Никакой городъ въ свѣтѣ не представляетъ зрѣлища, подобнаго Парижу, когда сильныя страсти бывають въ немъ въ движеніи; ибо ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько быстраго сообщенія, нѣтъ столько общей, непрерывной дѣятельности.

Парижъ наполненъ гражданами изъ всѣхъ частей Франціи; опъ спеченія споль различныхъ свойствъ составляющагося народнои характеръ, издавна опличающійся удивительною живоспію и дикимъ фанатизмомъ.“ Сія живость, сей дикой фанатизмъ родили ужасы въ двадцать четвертой день Августа! Какую картину освѣтило восходящее солнце! какія явленія глазамъ представились! какіе вопли наполняли воздухъ! Крики убійць, стоны умирающихъ, ружейные и пистолетные выстрѣлы, прескъ опъ разбиваемыхъ оконъ и дверей . . . опча-аніе преслѣдуемыхъ и свирѣиспво гонителей. . . . Варвары безжалоспно умерщвляли спариковъ, схвативши ихъ за сѣдые волосы. Ни слезы, ни молодость, ни красота, ни самая невинность, не опасли цвѣтущихъ дѣвиць опъ мучительной смерти. Вырывали младенцевъ изъ объятій матерей и передъ ихъ глазами разбивали о каменные стѣны. Убійцы, облитые кровію, вмѣсто бѣлыхъ

крестовъ , для опличія прикалывали къ шляпамъ своимъ уши, опрѣзанныя у несчастныхъ Гугеноповъ. Одинъ мясникъ гордо рассказывалъ передъ Королемъ , что въ минувшую ночь сто пятьдесятъ ерешиковъ пало подъ его сѣкирою. Зсолопыхъ дѣлъ масперъ Крюсь , показывая окровавленную руку, кричалъ съ сашанинскою радостію , что еша рука опняла жизнь у четьрехъ сошъ Пропешаншовъ. Одинъ извергъ, опнявши малолѣтнее дитя у родителей — въ то самое время , когда безпомощной младенце съ довѣренностію ласкался къ своему убійцѣ — бросилъ его въ Сену. Одна неисповая Фурія предала мужа своего мучишелямъ , когда онъ , переплывъ черезъ рѣку, скрылся было въ домъ приашеля.

Тамъ влекушъ несчастныхъ изъ убѣжищъ и терзаюшъ ихъ на часпи, изрыгая адскія насмѣшки и ругательства ; здѣсь бросаюшъ ихъ съ высокихъ кровель , въ кошорыхъ надѣя-

лись они спасти жизнь свою. Мальчики ходящъ толпами по улицамъ, играющъ мертвыми пѣлами, и пащашъ въ Сену младенцевъ, пеленами обвитыхъ. Выбрасывающъ въ окна изъ домовъ трупы; яростный народъ со свистомъ и крикомъ таскаетъ ихъ по улицамъ. Тамъ догоняющъ бѣгущаго Пропеспанша и бросающъ въ рѣку; здѣсь умерщвляющъ беременную женщину въ самое время ея разрѣшенія. На всѣхъ улицахъ, на всѣхъ порогахъ у дверей разбросаны жертвы; Сена зардѣлась отъ пошковыхъ крови.

Толпа дикихъ Каннибаловъ безстыднымъ образомъ ругается надъ трупомъ Адмирала. Сперва съ насмѣшливыми криками влачатъ его по улицѣ, потомъ жгутъ на огнѣ и бросающъ въ Сену, на послѣдокъ прицѣпляющъ къ висѣлицѣ. Одинъ солдатъ отдѣлилъ голову отъ трупа, и торжественно поднесъ Королевѣ Екатеринѣ, которая набальзамировала ее, и послала въ Римъ къ Кардиналу Лотарингскому.

Распорглись всѣ узы любви и дружбы, вѣрности и благодарности. Родственники и супруги сами убивали, или предавали на убійство другъ друга. Клермонъ умертвилъ роднаго своего брата. Ни возрастъ, ни званіе, ни заслуга, не спасали отъ смерти. Храбрый Герши и Гофмейстеръ Короля Наваррскаго Бове лишились жизни. Перро, славный законовѣдецъ, Клодъ Гондмьель, превосходный музыкантъ, Гужонъ, одаренный искусствомъ одушевлять мертвый мраморъ, Франкуръ, Канцлеръ Королевы Юанны Албре, которой своими совѣтами много способствовалъ къ совершенію несчастнаго брака, прешерпѣли мучительную смерть наравнѣ съ прочими Гугенотами. Дюбриенъ, осмидесятилѣтній воспитатель Принца Конши, умерщвленъ безъ жалости; ни его сѣдины, ни высокой санъ не защищали его отъ гибели. Теллиньи, осыпанный милостями Королевскими, два раза спасался отъ смерти; его любезность — какъ гово-

ришъ одинъ Французскій писатель —
 укрощала неисповѣданныхъ пигровъ; наконецъ
 Аршанъ, Капитанъ Гвардіи Дюка д'Анжу,
 приказалъ умершвишъ его. Даже Пиль,
 храбрый защитникъ Сен-Жана д'Анжели,
 изрубленъ на дворѣ Луврскомъ. Онъ умеръ
 съ геройскою неуспрашиваемостію, и въ
 самую минушу кончины, указывая на
 кучу убитыхъ своихъ единовѣрцовъ,
 кричалъ Королю, которой съ равно-
 душіемъ смотрѣлъ на позорище: „Вопъ
 исполненіе слова Королевскаго! вопъ
 плодъ мира, утвержденнаго клятвою!
 Всемогуцій! опомси за вѣролом-
 ство!“ — Такъ умерли знаменитые Гуге-
 ноты; люди, славно сражавшіеся за
 отечество на полѣ рашномъ, пали подъ
 ударами убійцъ клятвопресупныхъ.
 Многіе изъ нихъ встрѣтили смерть съ
 гордою неуспрашиваемостію, изъявляя пре-
 зрѣніе къ лютымъ врагамъ своимъ.

При общемъ смятеніи сама Религія
 не спасала отъ смерти. Мщеніе скры-
 валось подъ личиною изувѣрства; разъя-

ренные злодѣи, пользуясь случаемъ, побивали своихъ непріятелей, и Каполиковъ и Протеспаншовъ. Пётръ Рамюсъ, славный математикъ, былъ ревностный Каполикъ; не смотря на то, Шарпантье, завистникъ дарованій Рамюса и товарищъ по Коллегіи, умертвилъ его; приказалъ ученикамъ своимъ съчъ розгами трупъ и потомъ выбросить его за окошко. Ламбекъ, другой Каполикъ ученой же, умеръ отъ страха, услышавъ о злосчастной кончинѣ перваго. Рюильяръ, Вильемиръ и Сальцеда, бывъ усердными Каполиками, изрублены за то, что навлекли на себя ненависть Гизовъ.

Нечаянной случай подалъ поводъ злобнымъ суевѣрамъ еще болѣе разгорячить умы Парижскихъ жителей. Въ самой день несчастнаго побіенія, на кладбищѣ Протеспаншовъ какое-то дерево разцвѣло въ другой разъ: столь необыкновенное явленіе почтено дѣломъ сверхъестественнымъ. Духовенство го-

ворило о новомъ чудѣ, и предубѣжденный народъ тотчасъ всему повѣрилъ. Епо значилъ, — разглашали духовные — что церковъ Божія снова процвѣтеть. Каждой спѣшилъ къ кладбищу смотрѣть на знаки небеснаго благоволенія; самъ Король съ матерью своею и со всѣмъ Дворомъ ѣздилъ для поклоненія святому мѣсту. Дворяне съ обнаженными саблями шѣснились около дерева: каждому хотѣлось срубить чудотворную вѣтку, или по крайней мѣрѣ одинъ лиспокъ. Надлежало приставить караулъ, чтобы сберечь дерево.

Когда Король возвращался во дворецъ съ кладбища, Екашерина и придворныя дамы насыщали взоры свои, смотря на обнаженные трупы, которыми покрытъ былъ берегъ Сены. Тѣло Карла Дюпона возбудило въ Королевѣ особое любопытство, потому что супруга его жаловалась въ судъ на слабое сложеніе своего мужа. Споль велика была развращенность нравовъ!

Ввечеру Карлъ былъ весьма доволенъ. Съ веселымъ видомъ сказалъ онъ Хирургу Паре: „Сего дня все сдѣлается Капюлическимъ!“ Даже на другой день не оставляла его прежняя бодрость. Стоя подлѣ окна, онъ оборотился къ окружающимъ и сказалъ: „Я думаю, погода опъ шого хороша, что ерешники нобишы!“ — Карлъ со свитою ѣздилъ къ шому мѣсту, гдѣ было повѣшено тѣло Адмирала. Легкомысленный варваръ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на изуродованный трупъ несчастнаго Колиньи, котораго недавно называлъ батюшкою. Когда одинъ изъ бывшихъ шамъ людей далъ замѣтить, что тѣло уже начинаеть дурно пахнуть, Король, подобно пирану Вишеллію, отвѣчалъ: „Запахъ опъ убитаго врага всегда приятень!“ Столь варварская нечувствительность превосходитъ вѣроятіе. Маршалъ Моншморанси въ темную ночь приказалъ снять съ висѣлицы тѣло своего друга и родственника, и похоронилъ въ Манпильской часовнѣ.

Уже передъ вечеромъ 24 го Августа, въ Воскресенье, при звукѣ трубъ объявлено было Королевское повелѣніе, чпобы всѣ граждане положили оружіе и остались въ покоѣ. Однакожь не легко было остановить народъ разъяренный, когда онъ вышелъ за предѣлы общественнаго порядка. Кровопролитіе и ужасы на другой день начались попрежнему. Чернь бѣгала по улицамъ и угрожала смертію каждому, кто осмѣлился спасать Гугенотовъ; кому изъ сихъ несчастныхъ удалось укрыться, того нашедши, немедленно предавали смерти. Грабежъ и хищеніе свирѣпствовали подъ предлогомъ усердія къ Вѣрѣ. Имущество Кальвинистовъ почиалось законною добычей. Болѣе шести сотъ домовъ ограблено; окна и двери въ нихъ разбины. Долго потомъ жители Парижа носили на себѣ одежды и наряды, въ хищенные въ пагубный день сей, и щеславились ими, какъ знаками триумфа. Король и Королева охотно принимали подарки,

состоящіе изъ награбленныхъ драгоценностей.

Екашерина Медицисъ и ея приятели увѣрили Короля, что всѣ станутъ почищать Гизовъ виновниками кровопролитія. Онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился склонить подозрѣніе и всю вину возложить на Дюка Гиза, которой будто бы хотѣлъ опомститься за смерть своего дяди. Къ чужестраннымъ Дворамъ посланы Королевскія граматы, съ объявленіемъ, что „печальное происшествіе случилось безъ вѣдома Короля, и было слѣдствіемъ ненависти Дома Гизовъ противъ Адмирала и его сообщниковъ; что Гизы, извѣстясь о намѣреніи Адмираловой партіи мстить за выспрѣлъ въ ихъ предводителя, изъ предосторожности собрали вокругъ себя множество людей вооруженныхъ, и уже не было никакихъ средствъ удержатъ общее волненіе.“ Но когда началась составлявшаяся третья партія, которая требовала удовлетворенія за смерть Колинъ и его

несчастливыхъ товарищей ; когда самые Гизы возопили прошивъ несправедливыхъ обвиненій , которыми ихъ безчестялъ : тогда Король принужденъ былъ заговорить другимъ языкомъ. Въспѣвъ съ матерью и вельможами Королевства, 26 го числа онъ отправился въ церковь къ обѣднѣ для принесенія Богу теплой благодарности за побѣду , одержанную надъ ерешиками. Оттуда со всею свитою поѣхалъ въ Парламентъ , и объявилъ , что „побіеніе Гугеношовъ послѣдовало по его волѣ, для предотвращенія мятежа и слѣдствій заговора , которой сдѣланъ былъ Адмираломъ Колиньи и другими Протестантами прошивъ Короля , его матери , брата и даже прошивъ Короля Наваррскаго ; цѣлю же сего заговора было возведеніе Принца Конде на престолъ Франціи.“ Сіи слова и повелѣніе изслѣдовать вину Колиньи и его сообщниковъ вписаны были въ журналъ Парламента , спустя потомъ два дни , и обнародованы во всемъ

Королевствѣ. Оставшимся Гугенотамъ обѣщана личная безопасность: однакожъ сіе обѣщаніе совсѣмъ не исполнено. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней необузданная чернь предавалась неисповсшвамъ. Въ Парижѣ семь дней господствовали ужасы и кровопролитіе: въ первые три дни съ большею яростію, въ послѣдніе четыре — съ меньшею. Около шести тысячъ Гугенотовъ, въ томъ числѣ ошъ пяши до шести сотъ дворянъ, сдѣлались ихъ жертвою. Однакожъ многимъ удалось и спасшися. Гизы, Таваннъ и самъ Король, по предсшательству Маргариты нѣкоторыхъ Протестантовъ подарили жизни. Молодой Сюлли, бывшій пошомъ славнымъ Министромъ при Генрихѣ IV, учился тогда въ Бургонской Коллегіи въ Парижѣ, и только по одному счастливому случаю избавился отъ смерти. Его люди, устрашенные внезапнымъ шумомъ въ первую ночь ужасовъ, выбѣжали на улицу съ намѣреніемъ узнать, что тамъ происходитъ; но ни

Одинъ изъ нихъ назадъ не возвратился, и никто не могъ послѣ свѣдать, что съ ними случилось. Самъ Сюлли въ поропливости побѣжалъ въ Коллегію, захвативъ подъ руку печальный Молишвенникъ. Многіе караульные и шайки убійцъ нападали на него дорогою; но видя въ рукахъ церковную книгу, считали его Каполикомъ и давали свободной пропускъ. Такимъ образомъ Сюлли счастливо добрался до Коллегіи, гдѣ сострадательный начальникъ, принявъ съ любовію своего опличнаго ученика, далъ ему убѣжище, и держалъ у себя нѣсколько дней. — Многіе Гугенопы, жившіе на другой сторонѣ Сены, заблаговременно спаслись бѣгствомъ. Нѣкоторые, подобно Сюлли, избавились отъ гибели какимъ нибудь особливымъ, чудеснымъ случаемъ; другіе откупились деньгами. Арманъ Биронъ обязанъ жизнью собственной своей храбрости.

Ярость противъ Гугеноповъ распространилась по всѣмъ провинціямъ Го-

сударства, и большая часть Намѣстниковъ исполнили въ точности повелѣніе Королевское. Гоненіе на Протестантовъ свирѣпствовало съ большею жестокостію въ Троа, Мо, Орлеанѣ, Ліонѣ, Тулузѣ, Анжерѣ, Буржѣ, Поатье, Неверѣ, Руанѣ и Бордо. Въ Ліонѣ ихъ связывали въ кучу и разспрѣливали. Больше девяти сотъ замучено въ шюрмахъ опъ мясниковъ и мажросовъ. По другимъ мѣстамъ бросали ихъ въ воду. Въ Орлеанѣ кричали насмѣшливо, когда несчастные ведены были на казнь: „Гдѣ Богъ вашъ? пусть Онъ избавитъ васъ опъ смерти!“ Даже въ малыхъ деревняхъ были убійцы и убиваемые. Опцы въ объятіяхъ дѣшей, невѣсты на рукахъ жениховъ, братья опъ братьевъ, друзья опъ друзей лишались жизни. Поля покрыты были непогребенными трупами, которые смраднымъ испареніемъ заражали воздухъ. Рона, Саона, Лоара многіе дни сряду рдѣлись опъ крови, и были наполнены тѣлами Пр-

пешантовъ ; жипели Анжера долго не могли пить воды изъ Лоары , ни ѣсть рыбы , въ сей рѣкѣ пойманной. Во многихъ мѣстахъ опправляли торговлю человѣческимъ жиромъ , и продавали его на фунты , попому чпо одинъ аптекаръ объявилъ жиръ сей лѣкарствомъ весьма полезнымъ. Во весь Септябрь мѣсяцъ убійства продолжались въ провинціяхъ. Болѣе тридцати , а по свидѣтельству Сюллиеву , около семидесяти тысячъ Гугеновъ разнаго возраста и пола лишилось жизни ; большею частію сіи люди погибли только за то , чпо думали иначе , нежели какъ учила господствующая церковь. Одинъ иностранной писатель говоритъ справедливо : „Никогда натура человѣческая не бываетъ столь гнусною , столь отвратительною , какъ при гоненіи за вѣру: тогда люди нечеспіемъ своимъ превосходятъ баснословныя существа ада , а по безразсудству стоятъ ниже пварей.“

Но въ то ужасное время, когда буря изступленія свирѣпствовала со всею яростию, нѣкоторыя дѣла человѣколюбія, подобно благодѣтельнымъ звѣздамъ свѣтились во мракѣ; они утѣшительны для друга людей, которой, примѣтивъ ихъ, ободряется и на часъ забываетъ, до какой крайности доводятъ спраси человека. Многіе великодушные Капюлики, подвергая собственную жизнь опасности, избавляли Гугенотовъ отъ погибели. Ренапа, дочь Короля Людовика XII, покровительница наукъ, приняла въ свой замокъ Монпаржи шесть сотъ гонимыхъ Протестантовъ, и велѣла сказать дюку Гизу, которой приготовился палишь изъ пушекъ по замку, что „она сама спанетъ на проломѣ и по-смотришь, осмѣлился ли Гизъ умертвить дочь Королевскую.“ — Клавдій Савойскій, Намѣстникъ Прованса, получивъ приказъ убивать, увѣрялъ всѣхъ, что повелѣніе написано безъ воли Королевской. Геранъ Монморень, Намѣст-

никъ Оверискій, объявилъ, что испол-
 нишь приказаніе не иначе, какъ въ при-
 сущствіи самого Монарха. Виконшъ
 Горшъ, Намѣстникъ Байонскій, ошвѣ-
 чалъ Королю: „Государь! я объявилъ
 вашу волю военнымъ людямъ и гражда-
 намъ Байоны; но они поступили какъ
 храбрые воины и добрые подданные: ни
 одинъ не захотѣлъ бытъ палачемъ.“
 Намѣстникъ Каружскій, Левенеръ, вся-
 чески старался удержатъ убійцъ; на-
 конецъ самъ поѣхалъ къ Королю ходатай-
 ствовашъ за Протестантовъ. — Іоаннъ
 Генньюйеръ, Епископъ Лизскій, писалъ
 къ Намѣстнику своей Епархіи, къ ко-
 торому на ряду съ прочими прислаано бы-
 ло повелѣніе умерщвлять Протестан-
 товъ: „Какъ добрый пастырь, буду
 стараться заблуждшихся овецъ приве-
 сти ко снаду; но не могу допустить,
 чтобъ ихъ убивали.“ Онъ склонилъ На-
 мѣстника на свою сторону, взялъ всю
 вину на себя, и пѣмъ спасъ жизнь всѣмъ
 Гугенотамъ въ своей Епархіи. — По-

спунокъ Шарля, благоразумнаго пала-
ча, не долженъ оставаться въ забвеніи.
Когда было ему приказано умертвить
Кальвинистовъ въ тюрьмѣ, онъ отвѣ-
чалъ съ гордостію и негодованіемъ:
„Мои руки работаютъ только для за-
коновъ и справедливости!“ Имена сихъ
людей великодушныхъ достойны быть
извѣстными потомству: по несчастію,
нѣкоторые изъ нихъ скоро попомъ умер-
ли; это доказываетъ истину подозрѣ-
нія, что смерть ихъ была слѣдствіемъ
человѣколюбиваго непослушанія свирѣпой
волѣ Двора Французскаго.

Напрошивъ того Парламентъ Па-
рижскій осрамилъ себя недостойнымъ
посупкомъ. Онъ не только объявилъ
Адмирала государственнымъ преступ-
никомъ, имя его безчестнымъ, дѣтей
его лишенными правъ гражданства (*);
но даже опредѣлилъ „въ память освобо-
жденія Королевства, день Св. Варео-

(*) 27 го Октября 1572.

ломая , ежегодно поржесивованъ крещ-
нымъ ходомъ. “ Все епо сдѣлано вопре-
ки внушрней увѣренности , и только
для угожденія Двору : ибо первый Пре-
зидентъ , славный Испорикъ де Ту, внѣ
Парламенша сильно вооружался прошивъ
гоненія на Пропеспа шовъ.

Скоро слухъ о Варѣоломеевскомъ по-
біеніи разнесся по всѣмъ Государствамъ;
Европа приняла его съ ужасомъ и омер-
зѣніемъ. Каполики и Пропеспанты рав-
но гнушались ненависнымъ поступ-
комъ : никто не повѣрилъ молвѣ о мни-
момъ заговорѣ Гугеноповъ прошивъ Ко-
роля и Королевства. Даже большая
часть Французскихъ Каполиковъ явно
не одобряла сего гнуснаго злодѣйства.
Нѣкоторые просвѣщенные люди , Дора ,
Фаве , Жодаль , называли его полипиче-
скою уловкой ; напрошивъ того другіе
открыто говорили , что должно гну-
шаться такимъ Королемъ , копорой брач-
ную одежду сестры своей обагрилъ кро-

вію. Сама супруга Карлова, Елисавета Австрійская, дочь Императора Максимилиана Вшораго, Государыня кроткая и добродѣшельная, услышавъ о повелѣніи убивать Пропештаншовъ, залилась слезами и просила Бога, чпобы оппустилъ Королю сей злодѣйской поешупокъ.

Нигдѣ извѣстіе сіе не принято съ такимъ негодованіемъ, какъ въ Англіи. Весь народъ требовалъ войны прошивъ убійць; самъ Дворъ, копорой не всегда склоняешся на пылкія, въ жару спраши изъявляемыя желанія народа, въ семъ случаѣ былъ съ нимъ одного мнѣнія. Королева Елисавета, на первой аудіенціи послѣ печальнаго происшествія, приняла Французскаго посла Фенелона въ залѣ, обитой черною матеріей, и сама была въ черномъ плашѣ. Фенелонъ въ донесеніи Королю своему написалъ: „Презрѣніе и негодованіе видны были на всѣхъ лицахъ; мертвая тишина господствовала въ черпогахъ. Придворныя дамы и кавалеры стояли

въ глубокомъ траурѣ по обѣимъ споро-
намъ; когда я проходилъ мимо, никто не
удоспоилъ меня приятнымъ взглядомъ,
никто не отвѣчалъ на мои привѣтствія.“

Посоль, и безъ того уже приведенный
въ уныніе другими постыдными проис-
шествіями, въ его опечесствѣ случив-
шимися, потерялъ все присутствіе ду-
ха опъ сего приема, и едва могъ ска-
зать нѣсколько словъ въ оправданіе сво-
его Монарха. Е-савета отвѣчала: „Жа-
лѣю, что вашъ Государь принялъ та-
кія мѣры!“ Фенелонъ былъ довольно
чистосердеченъ; онъ заключилъ донесе-
ніе свое Королю словами: „теперь я
спыжусь называться Французомъ.“

Императоръ Максимиліанъ, кошо-
рой болѣе оказалъ терпимости, нежели
кто нибудь изъ его попомковъ, близ-
кихъ и опдаленныхъ, въ письмѣ къ Ге-
нералу своему Лазарю Швенди упоми-
налъ о семъ происшествіи слѣдующимъ
образомъ: „Ешо дѣлаетъ вѣчной спыдъ
царствованію моего зятя. Еслибъ онъ

потребовалъ у меня совѣта; я всячески постарался бы отклонить его отъ споль ненавистнаго поступка. Пусть Франція думаетъ, какъ хочетъ; но Судія небесный не оставитъ сего безъ наказанія.“ — Вся Германія согласна была со мнѣніемъ добраго Императора.

Когда Дюкъ д' Анжу, братъ Короля Карла IX, признанъ былъ кандидатомъ Польскаго престола, Католики и Протестанты въ Польшѣ сперва не хотѣли было имѣть его Королемъ своимъ, потому что онъ принималъ участіе въ кровопролитіи. Но выборъ утверждёнъ, и Анжу въ слѣдующемъ году отправился въ Краковъ черезъ Нидерланды и Германію. Дорогою онъ долженъ былъ терпѣть многія неприятности. Въ нѣкоторыхъ городахъ Нидерландскихъ народъ встрѣчалъ его бранными восклицаніями; въ гостинницахъ не рѣдко находилъ онъ портреты убитыхъ Гугеноновъ. Болѣе всѣхъ изъявилъ негодованіе Курфирстъ Пфальцскій, Фридрихъ

III, ревностный послѣдователь Кальвинскаго ученія. Госпію дозволено было приѣхать въ Гейдельбергъ, резиденцію Курфирста, не иначе, какъ съ малою свитою и подъ крѣпкимъ прикрытіемъ конницы. До прибытія его ко дворцу, караулы у воротъ удвоены и при всѣхъ входахъ пославлены пушки. Никто не вышелъ къ нему на встрѣчу; въ передней принялъ его одинъ чиновникъ съ двумя Французскими дворянами, копорымъ удалось избавиться отъ Парижскаго побоища. Старый Курфирстъ принялъ госпія своего съ важнымъ видомъ, и повелъ его въ комнату, въ которой вмѣсто украшенія стояла большая картина, представлявшая ужасы Варѣоломеевской ночи; всѣ главныя лица, убійцы и убитые, изображены были весьма живо. Курфирстъ, которой не спускалъ глазъ съ картины, спросилъ Дюка: „Знакомы ли вамъ сіи лица?“ Анжу отвѣчалъ утвердительно. „Убитые“ продолжалъ Фридрихъ „были

честные люди и добрые Французы ; убійцы были измѣнники и злодѣи !“ — За вечернимъ сшоломъ изумленному Принцу служили одни Гугеноты , убѣжавшіе изъ Парижа. Онъ вездѣ видѣлъ угрожающіе взгляды , слышалъ полугромкимъ шопотомъ произносимыя имена его любимцевъ , Невера , Майенна ; слышалъ восклицанія : „Италіянскіе разбойники ! Лопарингскіе мясники !“

Чтобы еще болѣе увеличить безпокойство Принца, ночью ударили тревогу: настало ужасное смяшеніе въ замкѣ ; все было въ движеніи ; множество головъ кричало безъ умолку ; и все ещо произошло опъ бездѣлицы — въ трубѣ загорѣлась сажа. Генрихъ , будучи внѣ себя опъ страха , подумалъ , что наступилъ послѣдній часъ его , часъ казни за побіеніе Протестантовъ. Онъ поснѣшилъ убраться изъ замка , и на возвращномъ пути во Францію уже не поѣхалъ черезъ владѣнія Курфиршта.

Только при Дворахъ Римскомъ и Мадридскомъ извѣстіе о Гугенотахъ принято было съ радостію. Въ Мадридѣ по сему случаю торжественно отпѣли Тебе Бога хвалии, и въ присутствіи Короля читали похвальное слово подъ заглавіемъ : Тріумфъ воюющей церкви. Папа Григорій XIII почтилъ злодѣйское побіеніе особымъ празднествомъ, какъ побѣду Каполической вѣры. Онъ торжественно отправился въ церковь Св. Лудовика, въ которой Кардиналъ Лопарингскій совершалъ литургію; съ крѣпости Ангела раздавались пушечные выстрѣлы; весь горѣлъ освѣщенъ былъ великолѣпно; въ память безпримѣрнаго злодѣйства писаны были медали. Однакожъ нѣкоторые историки утверждаютъ, что Папа Григорій казался веселымъ, а внутренно оплакивалъ ненавистное происшествіе. Великій Герцогъ Тосканскій Козма до того унизился, что отправилъ чрезвычайнаго Посла къ Французскому Королю и его матери

поздравить ихъ съ блистательною побѣдой.

Спрашивается: что выиграли Капюлики истребленіемъ Гугеноповъ? Событіе показало, что сіи злодѣйства не послужили никому въ пользу, и что ни партіи, ни Дворъ не достигли чрезъ то своей тайной цѣли. Хотя Король Наваррскій и Принцъ Конде, изнемогшіе подъ бременемъ приключеній, послѣ приняли Каполическую вѣру; хотя многія тысячи Протестантовъ погибли; но они не истреблены совершенно, какъ сперва надѣялись Карль IX, Екатерина Медичисъ, Испанскій и Папа. Въшви дерева обрублены, но корень остался невредимымъ. Отчаяніе, опасности еще тѣснѣе соединили Гугеноповъ, спасшихся отъ гибели. Они заняли важнѣйшія крѣпости, и защищали Рошель отъ нападеній Королевскаго войска. Такимъ образомъ началась четвертая война междоусобная тогожъ года, и въ теченіи еще двадцати шести кро-

завыхъ лѣтъ многія тысячи Капюликовъ смертію своею заплашили за злодѣянія Варѣоломеевской ночи. Наконецъ, въ царствованіе добраго Генриха IV, богиня тишины примирила враждующихъ, и Гугеноты, силою дослославнаго въ Исторіи Нантскаго указа, получили свободу опсправлять свое богослуженіе.

Дорого стоило Карлу его злодѣяніе: оно не только сдѣлало его предметомъ омерзѣнія современниковъ и попомсхва, но лишило спокойствія навѣки. Ужасныя мечты терзали его душу; во снѣ и наяву безпрестанно видѣлъ онъ окровавленные пѣни убитыхъ. Характеръ его, самыя черты лица измѣнились: онъ сдѣлался еще болѣе свирѣпымъ и кроважаднымъ. Грусть, недовѣрчивость, досада овладѣли имъ и ужасали каждого, кто къ нему ни приближался. Гизы и всѣ пѣ, по совѣту копорыхъ онъ рѣшился на побіеніе, спали ему ненавистны. Онъ началъ бояться своего брата Анжу,

кошораго никогда не любилъ ; началъ бояться даже своей матери. Избраніе Дюка въ Польскіе Короли обрадовало его до крайности, и подало ему поводъ стараться объ удаленіи отъ себя Екшерины. Тѣлесныя недуги — слѣдствіе распутной жизни и приспраспія къ охотѣ — увеличивали скорбь его. По отъѣздѣ Дюка въ Польшу, состояніе Карлова здоровья сдѣлалось еще опаснѣе: чахотка пожирала его шѣло; кровавой потъ выходилъ изъ всѣхъ поровъ ; потска доводила его до сумасшесствія. Видя близкой конецъ свой, онъ поручилъ матери управлять Королевствомъ до шѣхъ поръ, пока братъ его не возвратится изъ Польши. Не задолго передъ смерпью велѣлъ позвать къ себѣ Короля Наваррскаго, поручилъ ему остающуюся свою супругу, и сказалъ прѣщаяся съ матерью: „Я радъ, что не имѣю сына: для тяжкаго бремени правленія надобенъ мужъ, а не опрокъ.“ Спранная болѣзнь, отъ которой лишился онъ жизни, заспавила

многихъ думашь, что сама Екашерина была виновницею смерти снаршаго своего сына, чтобы младшему скорѣе доставить пресполъ Франціи. Можетъ быть сіе подозрѣніе несправедливо; по крайней мѣрѣ извѣстно, что гнусная душа ея способна была къ столь ненавистному поступку.

Екашерина Медицисъ жила еще около пятнадцати лѣтъ послѣ смерти несчастнаго Карла. Вся Европа справедливо почитала ее главною виновницею ужаснаго происшествія, здѣсь описаннаго; всеобщее негодованіе изливалось на нее въ язвительныхъ сапиряхъ. Терзаемая всегдашнимъ безпокойствомъ и сильными, неукротимыми спрасями, Екашерина умерла въ Блоа отъ яда, или върояшнѣ, отъ печали и досады, лишаясь всего драгоцѣннѣйшаго въ жизни и видя дѣтей своихъ несчастными.

На гробѣ слеза любви и сожалѣнія не упала на могилу сего чудовища. Добрый Генрихъ IV говаривалъ, что изъ всѣхъ

женщинъ ее только одну ненавидѣлъ отъ
всего сердца.

Въ царствованіе слабаго Генриха
III — которой болѣе всего любилъ зави-
вать волосы на головѣ супруги своей,
мышь и крахмалишь ея бѣлье — внуш-
реннія безпокойства достигли высочай-
шей степени; тогда составилъ извѣ-
стной Союзъ, которымъ управляли Гизы.
Судьбѣ угодно было сдѣлать Генриха III
орудіемъ мести за убійство Адмирала
Колиньи, спустя шестнадцать лѣтъ (*)
послѣ смерти знаменитаго спрадальца.
Генрихъ Гизъ и братъ его Кардиналъ
Лотарингскій лишились жизни въ Блоа,
по приказанію Генриха III, которой, въ
свою очередь, палъ отъ злодѣйской
руки Якова Клименша, Доминиканскаго
монаха (**). Съ жизнію сего Короля пре-
сѣкъся Домъ Валоа, двѣсти шестидесять
лѣтъ царствовавшей во Франціи.

(*) 23 го Декабря 1588.

(**) 1 го Августа 1589.

Такимъ образомъ судьба отомстила виновникамъ /ужасовъ Варѳоломеевской ночи. Бемъ, убійца Адмирала, Коссень, Дюгю и многіе другіе, ранѣе или позже, равнымъ образомъ умерли насильственною смертію.

Волтманнъ.

ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ.

Анекдотъ

Наслышавшись очень много хорошаго объ истинѣ, я рѣшился искасть ее. Ни приятельскія увѣренія, ни тайный какой-то голосъ, что истину трудно найти, не могли поколебать моего намѣренія, и вошь я уже въ дорогѣ!

Будучи молодъ, неопытенъ, я воображалъ себѣ, что во всякомъ человѣкѣ найду точно такую же откровенность, какая была во мнѣ; но какъ жестоко я ошибся!

Начало путешествія моего было весьма затруднительнымъ. Долго блуждалъ я по разнымъ глухимъ дорогамъ, и вмѣсто того чѣмъ идти прямымъ путемъ къ истинѣ, болѣе и болѣе отъ нее отдалялся; путь-то узналъ я, что мнѣ нуженъ былъ путеводитель опытный, прозорливый, который предохранилъ бы меня отъ всѣхъ неприянностей сего путешествія, помогъ бы исполнить намѣреніе мое счастливо, безъ дальнихъ затрудненій.

Мнѣ еще можно было поправить ошибку: возвратиться назадъ и выбрать надежнаго путеводителя; но чего добраго ожидать отъ молодости? Пойдемъ впередъ, опчаяваясь не должно! шептали мнѣ спраси, и я слѣпо ихъ послушался.

Утомленный, измученный продолжительнымъ, бесполезнымъ поискомъ, уже я начиналъ терять терпѣніе. . . какъ вдругъ глазамъ моимъ представился огромный, великолѣпный городъ! Епо не-

чаянное, совсѣмъ неожиданное явленіе меня ушѣшило; вопѣ здѣсь - то, я подумалъ, если не найду истины, по крайней мѣрѣ узнаю, гдѣ она, и какимъ путемъ идти къ ней! И съ сими ушѣшительными мыслями вошелъ въ городъ.

Многолюдныя толпы народа, множество скачущихъ въ богатыхъ раззолоченныхъ экипажахъ попадались мнѣ на вспрѣчу. Замѣтивъ, что иные были въ верѣшимости, другіе веселы, нѣкоторые печальны, задумчивы, я судилъ, что вѣрно у всякаго изъ нихъ и цѣль и желанія различныя. „Добрые люди!“ спросилъ я: „неизвѣстна ли кому изъ васъ истина?“ — Извѣстна! извѣстна! — закричали всѣ почти въ одинъ голосъ, но такъ робко, такъ нешвердо, что легко можно было усомниться въ справедливости ихъ опевѣша; я однакожь ободрился и продолжалъ: „Сжалыпесь надъ спранникомъ, давно ищущимъ истины, укажице, гдѣ найпи сокровенное

жилище ея?“ — Изволь, укажемъ, укажемъ! — опивѣчали сопни голосовъ, и точно также какъ и на первый вопросъ. „И вы, друзья мои, не къ ней ли спѣшите?“ — Къ ней! къ ней! — Тутъ увидѣлъ я ошибку свою, думая прежде, что у всякаго особливая цѣль и намѣреніе. „Кто же изъ васъ именно приметъ на себя трудъ познакомить меня съ истиной?“ Философы. . . Поеты. . . Ораторы. . . богачи. . . бѣдные. . . Критики. . . Панегирики. . . и проч. и проч. раздавалось изъ среды толпы, меня окружившей. Мнѣ слышалось даже, что многіе голоса кричали: льстецы. . . Какое счастье! мечталъ я: вмѣсто одного проводника у меня теперь ихъ нѣсколько сопнень! Вотъ ошибка моя сверхъ чаянія поправлена! — Исполненный восхищенія и благодарности, я спросилъ еще: „Гдѣ же обитаетъ истина?“ — Во дворцѣ . . . въ хижинѣ. . . въ городѣ . . . въ деревнѣ . . . въ воздухѣ . . . въ водѣ . . . на земли . . . въ воображе-

ніи . . . въ романахъ . . . въ . . . Нѣтъ!
 при самомъ построеніи сполпа Вавилон-
 скаго не было, думаю, такого стран-
 наго разногласія, какого въ сію мину-
 ту я былъ свидѣтелемъ! — Опъ сихъ про-
 шиворѣчущихъ отвѣтовъ я нѣсколько
 смутился и поперялъ прежнюю на-
 дежду; но собравшись съ духомъ, пред-
 ложилъ новый вопросъ: „Не случилось
 ли кому изъ васъ ее видѣть?“ — Мнѣ . . .
 мнѣ . . . мнѣ . . . и сонни мнѣ разда-
 лись по воздуху. — И такъ всѣ они
 видѣли истину, думалъ я, и успокоил-
 ся! „Какова она?“ Страшна . . . пре-
 красна . . . дурна . . . приятна . . .
 дерзка . . . смирна . . . болтлива . . .
 скромна . . . любитъ наряды . . . любитъ
 простоту . . . у ней голубые глаза . . .
 черные . . . сѣрые . . . Я наскучилъ бы,
 еслибъ спалъ повтораю въ всѣ слова, ко-
 ими изображали тогда истину. — „Ми-
 лоспивые государи! милоспивые госу-
 дари!“ говорилъ я, запыкая уши: „вы
 оглушили меня. . . Къ чему такой крикъ,

такой шумъ? По вашимъ противурѣчіямъ я начинаю думать, что вы худо знаете истину: прошу васъ . . . меньше словъ, но болѣе дѣла! . . .“ Едва я окончилъ, какъ наспалъ новый шумъ, новое смященіе. — Мы худо знаемъ истину? . . . Онъ безумный! Онъ вѣрно ушелъ изъ дому сумасшедшихъ! Въ цѣпи, въ цѣпи его! — Ни сраженія Героевъ Гомеровыхъ, ни ревъ бушующаго моря, ни завыванія ужасной разрушающей бури, ни самое чтеніе нескладныхъ, нелѣпыхъ стиховъ жалкаго Поеша нашего не произведутъ въ душѣ такого сильнаго содроганія, какое почувствовалъ я опъ сего дикаго, раздражающаго сердце крика.

„Боже всемогущій!“ сказалъ я: „проси мнѣ, что словомъ моимъ, совѣмъ неумышленнымъ, раздражилъ я сихъ несчастныхъ людей, имѣющихъ такое ложное понятіе объ истинѣ! Ты видишь, Ты читаешь въ душѣ моей: имѣлъ ли я намѣреніе ихъ обидѣть? . . .“

Между тѣмъ бурная толпа приступала ко мнѣ, и нѣкоторые уже готовы были схватить меня; но къ счастью вдругъ раздался громъ ужасный. . . Малодушные испугались, оставили меня; всѣ опрометью побѣжали укрываться въ домахъ своихъ отъ гнѣва небеснаго! . . .

И такъ видимымъ покровительствомъ Неба я избавился бѣды, мнѣ угрожавшей.

Быстрѣе серны, преслѣдуемой звѣрловомъ, пустился я бѣжать по улицѣ, отглядываясь безпрестанно, не гонящихся ли за мною, и вскорѣ очутился за городомъ.

Вопшъ я опять одинъ, и въ странѣ пустой, вовсе мнѣ незнакомой! Признаюсь, я снова предался опчаянію, снова ропсаль на свою безразсудность. „Можно ли поступить легкомысленнѣе? Рѣшившись искасть истину, не узнавши достоверно, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ она обитаетъ, какими средствами изъбрать къ ней путь и надежный, и без-

Часть III.

Н

опасный? Въ городѣ, гдѣ едва необлюбили меня цѣпями за испину, безъ сомнѣнія нѣтъ ея; судя по разнорѣчію жителей, должно полагать, что истина къ нимъ и незаглядывала, а вѣрно соперница ея лесть, принявъ на себя видъ своей непріятелицы, чѣмъ вредитъ ей, обманываетъ слабодушныхъ. Но гдѣ же истина! гдѣ найши сего феникса? Такъ думалъ я съ уныніемъ въ сердцѣ, сложа руки и устремля взоры на небо. —

Долго споялъ я въ такомъ положеніи, и ни одна мысль оправданая не приходила мнѣ въ голову; скажу къ стыду моему... я даже началъ сомнѣваться въ бытіи истины. . . . Наконецъ пришелъ въ себя, подкрѣпился нѣсколько надеждой, и хотѣлъ идти куда глаза глядятъ; но человекъ среднихъ лѣтъ, съ важною осанкой, съ гордою выпуккой и мрачнымъ лицомъ привлекъ на себя мое вниманіе: онъ шелъ на встрѣчу ко мнѣ и, казался, былъ погруженъ въ глубо-

кую задумчивость. Я обрадовался, приблизился къ нему и почтительно сказалъ : „Позвольте, милоспивый государь, обременить васъ моимъ вопросомъ?“ Онъ взглянулъ на меня, и въ знакъ согласія кивнулъ головою. Я продолжалъ: „Вы безъ сомнѣнія слыжали объ истинѣ? Скажите, существуетъ ли она на свѣтѣ, и . . . — „Существуетъ ли? существуетъ ли?“ прервалъ онъ слова мои, грозно сверкая глазами: „Молодой человѣкъ! умѣрь свою дерзость! Знаешь ли, кому сдѣлалъ ты епощъ глупой, неосновательной вопросъ?“ — Не имѣю епой чести — отвѣчалъ я съ бѣльшимъ прежняго почтеніемъ. — „Такъ знай, сударь, я . . . я показываю людямъ прямой путь къ истинѣ : я . . . Идеологъ!“

Что могло бытъ для меня счастли-
вѣе епой встрѣчи! Восхищенный словами
незнакомца, я просилъ у него прощенія — самъ не зная въ чемъ — и убѣж-
далъ объявить какъ можно скорѣе, гдѣ
найши истину.

„Слушай меня“ сказалъ онъ (и я слушалъ обоими ушами): „Природа дала намъ все то, что потребно къ отысканію истины; слѣдовательно отъ насъ собственно зависишь достигнуть того, чего ищемъ. Для лучшаго же въ томъ успѣха, мы должны сперва научиться познавать самихъ себя сколько можно короче; это трудно, но не невозможно! Мы должны также — и это необходимо — имѣть понятіе объ отношеніяхъ нравственнаго къ физическому; изслѣдывая въ себѣ свои чувствованія, свои склонности, мы должны руководствоваться разумомъ и непремѣнно держаться правилъ, имъ предписываемыхъ; а какъ извѣстно, что мысли рождаются не отъ чувства, то . . . — „Извините меня, милостивый государь!“ перебилъ я моего оратора: „что заставило васъ тратить напрасно время? Все, что изволили вы говорить, очень хорошо, очень краснорѣчиво . . . для другаго, но для меня непонятно. Мнѣ надобны ясныя,

вѣрныя средства къ отысканію истины, а ваши отношенія нравственнаго къ физическому кажутся мнѣ слишкомъ темными выраженіями и ничего необъясняющъ; однимъ словомъ: мнѣ нужна — не лекція объ истинѣ, а она сама. Прощайте!”

Увѣрившись, что трудно найсти вѣрнаго путеводителя къ жилищу истины, я рѣшился уже не просить у кого-либо помощи, а предаться Божіей власпи, какъ былъ остановленъ Поепомъ, который, схвативъ меня за руку, просилъ выслушать оду, сочиненную имъ богатому и сильному вельможѣ. Въ сей одѣ вельможа — не бывшій никогда на полѣ брани — превышалъ геройствомъ всѣхъ прошедшаго и настоящаго времени славныхъ полководцевъ. Я слушалъ, однакожь скрѣпивши сердце и необнаруживая, изъ учтивости, своей досады; но Поепъ, прочитавъ оду, спросилъ меня: „Какъ вы думаете: сколько десятковъ рублей получу за эту оду?”

Я не могъ скрыть моего негодованія , и бросился опъ спиховворца со всѣхъ ногъ , проклиная и спихи, и ласкашеля, и неизвѣстнаго свѣшу героя. — Опъ ешаго мучишеля, мыслилъ я, недобишья бы мнѣ толку объ испинѣ ; онъ во все ее не знаетъ ! . . . Бѣжавши довольно долгое время, я почувствовалъ усталость и жажду. Осматриваюсь во всѣ стороны, не найду ли какого ручейка, чѣмъ освѣжить себя холодной водою , и примѣчаю вдали колодязь ; радость моя была неописанна. Я бѣгу, лечу къ нему. . . . Но кто изобразишь мое удивленіе ! Въспо ожидаемой, обрадовавшей меня воды, колодязь наполненъ — книгами ! Какъ ни велика была досада моя, но уступила любопытству ! Я началъ перебирать, пересматривать книги , и нашелъ много мистическихъ, правоучительныхъ, философическихъ, и проч. и проч. Въ это время, какъ я перечитывалъ заглавія нѣкоторыхъ, глубокой вздохъ поразилъ меня ! Прислу-

живаюсь . . . . . опятьъ вздохъ ; усугубляю
вниманіе . . . . . доискиваюсь . . . . . и наконецъ
ясно слышу, что кто-то вздыхаетъ подъ
громадою толстыхъ книгъ разныхъ фор-
маповъ! — „Кто тупъ? какой несчаст-
ный?“ спросилъ я. — Истина! — оп-
вѣчалъ мнѣ со дна колодыя тонкой,
едва поняшный голосъ. Я осполбенѣлъ
отъ удивленія, и можетъ быть не ско-
ро бы опамятовался, еслибъ не услышалъ
словъ: — Кто бы ты ни былъ, прибѣ-
гаю къ твоему добросердечію: избавь
меня изъ несноснаго започенія! — „Из-
бавлю, избавлю непременно!“ произнесъ
я громкимъ голосомъ: „надѣйся на меня,
я другъ твой! . . . Я давно ищу тебя!“
И съ сими словами началъ выбирать и
выбрасывать изъ колодыя книги; но,
увы! всѣ усилія, всѣ труды мои были
безполезны! одинъ я не могъ очистишь
колодыя, не могъ дать свободнаго вы-
хода бѣдной, заключенной истинѣ. Со-
жалѣніе объ участи несчастной придало
мнѣ новыя силы; я собрался съ духомъ,

и напряженіе мое было столь велико, что отъ него — я проснулся.

Чишатель вѣрно уже догадывался, что все ещо — видѣлось мнѣ во снѣ.

Маздорфъ.

ДЕСЯТЬ СЧАСТЛИВЫХЪ ДНЕЙ.

Повѣсть.

Сегедь, Царь Еѳіопскій, повелѣлъ сорока различныхъ народовъ, на двадцать седмомъ году своего правленія такъ говорилъ самъ съ собою:
 „Всѣ безпокойства мои кончились. Я
 „покорилъ враговъ своихъ, усмирилъ
 „мятежи внутри государства, прекра-
 „шилъ несогласія между придворными.
 „Слава моя гремилъ въ отдаленныхъ
 „краяхъ міра; пресполъ мой окруженъ
 „войскомъ храбрымъ и многочисленнымъ,
 „арсеналы снабжены оружіемъ, казна
 „наполнена подашми побѣжденныхъ;
 „въ государствѣ моемъ повсюду видно

„довольство и изобиліе. Одинъ мой
 „знакъ, подобно землетрясенію, поколеб-
 „леть горы; въ рукахъ моихъ сила пы-
 „сать; опъ меня зависить спокойствіе
 „и благоденствіе милліоновъ. Опвсюду
 „слышу похвалы себѣ, всѣ благословля-
 „ющъ мое имя; по чему жъ одинъ я не
 „пользуюсь тѣмъ счастьемъ, которое
 „другимъ доставляю. Полно! пора и
 „мнѣ наслаждаться жизнью. Къ чему
 „величіе и власть, ежели не достав-
 „ляющъ они спокойствія и всѣхъ благъ
 „міра.“ — Хопя, по мнѣнію древнѣй-
 „шихъ и новыхъ философовъ, истин-
 „ное, достойное человека счастье со-
 „стоишь въ томъ единственно, чшобы
 „способствовать благосостоянію и спо-
 „койствію другихъ; но Сегедъ мыслилъ
 „иначе: онъ приказалъ какъ возможно
 „скорѣе приготоовать увеселительной за-
 „мокъ свой на островѣ Дембеискаго озе-
 „ра. — „Удаюсь“ думалъ онъ „на де-
 „сять дней опъ шума и заботъ. Въ
 „ешо короткое время своего счастья

„всячески буду избѣгать даже малѣйшаго безпокойства, и приму всѣ мѣры, чтобы ничто не могло возмущить моихъ удовольствій.“

Въ нѣсколько дней приказанія Сегеда исполнены. — Во всемъ государствѣ не было мѣста прелестнѣе острова, на которомъ находился дворецъ Монарха. Садъ занималъ большую часть сего убѣжища. Въ одной сторонѣ были устроены мѣста для упренней прогулки; въ другой густыя, темныя аллеи предлагали тѣнь во время зноя. Все, что можешь усладить чувства и льстить воображенію, — все, въ чемъ можешь искусство подражать Природѣ, все, однимъ словомъ, испощено было для того, чтобы сдѣлать мѣсто сіе земнымъ раемъ.

Сегедъ пригласилъ съ собою знаменѣйшихъ придворныхъ. Сѣли на богато-убранные суда и при звукахъ музыки, при радостныхъ кликахъ отправились къ острову Дембейскаго озера.

Спупивши на берегъ , Сегедъ принялъ швердое намѣреніе ни о чемъ болѣе не думатьъ какъ только объ однихъ удовольствіяхъ. — Онъ удалился въ кабинетъ свой, чпобы помыслишь наединѣ о средспвахъ бышь счастливымъ. Монархъ имѣлъ бы время и прежде о томъ подумашь, но . . . не онъ первой и не онъ послѣдній. Многіе, весьма многіе начинающъ тогда только обдумывашъ свои предприяшя, когда приходишь время привести ихъ въ исполненіе.

Всякаго рода забавы пригопшвлены; но Сегедъ былъ въ недоумѣніи, незналъ съ чего начать надлежало: то выбиралъ, то опвергалъ; рѣшался, передумывалъ; наконецъ въупреннее бореніе съ самимъ собою утомило его, и онъ возвратился къ обществу въ надеждѣ, что придворные развеселятъ его. Вышло однакожь прошивное: задумчивое лице Сегеда сдѣлало всѣхъ робкими; никто не смѣлъ подойти къ нему; всѣ молчали, всѣ ожи-

дали его приказаній съ пошупленными глазами. Епо еще болѣе разсердило Сегеда; онъ ушелъ и заперся одинъ въ своемъ кабинетѣ. Между тѣмъ время летѣло, и когда Сегедъ успокоился, то увидѣлъ, что послѣдніе уже лучи солнца позлащали озеро Дембейское. „Такъ „проходишь и жизнь наша!“ сказалъ онъ вздохнувши: „прежде нежели научимся „пользоваться ею, она уже къ концу „приближается.“

Въ досадѣ на самого себя, что потерялъ большую часть перваго дня, онъ не могъ наслаждаться удовольствіемъ вечера. Тщетно хотѣлъ преодолѣть грусть свою и задумчивость, тщетно хотѣлъ распространить веселость между придворными. — Наконецъ принужденъ былъ до другаго дня оставить надежду быть счастливымъ.

Сегедъ всталъ рано поутру, и рѣшившись непременно пользоваться счастьемъ, прежде всего повелѣлъ прибить на воротахъ дворца указъ, объявляющій

высокую его волю: „Ежели кто въ про-
 „долженіе девяти дней пребыванія Мо-
 „нарха на оспровѣ Дембейскомъ осмѣ-
 „лился предстать предъ него съ лицомъ
 „печальнымъ, или словами своими при-
 „чинить ему хотя малѣйшую скуку;
 „попъ немедленно изгнанъ будетъ изъ
 „его общества.“

Указъ епопъ сдѣлался попчасъ извѣ-
 стнымъ; объ немъ только всѣ говорили,
 и — непринужденная веселость исчезла
 изъ Сегедова общества: всякой старал-
 ся располагать лице свое по указу и за-
 мѣчалъ безпреспанно за собою.

Сегедъ замѣтилъ, что при встрѣчѣ
 съ нимъ улыбались, хотѣли казаться
 веселыми, но на лицѣ у каждаго видны
 были боязнь и принужденіе. — Начиналъ
 ласково говорить съ приближенными; ни-
 кто не смѣлъ вдругъ отвѣчать ему, ибо
 всякой напередъ обдумывалъ слова свои. —
 Предложилъ разныя забавы; онѣ были
 приняты безпрекословно, ибо всякой ста-
 рался показать предъ Сегедомъ свое вос-

хищеніе, свою радость: но истинное удовольствіе далеко отъ нихъ улетѣло. Такимъ образомъ прошелъ еще день, и Сегедъ увидѣлъ, что ошибся въ мѣрахъ своихъ; увидѣлъ, что указами не можешь произвестъ искренней, непринужденной веселости, и опять оплодѣжилъ надежду быть счастливымъ — до завтра.

Долго думалъ онъ, какія бы лучшія средства употребить для достиженія своей цѣли, и заснулъ въ сихъ мысляхъ. Во снѣ представилось ему, что озеро Дембейское, разлившись, попопило дворецъ и сады его. Онъ пробудился въ ужасномъ волненіи. — Снова забылся, и увидѣлъ, что въ государство его вторгнулись непріятели, покорили столицу и самого его со всѣмъ семействомъ взяли въ плѣнъ. Ешомъ сонъ еще болѣе встревожилъ Сегеда; онъ не могъ болѣе заснуть.

Между тѣмъ наступилъ день, и Сегедъ опять повторилъ обѣщаніе свое быть счастливымъ; но сны ужасные

сдѣлали сильное въ немъ впечатлѣніе : никакія забавы не могли выгнать изъ его мыслей наводненія и плѣна. — Долго боролся онъ самъ со собою , и половина дня прошла, прежде нежели успѣлъ онъ успокоиться. Сегодѣ опять увидѣлъ , какъ ненадежно счастіе на земли , какъ часто самыя пусшыя мечты могутъ его нарушить. — Досада на себя , что позволилъ воображенію такъ сильно овладѣть разсудкомъ, лишила его возможности быть счастливымъ другую половину дня , и вечеромъ , входя въ кабинетъ свой , сказалъ онъ самъ себѣ : „Кто не „умѣетъ наслаждаться настоящимъ, кто „безпокоится о прошедшемъ или будущемъ ; тотъ добровольно уклоняется „отъ счастія.“ — Третій день прошелъ, а онъ еще все не былъ счастливымъ.

На четвертое утро Сегодѣ проснулся рано ; сонъ освѣжилъ его ; онъ чувствовалъ себя здоровымъ , и ничто не возмущало его спокойствія. — Утро было прекрасное , и онъ пошелъ въ садъ

съ Принцами своими и придворными. Ему казалось, что всѣ кругомъ его веселы. — „Наконецъ сего дня буду „счастливъ!“ сказалъ онъ самъ себѣ. И все способствовало къ его удовольствію: солнце играло въ сѣняхъ обширнаго озера; тихой, прохладной вѣтерокъ едва колебалъ деревья; въ одномъ концѣ слышна была очаровательная гармонія музыки, въ другомъ пѣсни; тамъ подѣшную деревъ сельскія игры и пляски; иные капались по озеру въ шлюпкахъ, другіе опдыхали въ бесѣдкахъ. — Сегодня ходилъ по саду безъ всякой цѣли, съ спокойною душою; въ одномъ мѣстѣ останавливался, вслушивался въ музыку, въ другомъ смотрѣлъ на пляски; иногда садился, разговаривалъ съ придворными, вступалъ съ ними въ глубокомысленныя разсужденія, видѣлъ какъ они удивлялись высокому уму его, и былъ въ полномъ удовольствіи.

Ему казалось, что всѣ счастливы, потому что онъ самъ былъ доволенъ.

собою. — Нѣсколько часовъ прошло въ семъ блаженномъ состояніи, какъ внезапно услышалъ онъ шумъ позади себя. Женщины изъ свиты его бѣжали къ нему въ большомъ смущеніи. Молодой крокодилъ, вышедшій изъ озера, испугалъ ихъ. — Сегедъ въ одну минушу прогналъ нарушителя своего счастія опять въ озеро, но не могъ успокоить женщинъ. Принцессы спѣшили во дворецъ, и не прежде, какъ прибѣжавши въ комнаты, увѣрились въ своей безопасности. — Всѣ были встревожены; всякой рассказывалъ по своему о предположенномъ бѣдствіи, и Сегедъ опять увидѣлъ, „какъ ничтожно счастіе наше, „когда самые моловажные случаи могутъ „его разрушить!“ Но онъ утѣшалъ себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что теперь не самъ тому причиною.

На пятой день вздумалъ Сегедъ, для ободренія придворныхъ своихъ къ веселости, назначить награды и подарки тѣмъ изъ нихъ, кои въ продолженіе

дня доставлять ему больше удовольствія острыми шутками или забавами. — На столахъ въ большой залъ положены были дорогіе камни, жемчуги и прочія украшенія, назначенныя въ награду оплчнѣйшимъ.

Придворные были прельщены подарками; всѣ превозносили щедрость и милосердіе своего государя, и онъ вступилъ въ залу съ твердою надеждою быть счастливымъ. — Но, увы! опять ошибся въ своемъ ожиданіи. — Каждому хотѣлось получить назначенную награду; а чего намъ сильно хочется, то также сильно насъ и беспокоитъ. Боязнь же и удовольствіе, само собою разумѣется, никогда не бывають вмѣстѣ. Опасеніе было начертано на лицахъ. Всѣ движенія придворныхъ, всѣ слова ихъ были принужденныя: всякой напрягалъ силы свои, чиня поправитъ Сегеду; многіе заслужили удивленіе, но удовольствія никто не могъ ему доставить. Съ сожалѣніемъ увидѣлъ онъ, что подарки произвели

совсѣмъ прошивное. Къ вечеру неприятности умножились; шѣ, которые признаны побѣжденными, ропшали тихонько, что объ нихъ судящъ несправедливо; а при томъ и самъ Сегедъ былъ въ недоумѣніи, кому опадать преимущество. Онъ рѣшился наконецъ, чтобы не возбуждая между придворными зависти, награждать всѣхъ поровну, и объявляя, что онъ всѣми доволенъ. — Но ожидавшіе опличныхъ наградъ были въ большемъ негодованіи, что ихъ сравнивали съ прочими. — Начались споры, колкости, неприятности, и Сегедъ опять увидѣлъ, что очень ошибся въ своихъ мѣрахъ. — День кончился, и онъ, удалившись въ кабинетъ свой, сказалъ: „Какъ безразсудно искашь счастья не въ самомъ себѣ.“

На другой день всталъ онъ опять съ твердымъ намѣреніемъ быть непременно счастливымъ; но видѣвъ изъ опыта, что приговорами, заблаговременными распоряженіями нельзя достиг-

нупъ цѣли своей, рѣшился предоспа-
вить случаю удовольствія дня нынѣш-
няго: велѣлъ объявить, что всякой мо-
жетъ заниматься и веселиться чѣмъ и
какъ кто хочетъ.

Такое позволеніе принято было съ
удовольствіемъ. — Сегедъ видѣлъ всѣхъ
веселыми и думалъ: „наконецъ я нашелъ
средство быть счастливымъ!“ Онъ ходилъ
одинъ, безъ всякой свиты, наравнѣ съ
прочими, и подслушалъ двухъ придвор-
ныхъ. „Сегедъ несправдливъ;“ говори-
ли они между собою: „онъ жестокъ, онъ
имѣетъ тысячу недоспашковъ. Чѣмъ
заслужилъ онъ такую власть надъ на-
ми? за что должны мы всегда завистѣть
опъ его прихопей или дурнаго нрава?“ —
Слова сіи сильно поразили Сегеда; бли-
жайшіе льстецы его рассуждали объ
немъ такимъ образомъ!

Въ первомъ движеніи гнѣва онъ хо-
тѣлъ было строго наказать дерзновен-
ныхъ, и съ большимъ трудомъ едва могъ
удержаться; долго боролся съ собою,

наконецъ преодолѣлъ себя и простилъ клеветниковъ своихъ. Побѣда надъ собою доставила ему сердечное наслажденіе, и вечеръ провелъ онъ въ спокойствіи и внутреннемъ счастіи.

Воспоминаніе о хорошемъ поступкѣ сдѣлало его благополучнымъ и въ седмой день. — Ничто не возмущало его до тѣхъ поръ, пока, проходя мимо одного дерева, не вспомнилъ, что подъ такимъ же точно провелъ онъ ночь, проигравши сраженіе въ Гисманскомъ Королевствѣ. — Ему предсѣнилось тогдашнее его положеніе, безславіе, всѣ бѣдствія опечесства. Сіи мысли сильно встревожили его, и лишь только успѣлъ онъ немного успокоиться, какъ долженъ былъ судить придворныхъ въ ссорѣ, къ копорой подали случай его подарки.

На восьмой день рано по утру былъ онъ во дворцѣ разбуженъ сильнымъ шумомъ и смяшеніемъ. — Принцесса Башхисъ, любимая дочь его, вдругъ занемогла опасно. Всѣ усилія врачей оспа-

лись бесполезны, и на десятой день закрылъ онъ ей глаза навѣки.

Такъ провелъ Сегедъ, — Король Еѳіопскій, десять дней, назначенныхъ для оподожновенія и счастія. — Онъ велѣлъ описать ихъ, дабы позднѣйшее потомство изъ примѣра его познало ту истину, что не лзя ни кому сказать: „сегодня я буду непременно счастливъ.“

Съ Англ.

М А В Р И Т Я Н К А.

Исторической анекдотъ.

Филиппъ III (*) имѣлъ многія качества Государя добродѣтельнаго — кротость, челоѣколюбіе, чистоту нравовъ; но былъ характера безпечнаго, непостояннаго, робкаго и слабаго. Заботу правленія предоспавилъ онъ миниспрамъ,

---

(*) Онъ возшелъ на пресшоль Испанскій 1598 года.

неспособнымъ нести тяжкое бремя дѣлъ обширнаго государства ; и если Испанія неподверглась въ это время ужаснымъ бѣдствіямъ , то единственно по причинѣ смятеній , опустошавшихъ тогда сосѣдственные земли , и по громкой славѣ , которую приобрѣли себѣ полководцы , воспитанные въ школѣ Филиппа II. Казалось , что Испанцы , неисключая и самыхъ знатныхъ фамилій , тогда уже потеряли величіе духа , которымъ отличались благородные ихъ предки. Полуостровъ Пиринейскій , болѣе сполѣтій грозившій чрезвычайнымъ могуществомъ своимъ независимости Европы , скоро пересталъ быть для нее страшнымъ , особливо когда фанатизмъ , нанесшій тяжкіе удары Испаніи , навсегда лишилъ ее тѣхъ обильныхъ источниковъ богатства , изъ которыхъ происходило ея благосостояніе.

Набожность , неподкрѣпляемая благо-разуміемъ , иногда въ слабомъ человѣкѣ раждаетъ суевѣріе. Филиппъ былъ под-

верженъ сей жестокой нравственной болѣзни, иссушающей сѣмена всѣхъ добродѣтелей. Честнолюбивые министры и подлые царедворцы, воспользовавшись суевѣрнымъ страхомъ Короля, заставили его подписать ужасное опредѣленіе объ изгнаніи цѣлаго народа изъ Государства.

Гоненія, претерпѣнныя Маврами въ Королевствѣ Гренадскомъ отъ Фердинанда, покорившаго страну сію, подали причину Баронамъ Валенціи безпокойства объ участи своихъ подданныхъ; они исходатайствовали у побѣдителя возстановленіе закона Кортесовъ, по силѣ котораго никто не могъ ни изгонять Мавровъ, ни принуждать ихъ къ принятію хрістіанской вѣры.

Бароны внесли законъ сей въ форму присяги Королей своихъ, которые, вступая на престолъ Испанскій, должны были давать въ ненарушимости онаго клятвенное обѣщаніе :

„1е. Никогда и ни подъ какимъ предлогомъ неизгоняшь Мавровъ изъ Королевства Валенціи.

„2е. Никогда не принуждашь ихъ къ принятію хрістіанской вѣры.

„3е. Никогда, ни самимъ собою, ни чрезъ посредство другихъ, не искашь у Папы разрѣшенія отъ сей присяги, и даже не принимаешь его, если бы оно было предложено.“

Могущество Карла V возрасло во время междоусобій, и утвердилось на уничиженіи власпи дворянства. Климентъ VII прислалъ къ нему разрѣшеніе отъ данной имъ присяги, и Мавры, жертва коварныхъ обѣщаній, увидѣли себя между двумя крайностями: или должны были сдѣлаться хрістіанами, или ожидаютъ смертной казни. Въ 1525 году въ цѣлой Испаніи не осталось можешь быть ни одного Мавра, копорой не принялъ бы крещенія. Новое исповѣданіе подчинило ихъ власпи Инквизиціи,

Часть III.

II

которая ежегодно предавала огню множество сихъ несчастныхъ.

Насильственные мѣры, употребляемыя для обращенія Мавровъ, воспламенили въ нихъ ревность къ гонимой своей религіи, напоминавшей имъ о славѣ царствъ, предками ихъ основанныхъ. Каждый Мавръ, исполненный ненависти къ жестокимъ побѣдителямъ, питалъ въ душѣ своей оправдую надежду, что оружіе Турковъ рано или поздно освободитъ его отъ ига преемниковъ Карла V.

Карлъ V и Филиппъ II, Государи, славные глубокою политикой, очень хорошо предвидѣли, сколь ужасные безпорядки возникли бы отъ изгнанія изъ общества такого множества подданныхъ, а пошому никакъ не могли на то рѣшиться, и духовенство не смѣло дѣлать имъ вредныхъ предложеній. Напропавъ того слабость Филиппа III и любимца его Лермы ободрили высшее духовенство, которое желало удобнымъ способомъ избавиться отъ новой подаши, требуемой

правицельствомъ на содержаніе проповѣдниковъ слова Божія.

Рибера, Архіепископъ Валенціи, подалъ Королю весьма обширный докладъ, въ которомъ доказывалъ совершенную невозможность обращенія Мавровъ въ хрістіанскую вѣру; обвинялъ ихъ въ ужасныхъ пресупленіяхъ; спращалъ Монарха гнѣвомъ Божіимъ, долженствующимъ будпо бы постигнуть Испанію, если государство не будетъ въ скоромъ времени очищено отъ почишпелей Магомета. Истину угрозъ своихъ подтверждалъ онъ исчисленіемъ разныхъ чудесныхъ явленій.

Многіе изъ знашныхъ особъ духовныхъ приняли живое участіе въ дѣлѣ, начатомъ Риберою. Въ числѣ ихъ былъ Донъ Бернардо Роасси, Сандоваль, братъ Дюка Лермы, Кардиналъ, Архіепископъ Толедскій, Главный Инквизишоръ и Канцлець Испаніи.

Сандоваль простеръ было жестокость прѣбованій своихъ несравненно

далѣе. Изгнаніе Мавровъ казалось ему поступкомъ, несовмѣстнымъ съ правосудіемъ; онъ утверждалъ, что благоразуміе повелѣваетъ все разсѣянное по Испаніи племя невѣрныхъ истребить мечемъ, не разбирая ни пола, ни возраста.

Дюкъ Лереса, всего болѣе желавшій снискавъ благосклонность Римскаго Двора, принялъ сторону брата. Будучи первымъ Министромъ государства и пользуясь одинъ всею довѣренностію Короля, онъ весьма легко успѣлъ склонить его на ужасное дѣло — на изгнаніе въ одно время всѣхъ Мавровъ изъ Испаніи.

Свяшый Отецъ опрелекъ утвердить столь жестокій приговоръ, которому не было еще примѣра въ Исторіи; но Испанскіе Епископы соборомъ подписали единодушное свое мнѣніе, что „никогда не возможно надѣяться какого-либо успѣха обратить Мавровъ на путь истины,“ и это мнѣніе, предложенное Двору, заставило Монарха исполнить ужасное предпріятіе.

Между тѣмъ Дворъ, опасаясь, чшобы Мавры, побуждаемые Баронами, не принялись вдругъ за оружіе, скрывалъ намѣренія свои подъ непроницаемой завѣсою тайны. Филиппъ далъ повелѣніе начальникамъ флотовъ, споявшихъ въ гаваняхъ Испанскихъ, Португальскихъ и Италіянскихъ, взять на свои корабли определенное число войска и отправившись немедленно въ Аликантъ, Денію, въ разныя пристани Королевства Валенціи, и съ тамошнимъ Вице - Королемъ принявъ всѣ нужныя мѣры къ предотвращенію бунта. Бароны однакожь скоро проникли въ тайны Кабинета, узнали настоящія причины морскаго вооруженія и подали Королю бумагу, въ копторой рѣшительно предсказывали ему неизбежное разореніе Валенціи, если выгнаны будутъ изъ нее Мавры. Имъ объявлено въ отвѣтъ, что прозьба получена не во время, и что законъ объ изгнаніи Мавровъ уже подписанъ.

Законъ сей былъ обнародованъ Вице-Королемъ въ началѣ Сентября 1609 года. Требовалось, чшобы всѣ невѣрные, безъ различія пола и возраста, подѣ опасеніемъ смертной казни, были въ придни гошовой ѣхашь къ назначеннымъ для нихъ морскимъ пристанямъ, и шамъ сѣли бы на корабли, для опплытія въ чужія земли. Мавры, которые оставили бы жилища свои, недождавшись чиновниковъ, имѣющихъ обязанность препроводить ихъ къ морскому берегу, равно какъ и шѣ, которые взяли бы пожитки свои безъ дозволенія помѣщиковъ, подвергались такой же казни. Впрочемъ Баронамъ предоспавлено было право, изъ каждой сотни семействъ назначить по шести, которымъ дозволялось жить въ Королевствѣ по прежнему и обучать хрістіанъ мануфактурнымъ работамъ; сверхъ того закономъ дозволено было оставить въ Испаніи чешырехлѣпныхъ дѣшей, если только опцы, мапери, или опекуны ихъ будущь на то согласны. Симъ

правомъ могли пользоваться также дѣ-
ти шести и семи лѣтъ, равно какъ и
ихъ матери (хотя бы онѣ происходили
и отъ природныхъ Мавровъ) въ такомъ
случаѣ, если отцы и матери упомяну-
тыхъ дѣтей съ давняго уже времени
исповѣдуютъ хрістіанскую вѣру. Но если
отцы держались религіи Магометовой,
то законъ осуждалъ ихъ на вѣчное из-
гнаніе, а женамъ ихъ отдавалъ на про-
изволь или слѣдовать за мужьями, или
оспаиваться съ дѣтьми своими въ опе-
чествѣ. Тѣ изъ Мавровъ, которые бра-
ли свидѣтельство отъ священниковъ
своего прихода и предъявляли ихъ въ
доказательство, что они два года уже
исповѣдуютъ хрістіанскую вѣру, могли
по прежнему свободно жить въ Королев-
ствѣ. Наконецъ всѣмъ прочимъ Маврамъ
позволено было ѣхать въ земли, въ ка-
кія кто пожелаетъ, лишь бы только не
въ Испанскія обласи, и при томъ если
они отправятся въ срокъ, опредѣлен-
ный закономъ.

Фанатизмъ до такой степени шягошилъ желѣзнымъ игомъ своимъ Испанію, что духовенство и Дворъ почитали законъ сей подвигомъ милосердія. Изумленные Мавры подали Вице-Королю прозьбу; въ ней объявляли, что они во все невиновны ни въ одномъ изъ взводимыхъ на нихъ пресступленій; предлагали Королю вооружить извѣстное число галеръ для охраненія береговъ Испаніи отъ Варварійцевъ, построятъ вновь многія крѣпости и содержатъ въ нихъ, равно какъ и въ прежнихъ, гарнизоны на своемъ иждивеніи; обязывались выкупать во всякое время хрістіанъ Валенціи изъ плѣна Варварійцевъ, и наконецъ внести въ казну Королевскую значительную сумму денегъ, если Король согласится уничтожить приговоръ, вынужденный у него духовенствомъ. На все это было сказано въ отвѣтъ, что Филиппъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи.

Мавры, доведенные до отчаянія, негодуя на лицемерное снисхожденіе къ

гибельнаго закона, рѣшились было оружіемъ защищать и свободу и свое имущество. Бароны нѣсколько утѣшены были правомъ оставить при себѣ изоста по шести семействъ Мавританскихъ. Сивладѣльцы, боясь, чтобы Мавры не произвели въ дѣйство своего намѣренія, самыми прогательными прозьбами, самыми лестными обѣщаніями убѣдили ихъ оставить замысль, которой могъ бы имѣть пагубныя слѣдствія для Испаніи; но тщетно Бароны, и сильнѣйшій между ими Дюкъ Гавдія, тщетно умоляли Вице-Короля дозволить Маврамъ свободно отправлять богослуженіе по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока хрістіане еще не научились производить работы на фабрикахъ. Вице - Король отвѣчалъ, что не можетъ отсрочить ниже на одни сутки: слѣдствіемъ сего было то, что полшораси тысячъ Мавровъ рѣшились вдругъ покинуть дома свои и имѣнія. Они съ презрѣніемъ отвергли предложеніе оставить дѣшей

своихъ въ землѣ жестокыхъ гонимыхъ, и лучше желали подвергнуть младенчество ихъ всѣмъ опасностямъ, нежели предашь ихъ въ руки такому народу, коимъ играетъ своими клятвами и безчеловѣчіе почитаетъ своей обязанностью.

Повелѣніе Короля немедленно было исполнено. Двадцать тысячъ подданныхъ Дюка Гавдіи отправились въ путь первые, и скоро пристали къ Орану, Испанской крѣпости на берегахъ Варварійскихъ. Графъ Агиласъ, Коммендантъ Орана, принялъ ихъ благосклонно, и просилъ покровительства имъ у Вице - Короля города Тремезема, главнаго въ провинціи сего имени, въ которой нашли они себѣ новое общество. Дорогою сіи несчастные проливали горькія слезы, сравнивая песчанья степи Африки съ очаровательными, плодоносными полями Валенціи.

Печаль ихъ нѣсколько уменьшилась въ Тремеземѣ. Здѣсь нѣсколько было до

зволено имъ спокойно владѣть принесенными богатствами, но и предоставлены тѣ же самыя права и выгоды, которыми пользовались природныя жители.

Приятныя вѣсти о судьбѣ изгнанниковъ ободрили Мавровъ, оставшихся въ Испаніи. Мучимые непрерывнымъ увидѣть госпитальную землю, они постоянно спекались толпами съ женами и дѣтьми своими на берегъ; многіе изъ нихъ, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ свирѣпаго взора своихъ господей, нанимали корабли и немедленно пускались къ опраднымъ берегамъ Африки. Такимъ образомъ около сорока тысячъ жителей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, удалилось изъ Королевства Валенціи, а вмѣстѣ съ ними искусства и промышленность. Между изгнанниками находилось много такихъ, которые званіемъ своимъ отличались отъ прочихъ согражданъ, и которыхъ предкамъ отъ Карла V пожаловано было

дворянское достоинство послѣ принятаго ими крещенія.

Бароны, презрѣвъ жестокое право свое, оказывали подданнымъ возможную помощь и принимали великодушное въ судьбѣ ихъ участіе. Они позволили имъ располагать по своей волѣ тѣмъ имуществомъ, которое могли обратитъ въ деньги, позволили имъ свезти на корабли драгоценныя утвари и самыя нужныя вещи для ихъ руководѣлій. Владѣльцы неограничили тѣмъ благородной своей попечительности; они провожали изгнанниковъ до самаго моря, а нѣкоторые изъ нихъ даже до берега Африки; Дюкъ Гавдія находился въ числѣ сихъ послѣднихъ.

Но дѣятельная предусмотрительность и любовь Бароновъ къ своимъ подданнымъ только на короткое время могли облегчить плачевную ихъ участь. Одни претерпѣли кораблекрушеніе и кончили дни свои, не видавши береговъ Африки; другіе погибли среди моря отъ

злѣдѣйства мапросовъ. Мущины были умерщвляемы въ глазахъ женъ и дѣшей своихъ, мапери и дѣши безжалостно предаваемы были ярости волнъ; самая красота не возбуждала состраданія въ ожесточенныхъ варварахъ.

Судьба изгнанниковъ, достигшихъ Варваріи, была неменѣе достойна жалости. Три четверти сихъ несчастныхъ во время продолжительнаго путешествія по знойнымъ степямъ Африки лишились жизни отъ усталости, голода и жажды; другіе погибли отъ меча Бедуиновъ, кочующихъ разбойниковъ. Изъ ста сорока тысячъ Мавровъ, отправленныхъ на берега Африки, въ нѣсколько мѣсяцовъ болѣе ста тысячъ сдѣлались жертвою ужасной смерти.

Бѣдствія ихъ казались непреклонному Филиппу знакомъ Божескаго мщенія, и это еще болѣе утвердило Короля и духовенство въ намѣреніи изгнать Мавровъ изъ всѣхъ частей Испаніи. Но прежде надлежало привести къ повинно-

венію тѣхъ изъ нихъ, копорые ушли въ горы Валенціи и рѣшились защищать свободу свою до послѣдней крайности. Ихъ было неменѣе придцати тысячъ. Неопытность въ военномъ дѣлѣ и недоспашокъ въ сѣспныхъ припасахъ нептозволяли имъ долго пропившся нападеніямъ отборнаго войска. Три тысячи Мавровъ погнбло во время преслѣдованія, и кровожадный побѣдитель нептоцадилъ ни спарцевъ, ни женъ, ни самыхъ дѣшей, лобызавшихъ колѣна его и просившихъ о помилованіи. Двадцать двѣ тысячи опдавшихся въ плѣнъ были немедленно опвезены въ Африку, а дѣши семилѣшняго возраста розданы солдапамъ, копорымъ велѣно было продать ихъ въ рабство.

Кромѣ побитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ было очень много такихъ, копорые, по непреодолимой привязанности къ землѣ опечеспвенной, искали убѣжища въ лѣсахъ и между ушесами, гдѣ

надѣялись укрыться опъ поисковъ неумолимыхъ враговъ своихъ; но ихъ били и ловили точно какъ дикихъ звѣрей на охотѣ, и ни одинъ изъ сихъ несчастныхъ неукрылся опъ бѣшената свирѣпства. Многіе изъ невинныхъ жершвъ безумія Испанцевъ хопѣли лучше умереть опъ голода и спужи, нежели опдаваясь въ руки мучипелей кровожадныхъ. Начальникъ ихъ, скрывавшійся съ женою и дѣтьми своими въ самой неприступной часпи горъ, былъ пойманъ, опвезенъ въ Валенцію, опданъ на поруганіе неисповой черни и попомъ злодѣйски лишень жизни.

Одинъ родспвенникъ сего предводителя Мавровъ, по имени Алмуземъ, опправился въ Африку съ дочерью своею Кальмирою въ то самое время, когда были изгнаны подданные Дюка Гавдіи. Шестеро сыновей, которыми прежде Алмуземъ гордился, поперяли жизнь свою подъ знаменами Короля Испанскаго, и опъ всего семейства добродѣпель-

наго Мавра оспавалась одна только дочь его Кальмира. Ей было тогда семнадцать лѣтъ; съ прелестными красотою соединялись въ ней очаровательная кротость и рѣдкая твердость духа. Зная Латинской языкъ, она въ свободные часы углублялась въ чтеніе знаменитыхъ историковъ и великихъ философовъ древности; научилась отъ нихъ презирать всѣ блага, столь высоко цѣнимыя людьми обыкновенными; любила только добродѣтели и ненавидѣла только пороки; свободно могла безъ всего обойтись; не только всегда отпказывала себѣ въ потребностяхъ, порожденныхъ зашѣйливой роскошью, но часто впайнѣ лишала себя вещей самыхъ необходимыхъ, единственно для того чтобы заранѣе приготовить къ перенесенію всѣхъ превратностей жизни; наконецъ она думала, что мы не принадлежимъ самимъ себѣ, и что тогда только можемъ сохранить свободу свою, когда умѣемъ жить въ бѣдности.

Изданный пропивъ Мавровъ законъ произвелъ въ ней сильное негодованіе, но не поселилъ страха въ ея сердцѣ. Она безъ сожалѣнія оставила неблаго- дарное опечесство, для защиты коего братья ея пролили кровь свою на полѣ брани, и въ кошоромъ несчастная мать ея лишилась жизни, поскуя по прежде- временной, хошя славной, кончинѣ дѣ- шей своихъ.

Дюкъ Гавдія, безоплучно находив- шійся въ приспани во все то время какъ Мавры готовились къ опплытію, осо- бенно опличился челоуѣколюбіемъ своимъ и нѣжною попечительностію о несчаст- ныхъ. Онъ защищалъ ихъ отъ обидъ, доспавлялъ имъ всѣ удобности, какія шолько можно имѣть на морѣ, и прово- жалъ ихъ даже до Орана на томъ са- момъ кораблѣ, на кошоромъ находился Алмуземъ съ дочерью. Добродѣшельный Дюкъ много разъ имѣлъ случай удивлять- ся спокойствію Кальмиры. Изъ всѣхъ Мавришянокъ одна шолько она не пока-

зывала ни страха, ни печали, ни неперпѣнія. Въ то время, когда подруги ея предавались мучительной горести, она старалась утѣшать ихъ, совѣтовала имъ съ твердоспію, съ упованіемъ на благій Промыслъ сносить неизбежное несчастіе; и если слова ея не вливали отрады въ сердца безупѣшныхъ, она жалѣла объ нихъ, но никогда не жаловалась на свою долю. Чувствительная къ горести другихъ и нечувствительная къ самой себѣ, всегда спокойная Кальмира казалась ангеломъ, низпосланнымъ съ неба для облегченія судьбы несчастныхъ.

Величіе духа юной дѣвицы заспаивало гордишься Алмузема, служило ему наилучшимъ утѣшеніемъ въ печали, мирило его съ судьбою. И какихъ утѣшъ не могло замѣнить епо единое оставшееся у него сокровище!

Удивленіе Дюка Гавдіи возрастало отъ часу болѣе, такъ что наконецъ не могъ онъ отказать себѣ въ удовольствіи

изъявить его Кальмиръ. „Мое равнодушіе“ отвѣчала она „къ общему нашему бѣдствію вовсе не заслуживаешь, чтобы вы ему удивлялись; я заранѣе приучала себя терпѣливо переносить всѣ несчастья. Здравый, основательный разумъ можешь изъ самыхъ неблагопріятныхъ случаевъ жизни извлекать для себя нѣкоторую пользу, также точно какъ рука искусная умѣетъ изъ горькихъ, противныхъ веществъ приготовить здоровыя и пріятныя для вкуса яствы. Что мы дѣлаемъ, когда хотимъ защитить себя отъ дождя, отъ суровой непогоды? Употребляемъ въ помощь огонь, запасаемся покрывалами; равнымъ образомъ и при ударахъ судьбы призовемъ на помощь утѣшительную философію. Люди, отъ природы печальные, недовольные своимъ состояніемъ, склонные къ безпрестаннымъ жалобамъ, собираютъ въ головѣ своей все, что ни есть худшаго въ ихъ участи; безпрестанно помышляя о томъ, они берутъ сторону

своего неприятеля, и самое полезное для себя дѣлають вреднымъ. Мудрые, говоритъ Плутархъ, выбрасываютъ изъ своихъ приключеній всю примѣсь худого, неприятнаго, и тѣмъ услаждаютъ жизнь свою. Особливо въ такихъ случаяхъ, когда причиною печали нашей бываетъ одно воображеніе, надобно поступать такъ точно, какъ мы поступаемъ съ дѣтьми, когда хотимъ опучить ихъ отъ пустой боязни: мы показываемъ дѣтямъ страшные для нихъ предметы, позволяемъ прикасаться къ нимъ, и повторяемъ ещо до тѣхъ поръ, пока смѣшная боязнь ихъ не исчезнетъ. Равнымъ образомъ должны мы приучить себя не страшиться мысли объ изгнаніи, отдѣливъ отъ нее всѣ ложныя понятія и презрѣвъ народное мнѣніе, смѣшивающее порокъ съ несчастіемъ. Человѣкъ, говоритъ Платонъ, не то, что растѣніе, котораго неподвижные корни прикрѣплены къ землѣ. Онъ перемѣняетъ мѣсто; онъ можетъ жить во всѣхъ странахъ свѣта.

Люди, почитающіе изгнаніе безчестнымъ, походяшъ на пѣхъ глупцовъ, которые упрекають кого нибудь бѣдно-стію, недоспапкомъ волосъ, малымъ ростомъ, или даже еще неодинаковымъ съ ними происхожденіемъ; но люди благомыслящіе уважають въ другихъ одну только доблесшь и приносятъ ей даръ удивленія, гдѣ бы ни нашли ее, въ иностранцѣ, или въ изгнанникѣ. Большая часть превосходныхъ сочиненій была написана въ започеніи. Оукидидъ тру-дился надъ Исторіею войны Аѣинской и Пелопонесской — во Оракіи; Ксенофонтъ написалъ Исторію свою въ Силлонѣ; Филистъ сочинилъ свою въ Епирѣ; Ти-мей, уроженецъ Сицилійскій, занимался швореніемъ своимъ въ Аѣинахъ; ан-дротіонъ Аѣинянинъ писалъ въ Мегарѣ; Поепъ Бахилидъ сочинялъ стихи свои въ Пелопонесѣ; всѣ сіи и многіе другіе писатели не унывали, не предавались оп-чаянію въ изгнаніи; напрошивъ того по-читали его благимъ даромъ форшуны,

посылающей имъ возможность прославиться. Но, оставя все прочее, спросимъ: что мы на землѣ? Спранники, жишели чуждой обласпи! Другой міръ ожидаетъ насъ; небо — истинное наше отечество!..

Дюкъ Гавдія слушалъ Кальмиру съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, и такъ былъ пронутъ ея рѣчью, что долго немогъ произнести ни одного слова. Наконецъ онъ сказалъ: „Законъ, осудившій Мавровъ, лишаетъ меня великихъ доходовъ; но вы показали мнѣ способъ приобрести такія богатства, которыя будутъ несравненно прочнѣе всѣхъ прежнихъ. Тенерь чувствую себя способнымъ перенести всѣ несчастія, какія ^{или} только угодно будетъ Провидѣнію собраться надъ моею головою; и если когда-либо стану ослабѣвать подъ бременемъ золь, то одно воспоминаніе о васъ подкрѣпитъ во мнѣ изнемогающія силы.“

По прибытіи въ Оранъ Дюкъ Гавдія представилъ Алмузема и дочь его

Губернатору города, Графу Агвилару. Начальникъ сей, очарованный красою и еще болѣе душевными качествами Кальмиры, опдалъ ее съ Алмуземомъ подъ охраненіе одному изъ своихъ приближенныхъ, который сопровождалъ ихъ до самаго Тремезема. Здѣсь по ходатайству Графа Агвилара, Вице-Король принялъ ихъ весьма благосклонно и велѣлъ выдавать имъ ежегодно по пяти сотъ піаспровъ.

Признашельный Алмуземъ привелъ въ цвѣтущее состояніе мануфактуры въ Тремеземѣ. Счастіе увѣнчало всѣ его предпріятія, и Кальмира, предметъ всеобщаго удивленія, соединилась узами брака съ сыномъ Агвилара, почиравшаго се родство особеннымъ для себя благополучіемъ.

Дюкъ Гавдія, возвратившись въ Валенцію, воспользовался примѣромъ Кальмиры. Лишась почти всего богатства, онъ посвятилъ себя уединенію, проводилъ время какъ мудрецъ, и

въ ученыхъ занятіяхъ обрѣлъ по спокой-
ствію, котораго не зналъ во дни своего
счастія.

Дюфрене.

ЩИТЪ О ДВУХЪ СТОРОНАХЪ.

Анекдотъ.

Въ древнія времена языческихъ ры-
царей одинъ Брешонскій Принцъ воз-
двигнулъ шпашую Побѣды на перекрест-
кѣ. Богиня въ правой рукѣ держала
копье, лѣвою опиралась на щитъ, ко-
торого одна сторона была золотая, а
другая серебряная. Надписи напомина-
ли о подвигахъ нѣхъ героевъ, которые
удостоились получить вѣнокъ славы.

Однажды встрѣпились на семъ пере-
кресткѣ двое рыцарей, одинъ съ чер-
ными, другой съ бѣлыми доспѣхами. Оба
читали надписи, оба дивились изяще-
ству шпашуи. „Чѣмъ болѣе разсмапри-
ваю емощъ золотой щитъ. . .“ такъ

началь было Черный. — Какъ! что вы называете золотымъ? — возразилъ Бѣлый рыцарь, смотрѣвшій на щитъ со стороны прошивной: — онъ серебряной, если глаза меня не обманывають. — „Но я гляжу не вашими глазами, и увѣренъ, что ежели есть на свѣтѣ золотые щиты, такъ одинъ изъ нихъ теперь находится передо мною.“ — Невозможно, — отвѣчаетъ Бѣлый рыцарь — чтобы щитъ, сдѣланный изъ дорогаго мешалла, былъ поставленъ на мѣстѣ ни къмъ не охраняемомъ, и гдѣ такъ часто проходятъ путешественники. Для меня даже и по непонятно, какимъ образомъ до сихъ поръ не соблазнилъ онъ корыстолюбивыхъ глазъ какого нибудь прохожаго; ибо, какъ видно изъ подписи, памятникъ сей стоить уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ. — Черный рыцарь, немоги слушать равнодушно прошивнаго шому, что онъ видѣлъ собственными глазами, отвѣчалъ Бѣлому колкою насмѣшкой. Споръ они часу становилъ жарче, и герои рѣшились

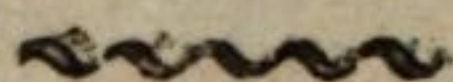
наконецъ прекрапишь его поединкомъ : поворотили своихъ коней , поскакали на ближнюю долину , и тамъ успремились другъ на друга. Ударъ копій былъ споль силенъ , что оба въ одно мгновеніе замертво упали на землю.

Одинъ добрый Друидъ , проходя мимо , увидѣлъ рыцарей въ жалкомъ положеніи. По счастію онъ весьма хорошо зналъ силу растѣній , унялъ текущую кровь , приложилъ цѣлебныя травы къ ранамъ и возвратилъ жизнь обоимъ соперникамъ. Когда рыцари пришли въ чувство , избавившись ихъ захопѣлъ узнать , что было поводомъ къ такой ужасной дракѣ. „Онъ смѣетъ утверждать,“ сказалъ Черный „что щипъ у богини серебряный“. . . — А онъ хочетъ увѣрить меня , будто золотой ! — опвѣчалъ Бѣлый рыцарь ; и потомъ рассказали всѣ подробности своего приключенія. „Друзья мои!“ опвѣчалъ Друидъ , вздохнувши : „вы оба ошибаетесь , и оба говорите правду ! Еслибъ каждой изъ васъ смо-

прѣлъ не на одну только сторону, которая съ перваго раза представилась глазамъ вашимъ, а принялъ бы трудъ взглянуть и на другую; тогда вѣрно избѣжали бы вы пагубнаго спора и кровопролитія. Пускай же ещѣ случай будетъ вамъ въ наставленіе. Помните, друзья мои, что прежде надобно рассмотреть вещь съ обѣихъ сторонъ, а потомъ уже разсуждать о ней.

Съ Франц.

ВОЛШЕБНЫЯ ОЧКИ.

П о в ѣ с т ь.

Десять лѣтъ уже царствовалъ Ахметъ въ Турецкомъ государствѣ. Оплочаясь рѣдкими качествами — мужествомъ, доброю сердцемъ — онъ имѣлъ также и многіе пороки. Предразсудки господствовали надъ нимъ неограниченно: онъ былъ слѣпъ къ любимцамъ своимъ, но жестоко ненавидѣлъ шѣхъ, которыхъ

любить не могъ; а любовь и ненависть нерѣдко завистли опъ одного только расположенія духа. Ему также весьма нравилось ласкашельство: онъ вѣрилъ всѣмъ безъ изъятія похваламъ, какими только придворные желали обратиться на себя благосклонной взоръ его; вѣрилъ ласкамъ красавицъ, кошорыми сераль его былъ наполненъ. — Самолюбіе всегда бываетъ легкомысленно.

Сколько Ахметъ съ одной стороны былъ доволенъ, когда курился передъ нимъ ѳиміамъ лести, столько съ другой не могъ перенѣть прошивурѣчія. Всякая истина, прошивная склонностямъ его или желаніямъ, казалась ему жестокою, обидною, и Султанъ пошчасъ опвергалъ ее какъ ложь очевидную. Впрочемъ былъ онъ снраненъ, какъ всѣ Султаны, или лучше сказать какъ . . . всѣ люди. Ахметъ неслушался никакихъ другихъ совѣшовъ, кромѣ согласныхъ съ прихотями его или склонностями. Изъ сего

видно , какъ легко было обманывать его тѣмъ людямъ , которые принимали на себя трудъ сей ; а при дворахъ Государей всегда находяшся люди , копорымъ такой трудъ неспрашенъ.

Старецъ Русманъ служилъ Визиремъ при Ахметѣ. Имѣя глубокія познанія въ дѣлахъ государственныхъ , великую опытность и семдесятъ лѣтъ жизни, Русманъ почиалъ себя въ правѣ говорить все ; и какъ скоро Султану приходило въ голову какое нибудь безразсудное предпріятіе , Визирь потчасъ представлялъ ему всю нецѣлосѣ его желанія. Когда Ахметъ дѣлалъ чрезмѣрные издержки, Русманъ напоминалъ ему о разсѣроенныхъ финансахъ ; словомъ, Визирь весьма часто прошивурѣчилъ Султану , великому охотнику проказничать. Можешъ бытъ и многіе люди были бы подвержены той же привычкѣ , когдабъ находились въ положеніи Ахмета , то есшъ когдабъ владычествовали надъ

столь пространнымъ государствомъ, каково Турецкое.

У Сулшана былъ одинъ молодой любимецъ и одна любимая Сулшанша, которые, самовластно располагая умомъ и сердцемъ Ахмеша, на самое правленіе имѣли болѣе, чѣмъ Визирь, вліянія. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ Ахмешъ единственно прибѣгалъ къ совѣтамъ любезнаго Нейсура и прекрасной Фатмы, и ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія. Любимецъ осыпанъ былъ сокровищами, ежедневно похищалъ новые подарки, распоряжалъ всѣми почетными мѣстами государства, чиновниками сераля и всею военною силой. Ахмешъ ни въ чемъ ему непротивурѣчилъ. „Нейсуръ меня такъ любитъ!“ думалъ Сулшанъ: „могуль ему въ чемъ-либо отказывать, тому, кто единственно печется о средствахъ возвысить честь мою и распространить мою славу!“

Точно то же думалъ онъ о Фатмѣ; охотно согласился бы испощить цѣлое

государство, разорить всѣхъ подданныхъ, лишь бы только удовлетворить безпрестанно возобновляющимся прихотямъ любезной своей Сулпанши. „Моя прекрасная Фатма“ говорилъ онъ „столько меня любишь! могуль ей въ чемъ-либо отказывать! отказывать шой, которая единственно старается возвысить честь мою и распространить славу моего имени!“

Весьма понятно, что Ахметъ, при такихъ свойствахъ и привычкахъ, рѣдко могъ быть въ добромъ согласіи съ Визиремъ своимъ Руспаномъ. Часто случались между ими споры. Сулпанъ обыкновенно горячился; но Визирь, не выходя изъ границъ должнаго къ Государю своему почтенія, говорилъ ему истину хладнокровно, съ непоколебимостию духа, свойственною правдѣ и разуму. Ахметъ, очарованный Сулпаншею и любимцемъ, взиралъ на Руспана какъ на человека суроваго, строгаго, жестокаго. Ему казалось, что Руспанъ завидуешь

невиннымъ удовольствіямъ, умѣреннымъ желаніямъ его и склонностямъ, и онъ съ нѣкотораго времени смотрѣлъ на старика съ оповращеніемъ; оставилъ при немъ званіе Визиря, единственно уважая прежнюю службу его, но съ нетерпѣніемъ ожидалъ удобнаго случая избавишся отъ нестерпимаго Руспана и опаданъ мѣсто его Нейсуру.

Однажды, при свѣтѣ лампы, Ахметъ любовался прекрасной своею Фатмой. Султанша наслаждалась дремотою. Онъ смотрѣлъ на нее очами, исполненными любви и восторга. „Какъ она прекрасна!“ говорилъ онъ мысленно: „о Магометъ! твои Гуріи могутъ ли сравниться съ Фатмой? Сіи розы на щекахъ, сіи уста пурпуровыя, еша алебастровая шея!.. И Руспанъ смѣетъ требовать, чѣмъ я опказывалъ сему небесному творенію! Говоря, что меня любишь, ешомъ брюзгливой старикъ ненавиждишь все мною любимое! Безпрестанно порицаешь и Фатму и Нейсура! Для

чего стараешься онъ убѣдишь меня въ ихъ невѣрности? для того чшобы одному овладѣть моею довѣренностію, чшобъ играть моею властію! Великій Султанъ! такъ говорилъ онъ мнѣ вчера: ты ослѣпленъ! Да низпошлетъ тебѣ Пророкъ очки, посредствомъ которыхъ ты могъ бы читать въ сердцахъ людей, тебя окружающихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы могъ я доспать такія очки, рѣдкія, безцѣнныя, сколько любви узрѣлъ бы въ сердцахъ моей Фашмы! Въ епу самую минушу она обо мнѣ мечтаетъ, меня видишь во снѣ, равно какъ о мнѣ одномъ на яву думаетъ. Она сама часто меня въ шомъ увѣряла, и я не повѣрю словамъ ея! Ахъ еслибъ я могъ найши такія очки, я былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ! Такъ! я хочу, я долженъ найши сіе дивное орудіе; не пощажу никакихъ сокровищъ, пожертвую всѣмъ, лишь бы только . . . тогда упрямый Руспанъ умретъ опъ спыда и раскаянія!“ Ахметъ бросилъ еще одинъ сердечный

взглядъ на прекрасную Фатму, заснувъ, и чудесныя очки представлялись ему въ сновидѣніи.

„Въ то самое время жилъ въ Константинополѣ одинъ Аравіянинъ, славной Мапемашикъ, достигшій познаніями своими до высоты Аспрологіи: онъ предсказывалъ будущее. Не одни только простолюдины, нѣтъ, даже просвѣщеннѣйшіе Имамы во глубинѣ души своей иногда признавали его мудрѣйшимъ самаго Магомеша. На другой же день приказалъ Ахметъ призвать къ себѣ славнаго мужа. — „Мудрый Ецраимъ!“ сказалъ ему Султанъ: „слава о твоей мудрости коснулась моего слуха. Всѣ говорящъ, что тебѣ свѣдомы дивныя тайны, и ни что на земли опъ прозорливости твоей не сокрыто. Требую опъ тебя важнѣйшей услуги.“ Ецраимъ, поклонившись, отвѣчалъ Султану: — Повели, Государь! У ногъ твоихъ вѣрнѣйшій и усерднѣйшій изъ рабовъ. — „Я желаю имѣть такія очки, посредствомъ

которыхъ могъ бы проникать въ сокровеннѣйшіе изгибы сердца человѣческаго. Повѣдай мнѣ, можешь ли сдѣлать столь чудесное орудіе?“ — Великій Султанъ! ошѣчалъ Ецраимъ: завтра будешь оно въ рукахъ твоихъ. Епо для меня прудъ ничтожный въ сравненіи съ тѣми дѣйствіями, посредствомъ которыхъ могу чистить въ книгѣ судебъ сверхъестественныя тайны. — Изъ сего видно, что ученые современники Ахметовы были неслишкомъ скромны.

На другой же день Ецраимъ исполнилъ свое обѣщаніе. Волшебныя очки принесены были Султану, когда онъ сидѣлъ на престолѣ. Ахметъ незамедлилъ посмотреть сквозь нихъ на толпу царедворцевъ, съ поникшимъ челомъ предъспоявшихъ — посмотрѣлъ и содрогнулся: „Прочь, съ глазъ моихъ долой, нечеспивцы!“ воскликнулъ онъ грозно: „ваши взоры меня ужасають.“

Изумленные царедворцы съ пренебреженіемъ приближаются къ Султану. Что

съ побою , Государь ? всѣ вопрошаютъ :
 откуда гнѣвъ сей ? Мы вѣрнѣйшіе рабы
 твои. . . — „Вѣрнѣйшіе !“ прерываетъ
 Ахмешъ : „великій Боже ! вы мнѣ вѣрны ?
 Я читаю въ сердцахъ вашихъ зависть ,
 алчность , ненависть , измѣну ! Прочь ,
 прочь отъ лица моего !“ — При сихъ
 словахъ Сулпанъ обнажилъ мечъ свой ,
 бросился на придворныхъ , и въ изсту-
 пленіи конечно всѣхъ изрубилъ бы , еслибъ
 они не разбѣжались .

Сулпанъ , оставшись одинъ , гово-
 рилъ самъ къ себѣ : „И ещо люди , ко-
 торые споль часто увѣряли меня въ
 любви своей и преданности ! Какъ могъ
 я самыхъ развращеннѣйшихъ между мо-
 ими подданными избрать въ придворные !
 какъ могъ окружить себя ими ! Я живу
 посреди жесточайшихъ враговъ своихъ ,
 и только спасаетъ меня взаимная ихъ
 ненависть , которая препятствуетъ
 имъ прошиву меня соединиться ! Кору-
 столюбцы ! они единственно думаютъ
 о способахъ опиятъ послѣднее у меня

и у моихъ подданныхъ , а я на нихъ могъ
 сполько полагаюсь! Благодареніе Богу!
 Съ нынѣшняго времени не позволю играть
 моею довѣренностію; чудесныя очки
 покажущъ, кто истинно любитъ меня,
 и кто ненавидитъ. Теперь не имѣю бо-
 лѣе надобности полагаться на слова,
 когда могу видѣть все, что происхо-
 дитъ въ сердцѣ. Нейсуръ, одинъ Ней-
 суръ искренно мнѣ преданъ. Чистота
 сердца его подобна безоблачному небу,
 и языкъ его никогда еще не говорилъ
 неправды. Надъ нимъ теперь же испы-
 таю силу очковъ моихъ! Непорочность
 души его мнѣ извѣстна; но я имѣю ну-
 жду упѣшить себя образомъ добродѣте-
 ли: дружба его вознаградитъ меня за
 огорченіе, которое споль жестоко пора-
 зило меня послѣ перваго опыта.

И Ахмешъ повелѣваетъ призвавъ
 къ себѣ Нейсура. Временщикъ являе-
 ся. „Сюда, любезной Нейсуръ!“ вос-
 кликнулъ Сулпанъ: „спѣши въ мои объ-

янія! Я узналъ своихъ царедворцевъ! Какія чудовища меня окружали! Опнынѣ будущъ мнѣ служишь одни только честные люди.“ — Удивляюсь проницательности разума твоего и глубинѣ премудрости! — опвѣчаешь любимецъ: наконецъ сорвалъ ты личину съ сихъ лжецовъ и обманщиковъ! Такъ, Государь! они были жесточайшіе враги твои. Я давно уже видѣлъ злодѣйство ихъ; но ты слушалъ ихъ ласкашельства, и безпредѣльное мое усердіе оспавалось безмолвнымъ. Благодушіе Ахмета не предполагаетъ ни въ комъ злобы, думалъ я; но рано, или поздно истина должна опкрышья. Государь! приверженность моя, любовь и преданность тебѣ вѣки неизмѣнны! — „Молчи обманщикъ!“ — прервалъ его Сулпанъ, смотрѣвшій въ очки на любимца: „молчи и необвиняй тѣхъ, которыхъ ты превосходишь въ лукавствѣ. Несчастный! въ сію минуту читаю въ сердцѣ твоемъ, и вижу одно коварное притворство. Ты нена-

видишь меня, злодѣй! Падая къ ногамъ
 моимъ, ты гошовъ лишить меня жизни.
 О я злополучный, всѣми ненавидимый!“
 Нейсуръ снова упалъ къ ногамъ Сулпа-
 на, увѣрялъ его священнѣйшими клят-
 вами въ приверженности, въ пламенномъ
 усердіи къ службѣ и ко благу своего Мо-
 нарха. „Нѣтъ!“ — воскликнулъ Сулпанъ:
 „ничто непоколеблетъ моей увѣренно-
 сти. Недостойный! обольстительныя,
 коварныя слова твои безсильны предъ
 дивными очками, передъ твореніемъ му-
 драго Ецраима. Я вижу твои свойства.“
 — Государь! — возразилъ Нейсуръ: къ
 волшебнику Ецраиму возымѣлъ ты довѣ-
 ренность? Повели рабу своему сказать по-
 слѣднее слово: остерегись, Государь! очки
 спараго обаятеля лживы; они показы-
 ваютъ измѣну тамъ, гдѣ обитаетъ не-
 поколебимая вѣрность. О, еслибъ съ
 сію минутою возмогъ я жизнь свою, до-
 слѣднюю каплю крови шебѣ, Государь,
 принести въ жертву. . . . „Довольно!“
 сказалъ Сулпанъ: „лицемѣрство твоѣ

обнаружилось. Я знаю, что ты ниже однимъ волосомъ головы своей для меня не пожертвуешь.“

Нейсуръ удалился, а несчастной Ахметъ направилъ стопы свои въ комнату Султанши. „Боже!“ говорилъ онъ: „по крайней мѣрѣ дай мнѣ найти хоть одно вѣрное сердце. Такъ! въ одномъ только сердцѣ Фатмы найду любовь безпришворную.“ Султанша покоилась на роскошномъ диванѣ. Увидѣвъ Ахмета, она вспала, подбѣжала къ нему съ улыбкою любви, со взоромъ радости, пламеннаго сладоспращія; но какъ изумилась она, когда Султанъ остановилъ ее суровымъ и презрительнымъ взглядомъ. Онъ читалъ въ душѣ Фатмы жестокія испины: отверженіе, ненависть, вѣроломство, и несчастной не могъ болѣе удержаться: опчаяніе совершенно овладѣло имъ; бѣшенствѣ своемъ ломалъ онъ и билъ въ дребезги все, что только въ руки ему попадалось, и крупныя слезы кашились по лицу его, пылавшему отъ гнѣва.

Ахметъ рѣшился опмспитъ за себя, опмспитъ явно и жестоко. Онъ бросается на диванъ, держа волшебныя очки въ рукахъ своихъ, смотришь на Фашму, лежащую у ногъ его, опускаешь глаза и горько рыдаешь. „Возможно ли,“ сказалъ онъ наконецъ „возможно ли подъ такими прелестями скрывать вѣроломное сердце? Фашма! и ты могла сполько въ любви лицемѣришь? Я обожалъ тебя, неблагодарную; я готовъ былъ весь міръ повергнуть къ ногамъ твоимъ! И ты могла меня сполько обманывать!“ — Въ какомъ несчастномъ расположеніи духа вижу тебя! сказала Фашма со смѣхомъ: и такъ, ты ревнивъ? Кто, скажи, кто поселилъ въ душѣ твоей такія подозрѣнія? Я было подумала, что великое несчастье постигло любезнаго моего Ахмета, ужаснулась, и готова была дѣлать печаль съ тобою; вмѣсто того вижу одну ревность. Это чрезвычайно смѣшно! — „Какъ! ты можешь еще ругаться надъ моею горестію,

несчастливая! ты смѣешься, думаешь отыграваться шутками, когда молнія мщенія сверкаетъ надъ твоей головою!“ — Молнія? О, я не боюсь ее; небо опять скоро прояснится. Скажи, Государь! чѣмъ я провинилась? — прибавила Фаима, обвиняемая Султана руками бѣлоснѣжными: — скажи, что я сдѣлала? чѣмъ заслужила гнѣвъ твой? — „И ты еще спрашиваешь?“ воскликнулъ Ахметъ: „Когда ты осыпаешь меня своими ласками, когда называешь меня сладчайшими именами; въ самое то время ненависть и вѣроломство шаятся въ душѣ твоей.“ — Ненависть? — подхватила Фаима: — шакъ, ненависть, ты совершенно правъ! Довольно примѣровъ ненависти я показала еще вчера, еще сего дня! Ахметъ! ты совершенно правъ; я тебя всею душою ненавижу? — И слова сіи были сопровождаемы такимъ естественнымъ, краснорѣчивымъ изъясненіемъ чувства, что доброй Ахметъ не могъ болѣе удержаться; онъ воскликнулъ: „Какъ! уже ли ты меня не-

обманываешь? О, еслибъ епо была правда! — И ты въ состояніи думаешь, что я тебя обманываю! ты въ состояніи етому повѣришь, мой Ахметъ? — И Фатма прижала его къ сильно біющемуся сердцу, и слеза изъ большаго небесно-голубаго глаза ея упала на лицо добраго Сулшана. „Великій Боже!“ воскликнулъ онъ, будучи внѣ себя: „что, если Нейсуръ говорилъ правду! что, если магикъ въ самомъ дѣлѣ обманулъ меня! что, если очки лживы!“ — Какія очки могутъ имѣть вліяніе на мою любовь къ тебѣ? спрашиваетъ Сулшанша. — Сулшанъ объявилъ прекрасной Фатмѣ о качествѣ своего талисмана, и какимъ образомъ приобрѣлъ его.

Фатма залилась слезами. — Жесточкой! — воскликнула она: теперь только постигаю все мое несчастіе! Ты болѣе вѣришь словамъ стараго обманщика, нежели слезамъ моимъ, нежели моей къ тебѣ нѣжности! Еш ли за любовь мою награда? Для чего пощадилъ ты меня во гнѣвѣ своемъ? для

чего не лишилъ меня жизни, которую
 подозрѣнія твои убиваютъ? — Такъ го-
 ворила Фатма въ жестокой горести,
 поверженная у ногъ Султана. Бѣдной Ах-
 метъ бросается къ ней, спарается сле-
 зами своими привести ее въ память. На-
 конецъ Фатма опомнилась, и доброй
 Султанъ утѣшаетъ ее, клянется въ
 вѣчной любви, уже не знаетъ, дол-
 жно ли вѣрить болѣе очкамъ своимъ.

Фатма умѣла пользоваться мину-
 тою. Она увѣрила Султана, что очки
 сдѣланы Едраимомъ по умыслу Визиря,
 и предложила способъ совершенно въ
 томъ удостовѣриться. — Ты знаешь, —
 говорила Фатма — сколько гордой Ру-
 станъ тебя ненавидитъ, какъ онъ за-
 видуешь благополучію твоему: испытай
 его, какъ испытывалъ меня и Нейсура; я
 увѣрена, что въ душѣ его найдешь ты
 совсѣмъ прошивное, и найдешь только
 то, чего онъ желаетъ. — Султанъ съ
 радостію принялъ коварное предложеніе,
 обнялъ прекрасную Фатму и не-

медленно пошелъ въ ту сторону своего сада, гдѣ надѣялся встрѣпиться съ Руспаномъ. Визирь, по обыкновенію, началъ говорить съ важнымъ видомъ о дѣлахъ государственныхъ и о личныхъ выгодахъ Сулпана. Ахмешъ, надѣвъ очки, съ наружнымъ спокойствіемъ слушалъ его, чипая между тѣмъ въ спргомъ его сердцѣ. Но кто опишетъ удивленіе Ахмеша, когда увидѣлъ онъ въ Руспанѣ одно рвеніе къ пользамъ Государя и опечества, испинную приверженность, непоколебимую вѣрность. „Такъ!“ воскликнулъ онъ: „несомнѣваюсь болѣе въ справедливости Фашмы и въ лживости очковъ моихъ. Они показывающъ мнѣ обманы, вѣроломство въ тѣхъ, копорыхъ люблю болѣе всего на свѣтѣ, и напрошивъ показывающъ любовь и приверженность въ томъ, кто мнѣ досаждаешъ. Несчастный магикъ! дорого мнѣ за обманъ свой заплаатишь!“ — Такъ говорилъ Ахмешъ, ломая очки свои. Онъ выгналъ опъ себя Визиря, и топчасъ

приказалъ схватить Ецраима , котораго однакожь не могли уже найти въ Стамбулѣ. Мудрый спарецъ, еще приготавливая очки, предвидѣлъ, какія послѣдствія произведутъ они въ сералѣ, и призналъ за полезное удалиться изъ города. Нейсура призывали являсь ко двору, и Султанъ осыпалъ его драгоценными дарами, новыми знаками дружбы, а Визирь признанъ участникомъ въ колдовствѣ Ецраима. Руспана бросили въ темницу, и осудили на вѣчное започеніе; имѣніе же его взято въ казну Султанскую. Но въ скоромъ времени и Руспанъ исчезъ, подобно Ецраиму, и преслѣдовавшіе его возвратились безъ успѣха.

Между тѣмъ распространились въ государствѣ глухіе, смутные слухи. Нѣкоторые за тайну рассказывали, что Ахмень потерялъ умъ и долженъ скоро лишиться престола; другіе говорили явно, что Ахмень недостойнъ болѣе управлять государствомъ, и что надобно избрать наслѣдника престола. На-

родъ былъ въ движеніи; безпокойство
 увеличивалось; возникшіе мяшежи со дня
 на день распространялись и наконецъ
 достигли самой столицы. Нѣкоторые
 изъ янычаръ подняли оружіе и обложили
 сераль. Со всѣхъ сторонъ раздавались
 клики: „Низвергнемъ Ахмеша! Ней-
 суръ! Нейсуръ да будетъ повелителемъ
 нашимъ!“ — И вошъ самъ Нейсуръ, ду-
 ша войска, предводительствуетъ яны-
 чарами, которыхъ онъ успѣлъ склонить
 на свою сторону. Ахмешъ хочетъ во-
 оружить служителей сераля; но одна
 часть евнуховъ сильно прошившись под-
 нявъ оружіе прошивъ Нейсура, любовни-
 ка Фашмы, а другая, подкупленная Фаш-
 мою, ищетъ случая доставить ей го-
 лову Сулпана. Ахмешъ съ горстію сво-
 ихъ вѣрныхъ мужественно защищался
 прошивъ многочисленныхъ мяшежниковъ;
 но сила одолѣвала, и уже близокъ былъ
 часъ рѣшительный. Возмущеніе свирѣп-
 ствовало внутри и внѣ сераля, какъ
 вдругъ появилось другое опдѣленіе яны-

чаръ. Оспавшіеся вѣрными Султану отчаянно ударили на измѣнниковъ, искавшихъ головы Ахметовой. Сраженіе было жестокое; стѣны сераля обагрялись кровію обѣихъ сторонъ, оспоривавшихъ попеременно входъ въ самую внутренность. Наконецъ добродѣтель воспоржеслововала: вѣроломный Нейсуръ палъ, обагранный своею кровію, а бунтовщики обращены въ бѣгство. Руспанъ, великодушной, храброй Руспанъ, давно уже предвидѣвшій возмущительный умыселъ Нейсура, вступаетъ побѣдоносно въ сераль съ войскомъ, которое собралъ для защиты законнаго Государя. Мятежники, увидѣвъ Руспана посреди войска, бросили оружіе и разбѣжались во всѣ стороны: такимъ образомъ Султанъ спасенъ былъ отъ враговъ своихъ. Скоро послѣ того спокойствіе и тишина повсюду водворились, а Фатма, вѣроломная Фатма, заплашила головою своею за гнусную измѣну.

Кто можетъ описать удивленіе и благодарность Султана, увидѣвшаго, что Визирь, котораго онъ изгналъ и осудилъ на вѣчное заоченіе, былъ единственнымъ его спасителемъ? Одному Руспану Ахметъ одолженъ былъ и жизни своею и престоломъ. — „Мудрый Руспанъ!“ сказалъ Ахметъ, сильно распроганный: „объяви, чѣмъ достойно воздать могу за столь великую твою услугу? О, какъ былъ я несчастливъ! я отвергалъ мудрые твои совѣты, я ненавидѣлъ тебя, единственного, вѣрнѣйшаго моего доброхота! Руспанъ! Руспанъ! оставайся другомъ моимъ и говори мнѣ всегда правду!“

Нѣсколько дней послѣ сего происшествія доброй Ахметъ гулялъ вмѣстѣ съ великодушнымъ Визиремъ своимъ, котораго отъ себя уже не опускалъ болѣе. „Что сдѣлалось съ мудрымъ Ецраимомъ?“ спросилъ его Султанъ. — Онъ умеръ, Государь! — „Умеръ? Душевно жалѣю объ немъ! Его мудрость

доставила мнѣ драгоцѣннѣйшее сокровище; но я неумѣлъ употребить его въ пользу: я уничтожилъ его собственными руками. Невозвратная потеря!“ — Государь! — возразилъ Руспанъ: не печалься. Опытъ показалъ тебѣ, что ты уничтожилъ вещь бесполезную. Самая лучшая очки бесполезны тому, кто глядитъ въ нихъ сквозь слезы; но кто смотритъ глазами разсудка, тотъ неимѣетъ надобности ни въ какихъ очкахъ на свѣтѣ.

М.

ГРИГОРІЙ, КНЯЖІЙ ОТРОКЪ.

Историческій анекдотъ.

Отрочъ монастырь, имѣющій весьма приятное мѣстоположеніе при устьѣ Тверцы, замѣчательнъ по исторіи несчастнаго Григорія, которой былъ виновникомъ основанія сей обители.

Григорій, прекрасный Княжій Отрокъ, жилъ при Дворѣ Ярослава, перва

го Князя Тверскаго, и пользовался милостями своего Государя. Порода, богатство и личные качества доставили ему уваженіе Боярь первоспешенныхъ; отъ него зависѣло избрать въ супругу себѣ прекраснѣйшую изъ дочерей знаменитыхъ вельможъ Княжества. Но сердце Григорія было свободно, пока судьба не указала ему на милую Ксенію, дочь бѣднаго церковнослужителя въ селѣ Единоновѣ, которымъ владѣлъ Опрокъ по милости Князя. Григорій и Ксенія увидѣлись, и полюбили другъ друга. Онъ предложилъ ей свою руку, и Ярославъ, не желая ни въ чемъ оппакывать Григорію, согласился на его женишбу. Все было гошево. Бѣдная хижина превратилась въ брачные чертоги. Звонъ колокола зовешъ молодую чешу въ церковь; еще минута — и Ксенія произнесла бы клятву любипъ вѣчно своего друга. Внезапно раздается толпа народа: Князь Ярославъ является во храмъ. Соколь, съ которымъ онъ ѣздилъ на охо-

шѣ , заманилъ его въ село Едимоново и сѣлъ на крестѣ церковномъ. Ярославъ, видя поселянъ, въ праздничномъ плащѣ идущихъ въ церковь, ошгадалъ причину шоржества, и захопѣлъ удостоиши своимъ присутствіемъ обрядъ бракосочетанія.

Ксенія краснѣетъ и пошупляетъ взоры; рука ея выпадаетъ изъ руки смущеннаго Григорія. Князь изумляется; влекомый силою красоты, подходитъ ко Ксеніи, беретъ дрожащую руку ея и спрашиваетъ: Не желаетъ ли она съ нимъ обвѣнчаться, не хочетъ ли быть Княгинею? Ослѣпленная блескомъ величія, Ксенія отдаетъ руку Ярославу; Священникъ совершаетъ обрядъ, и Князь съ прекрасною Княгиней отправляется въ столицу свою при восклицаніяхъ народа.

Чесчастный, оставленный Григорій, внезапно низверженный съ вершины благополучія, скрылся въ толпѣ; вмѣсто брачной одежды облекся въ рубище бѣдъ.

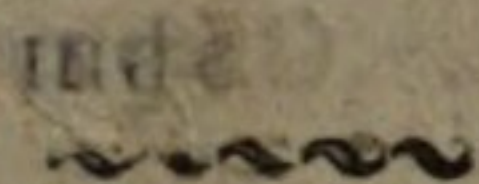
носпи, удалился въ дремучій лѣсъ, и тамъ во цвѣтъ юношескаго возраста рѣшился ожидать смерти.

Ярославъ вспомнилъ объ огорченномъ своемъ любимцѣ. Обѣщано было великое награжденіе тому, кто приведетъ Григорія на дворъ Княжескій. Долго искали Григорія; наконецъ нашли его, изнемогающаго отъ горести и опчаянія. — Какое свиданіе! Ярославъ предложилъ Опроку блестящую награду за перенесенное несчастіе; но какая награда можетъ замѣнить потерю сердечную? Григорій опрелекся отъ всѣхъ почестей, просилъ одной только милости — просилъ дозволенія построишь келью при устьи Тверцы, и жить въ собесѣдованіи съ однимъ черноризцемъ. Его желаніе исполнилось. Скоро потомъ нѣжная душа его оплелась въ міръ лучшій, гдѣ нѣтъ ни насильства, ни любви вѣроломной.

Ярославъ создалъ Опрочь монастырь надъ могилою несчастнаго юноши. Путешественникъ, описавшій сіе происшествіе,

віе, прибавляешъ, что онъ не видалъ ни камня, ни надписи, копорыя показали бы могилу Григорія, Княжаго Ошрока.

СВАДЕБНЫЙ ДОГОВОРЪ.

А н е к д о т ъ.

Одна молодая чепа пришла къ извѣстному законовѣдцу, копорой славилась рѣдкою честностію и отличными знаніями. Юношѣ по видимому было двадцать лѣтъ, а дѣвушкѣ осьмнадцать. Хозяинъ проситъ обоихъ садиться, и заводитъ разговоръ съ молодымъ человекомъ. „Мы съ батюшкой вашимъ старинные приятели;“ говоритъ онъ: „за тридцать передъ симъ лѣтъ я писалъ ему свадебный договоръ. Каково онъ поживаетъ?“ — Слава Богу, хорошо; только теперь припадокъ подагры задержалъ его въ Дижонѣ. Несдѣлаете ли мнѣ милости заспуцишь его мѣсто, то есть

неопказашъ сыну его въ опеческомъ совѣтѣ? Прошу васъ о такомъ же почтено одолженіи, какое за тридцать лѣтъ сдѣлали вы моему родителю. Вашъ мой невѣста. — Дѣвушка пошупила глаза, и щеки ея покрылись нѣжнымъ румянцемъ. „Ладно, дѣши, ладно!“ сказалъ честный законовѣдецъ: „я къ вашимъ услугамъ! приступимъ же къ дѣлу. Напередъ вамъ распорядишь надобно свои выгоды, а шамъ уже поговоримъ о выгодахъ вашего семейства.“ — О какихъ выгодахъ? — воскликнулъ молодой человѣкъ съ изумленіемъ: дѣло состоишь единственно въ томъ, чшобы намъ сочешашся; вѣдь мы хотимъ заключишь не торговою сдѣлку, а союзъ брачный. — „Если вы не желаете сдѣлать положенія о своихъ выгодахъ; такъ я незнаю, на что вамъ совѣщъ законовѣдца и къ чему свадебный договоръ!“ — Мы безъ него могли бы обойтись. Позвольте мнѣ, милоспивый государь, бышь съ вами опкровеннымъ. Я пришелъ къ вамъ по-

волѣ бапюшки; ему угодно, чѣобы договоръ былъ написанъ, и чѣобы вы сочинили пункты. Мнѣ не казалось еѣо необходимо нужнымъ; ибо никто лучше насъ незнаетъ, на какихъ условіяхъ мы вступаемъ въ союзъ брачный: Но мы ихъ написали, теперь принесли договоръ къ вамъ, и просимъ вашего совѣта. — „Какъ! вы сами написали условія?“ — Точно сударь. — „Да развѣ вы искусны въ правахъ, развѣ занимались дѣлами?“ — Я? Избави Боже! — „Ну, такъ какимъ же образомъ еѣо могло случиться?“ — А почему же нѣтъ? Нѣкоторыя спашь сочинила даже моя невѣста; ибо справедливость пребуетъ, чѣобъ и ея голосъ былъ въ договоръ. Въ немъ упоминается очень мало о выгодахъ, копорыя всѣ клоняшся къ тому единствено, чѣобы заключить союзъ вѣчный между двумя добрыми сердцами, чѣобы любящуюся чешу соединить бракомъ. Добрая мать Софія уже читала и одобрила договоръ нашъ, а ваша слава служишь

мнѣ порукой, что и вы, милоспивый государь, также его одобрите; я даже надѣюсь, что вы склоните моего батюшку непринуждать меня къ подписыванію другаго договора. — И молодой человекъ подалъ адвокату слѣдующія спаньи для прочтенія:

1) Какъ мы давно уже любимъ другъ друга сердечною любовію, и удостовѣрились, что одинъ изъ насъ безъ другаго счастливъ быть не можешь; по и желаемъ соединиться, чтобы до конца жизни быть добрыми супругами и добрыми гражданами. Она будетъ я, а я она. Онъ будетъ я, а я онъ. — 2) Обѣщаюся Софіи всѣ мысли мои, силы и желанія употреблять на приобрѣщеніе честнаго и приличнаго содержанія какъ для нея самой, такъ и для дѣтей, копорыхъ она родитъ мнѣ. — 3) Обѣщаюсь Августу и съ моей стороны употреблять всѣ старанія, чтобы предохранить хозяйство наше отъ недосланика и замѣшательства; для того поря-

докъ будешь моею привычкою, а заботливостъ должностію. — 4) Охотно признаюсь, что я иногда бываю сердитъ и вспыльчивъ. Въ такомъ случаѣ прошу извиненія за первыя минуны! (Рукою невесты) Онъ могутъ быть иногда горьки! однакожь. . . я соглашаюсь! — 5) И вразсужденіи меня также попребно снисхожденіе. Я немного своенравна и склонна къ ревности. (Рукою жениха) Такъ тому и быть, лишь бы только не часто случались припадки. Чпожь касается до ревности, то я имѣю причину еще радоваться: ревнивая жена по крайней мѣрѣ незаставитъ мужа быть ревнивымъ. — 6) Мы увѣрены, что между четою, любящею другъ друга, побранки и холодность обыкновенно бывають отъ причинъ ничтожныхъ; для того обязываемся въ случаяхъ маловажныхъ уступать одинъ другому. (Рукою невесты) А въ важныхъ, по всей справедливости, рѣшеніе отъ него зависить; ибо онъ разсудительнѣе меня

и свѣдущѣе. — 7) Въ силу предъидущей
сшапъ. каждой изъ насъ вразсужденіи
одежды всегда слѣдовать долженъ вку-
су другаго. — „И прекрасно!“ сказалъ
адвокатъ: „епа сшапья сдѣлаешъ, что
мужъ не будетъ забывашъ объ опрят-
ности, а жена излишними нарядами не
захочешъ нравиться болѣе другимъ, не-
жели своему мужу.“ Слова я хочу, я
требую, я утверждаю и имъ подобныя
исключаются изъ словаря нашего. — 9)
Особенно при постороннихъ людяхъ Со-
фія опнюдь не должна оказывать мужу
своему какого-либо неуваженія. Ника-
кимъ другимъ образомъ женщина такъ
ясно неодобряешъ преступныхъ намѣреній
посторонняго мущины, какъ показывая
неуваженіе къ своему супругу. . . — „Опъ
сей сшапьи мапушка могла бы насъ из-
бавить!“ сказала невѣста. А женихъ
прибавилъ: и слѣдующую она же напи-
сала. — 10) Августъ долженъ почишашъ
жену свою, для того чтобъ другіе такъ-
же ее почишали; онъ долженъ показывать

уваженіе къ ней и довѣренность; особливо же другимъ женщинамъ, въ ея присутствіи, гдѣ бы то ни было, не давая преимуществъ. — 11) Мы никогда не забудемъ, что нечистота, неопрятность возбуждаютъ непріятное чувство и отвращеніе. Чистота для нѣла тоже, что для души любезность, а именно средство нравиться. — 12) Почти всѣ нынѣшнія женщины кормятъ дѣтей своихъ сами и смотрятъ за ними. Надѣюсь, Августъ дозволитъ и мнѣ исполнять свою должность. (Рукою жениха) Я хотѣлъ было просить объ епомъ. — 13) Софія прилѣжно будетъ остерегаться, чтобы не испортила разума дѣтей нашихъ. Она не допуститъ, чтобы имъ были внушаемы ложныя понятія, которыя не рѣдко на цѣлую жизнь осѣдаютъ въ чловѣкѣ. (Софія) Упопреблю все мое стараніе. — 14) Чтобы я въ состояніи была воспитывать дѣтей по хорошимъ правиламъ, Августъ долженъ мнѣ показать ихъ.

Бесѣда его многomu уже меня научила ; надѣюсь, что онъ и впредь будетъ продолжать ее; дабы образоватъ мой разумъ. Трудъ его послужилъ на пользу тому, что будетъ въ жизни ему всего драгоценнѣе. (Рукою жениха) Природа научила Софію вездѣ узнавать истину. — Взаимная нѣжность наша ручается, что правилъ сихъ никогда ненарушимъ ; мы однакожь согласились, чтобы каждая сторона имѣла при себѣ списокъ договора за общимъ подписаніемъ. Если бы случилось одному изъ насъ забыть силу какой-либо статьи; то другой имѣетъ право напомнить о ней документомъ.

„Вотъ ужъ я почти дочиталъ договоръ вашъ,“ опять перерываетъ законовѣдецъ : „а все еще ни слова нѣтъ о распоряженіи касательно имущества. А безъ ешаго. . .“ — Извольте далѣе ! Я не забылъ и объ ешомъ дѣлѣ, которое вамъ кажется сколько важнымъ. Въ слѣдующей статьѣ сказано о томъ весьма ясно. Читайте ! — 16) Одна споро-

на не можешъ имѣшь ничего такого, что и другой бы не принадлежало; слѣдственно нѣтъ нужды исчислять, сколько кто приносишь имущества. Все будетъ общее.

Отъ всего сердца подписалъ: *Августинъ Берсель.*

На всю жизнь: *Софія, будущая Берсель.*

„Но послушайте!“ сказалъ законовѣдецъ сильно распроганный, стараясь скрыть движеніе сердца: „вы не все обдумали. Если законъ, или смерть разлучишь васъ, что тогда? . . .“ — Точно, мы объ ешомъ не подумали! — „А я всегда предполагаю такія возможности. Еслибъ вы имѣли мою опытность въ сочиненіи свадебныхъ договоровъ; то знали бы, какъ часто упоминается тамъ о пережившихъ.“ — Боже, переживи! Мы не переживемъ другъ друга! — Нѣтъ! я нѣтъ! воскликнула невѣста, заплакала и закрыла плашкомъ глаза свои. — Непонимаю, сказалъ Августъ, какъ

люди въ радостныя минушы соединенія
могутъ вспомнить о подобныхъ случаяхъ!
Какимъ образомъ докуменшъ, ушвержда-
ющій ихъ благополучіе, можетъ бытъ
очерненъ столь печальнымъ предположе-
ніемъ, или запятнанъ видами, столь
противными нравственности. Кому ешо
послужитъ въ пользу? Развѣ нѣтъ за-
коновъ, въ которыхъ естественнo дол-
жны мы предполагать болѣе мудрости,
нежели въ самихъ себѣ? Законы суть
Провидѣніе для гражданскаго порядка;
пускай они и распоряжающъ. — „Ты
прямо честной человѣкъ!“ воскликнулъ
адвокатъ и обнялъ его: „я съ побою
однѣхъ мыслей. Дѣши! дозвольте мнѣ
бытъ свидѣтелемъ вашего брака, кошо-
рой безъ сомнѣнія будетъ счастливымъ!
Даю тебѣ слово, любезный Августъ,
что бапюшка согласится на договоръ
вашъ, а я поручу нотаріусу написать
его по узаконенной формѣ. Пускай же
будетъ онъ образцомъ и памятникомъ,
и пусть нотаріусъ хвалится тѣмъ, что

по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ жизни совершилъ договоръ, истинно свадебный.

Андріе.

ПУТЬ ПОРОКА.

Историческій анекдотъ.

При Лудовикѣ XIV жилъ въ Парижѣ книгопродавецъ, именемъ Карлье. У него была прекрасная дочь, послѣ смерти отца на пятнадцатомъ году оставшаяся сиротою съ имѣніемъ въ 500,000 франковъ. Не нужно сказывать, что толпа обожателей окружила богатую красавицу. Въ числѣ ихъ находился Парламентской Совѣтникъ Тике, который успѣлъ одну старую тетку ея склонить на свою сторону посредствомъ щедрыхъ подарковъ. На свѣтъ легче всего уговорить пятнадцатилѣтнюю дѣвушку выйти за мужъ. Легкомысліе, любопытство, неопытность, желаніе поравняться со взрослыми, мысли о свадебномъ пиршествѣ, о томъ что всѣ

подруги спанушъ удивляшся, завидо-
вать, и подобныя симъ ребяческія при-
чины, вмѣстѣ съ убѣдительными совѣ-
тами тешушки, сильно подѣйствовали
на волю красавицы. Чѣмъ скорѣе окон-
чить дѣло, господинъ Парламентской
Совѣтникъ прислалъ дѣвицѣ Карлье, въ
день именинъ ея, букетъ душистыхъ
цвѣтовъ, среди которыхъ сіяла алмаз-
ная роза. На другой день невѣста дала
слово, и свадьба оппразднована съ вели-
кою пышностію. Казалось, что въ пер-
вые годы супружества мужъ и жена бы-
ли весьма довольны своимъ выборомъ.
Небо даровало имъ два залога любви, и
прелестная Тике съ материнскою нѣж-
ностію прижимала ихъ къ груди своей.

Госпожа Парламентская Совѣтни-
ца безпечно распочала деньги, ду-
мая, что и мужъ ея также не безъ до-
ешатка. Наконецъ узнала, что ее об-
манули, и что прекрасной букетъ, кото-
рой выицалъ у нее согласіе на бракъ,

купленъ былъ на счетъ ея приданого. Такое опкрытіе легко можешь охладить жаръ и любящаго сердца, а въ безпристрастномъ возбудить даже отвращеніе. Согласіе въ супружеской жизни есть нѣжной цвѣпокъ, мгновенно увядающій при недоспашкѣ лучей любви взаимной, при оскудѣніи пипашельнаго сока взаимнаго почшенія. Г-жа Тике скоро возненавидѣла своего мужа, свела знакомство съ однимъ гвардейскимъ Капитаномъ, по имени Монъ-Жоржемъ, и потребовала развода. Совѣшникъ жаловался на безпорядочное поведеніе жены, просилъ дозволенія взять ее подъ стражу, и успѣлъ выхлопотать Королевское о томъ повелѣніе (*lettres de cachet*). Прелестная супруга, узнавши заблаговременно объ умыслѣ мужа, рѣшилась у красоты своей искасть помощи. Она припворилась, будпо мучишся раскаяніемъ; ласкала, нѣжила, просила Совѣшника до тѣхъ поръ, пока не dospала въ свои руки повелѣнія Королевскаго, которое

тотчасъ бросила въ огонь; потомъ пошупила надъ легковѣріемъ своего мужа, и спала жишь по прежнему. Совѣшникъ опять началъ-было хлопотать о Королевскомъ указѣ, но ему дано знашь, что онъ дурачился. Такимъ образомъ и взятіе подъ присмотръ и разводъ ошались безъ исполненія. Супруги, раздѣливъ имѣніе и сердца свои, копорыя давно уже были не вмѣстѣ, жили въ одномъ домѣ, но уже на разныхъ половинахъ. Три года провели они, взаимно не любя другъ друга, однакожь и не подавая причины къ свѣтскимъ пересудамъ.

Въ одинъ день Совѣшница Тике приѣхала къ Графинѣ д'Оне въ крайнемъ безпокойствѣ. На вопросъ, что ее потрявожило, она опвѣчала: „Я цѣлой часъ просидѣла у чорта.“ — Такъ вы были не въ приятномъ обществѣ! — сказала Графиня. Тике изъяснила загадку шѣмъ, что приѣхала опъ ворожеи, копорая гадаешъ на кофе. —

Чтожь она вамъ предсказала? „Очень
 „много хорошаго: что я чрезъ два мѣ-
 „сяца возпоржесствую надъ всѣми свои-
 „ми неприятелями, и сдѣлаюсь совер-
 „шенно счастливою! Жаль только, что
 „еще не можешь спать, пока живъ
 „Тике; а онъ еще такъ здоровъ... Мнѣ
 „не дождашься исполненія сего пророче-
 „ства!“

Въ этотъ день она чрезвычайно до-
 саждала на поступокъ своего мужа,
 копорой сослалъ подозрительнаго при-
 воронника, и самъ рѣшился, никому не-
 довѣряя, запираеть ворота и прятать
 ключи у себя подъ подушкою. Вечера
 обыкновенно проводилъ онъ у своей при-
 ятелиницы г-жи Вильмаръ. Совѣшница
 жаловалась на судьбу свою Графинѣ Се-
 нонвилъ, приѣхавшей навѣстить ее.
 „Надобно проучить его!“ — сказала
 Графиня: „я посижу у васъ, пока онъ
 приѣдетъ; буду ждать, пока уляжет-
 ся; потомъ засыплю спать и опле-
 рею ворота.“

Совѣшница смѣялась, а Графиня въ самомъ дѣлѣ вздумала дожидаться; но Тике въ обыкновенное время не приѣхалъ. Вдругъ слышатъ выстрѣлъ изъ исполета подъ окнами и крикъ: убійство! помогите! Тотчасъ посылаютъ людей освѣдомиться, и узнаютъ, что какою-то бездѣльники, напавъ на Тике, тяжело ранили его, и что онъ опнесенъ въ домъ г-жи Вильмаръ. Совѣшница почла за долгъ благоприспоспости немедленно отправиться къ больному; ее не приняли. Мужъ ея потерялъ много крови; однакожь ни одна изъ пяти ранъ его не была смертельна. Полицейской офицеръ спросилъ Совѣшника, не имѣетъ ли онъ враговъ. „Имѣю одного;“ — отвѣчалъ Тике: „ешоу врагъ — жена моя.“

Совѣшница на другой день, не показывая ни малѣйшаго смущенія, посѣтила Графиню д'Оне, вѣроятно, чтобъ узнать, какая молва носится въ городѣ о семъ приключеніи. Графиня спросила,

узналъ ли Совѣтникъ злодѣевъ? „Нѣтъ!“ отвѣчала Тике: „а еслибъ и узналъ, онъ вѣрно не скажетъ, для того чѣмъ на меня пало подозрѣніе. Я готова божиться, что всѣ меня одну спанушъ обвиняшъ въ епомъ покушеніи!“ — Я думаю, — сказала Графиня — надобно бы взяшъся за приворошника; онъ кажется мнѣ очень подозрительнымъ человекомъ.

Совѣтница, возвра. ившись домой, нашла записку, въ которой совѣщали ей спастъся, пошому чѣмъ въ прошивномъ случаѣ непременно будетъ взята подъ спражу. Скоро послѣ того пришелъ къ ней какой-то монахъ, который убѣждалъ ее не терять ни минуты, увѣряя, чѣмъ время очень дорого; онъ даже принесъ монашеское плашье, пригошовилъ на дворѣ носилки, а на улицѣ почшовую коляску, въ которой надлежало ей поспѣшно отправишъся въ Кале, а опшуда въ Англію. Исторія не упоминаетъ, кто именно бралъ въ ней

ешоль великое участіе. Молодая, прекрасная женщина вездѣ имѣешь друзей!

Г-жа Тике не хотѣла ничего слушать, почипая совѣты и всѣ предостереженія хитрою выдумкой мужа, которой надѣялся, какъ она думала, присвоить себѣ ея имѣніе. Лишь только монахъ удалился; вошла Графиня Сенонвиль. — „Очень радуюсь, что вы здѣсь!“ сказала Тике: „я съ часу на часъ ожидаю служителей правосудія. Пожалуйте, останьтесь со мною: я очень желаю, чтобы люди сіи нашли меня здѣсь не одну.“ Въ самое дѣлѣ скоро пришелъ уголовной судья съ присавами. „Къ чему такое множество?“ — насмѣшливо сказала г-жа Тике: „я ждала васъ, и охотно поѣду съ вами, куда угодно.“ Послѣ того она просила у судьи дозволенія запечатать комнаты, чтобы домашніе уборы остались въ цѣлости; обняла своего сына, котораго нѣжно любила; дала ему денегъ на игру-

шки, и когда началъ онъ плакать, увѣ-
ряла, что скоро возвратится. Оспра-
вившись въ каретѣ съ уголовнымъ судъ-
ею, на улицѣ кланялась знакомымъ жен-
щинамъ, и казалась такъ спокойною,
какъ будто ѣхала въ гости. Только въ
то время лице ея перемѣнилось, когда
карета повернула къ тюремѣ.

Дѣло ея приняло видъ самой несча-
стной, когда нѣкто, по имени Огюстъ,
явившись въ судъ, признался доброволь-
но, что передъ тѣмъ за три года Со-
вѣшница Тике, посредствомъ своего при-
воротника, склоняла его къ убійству. На-
шли приворотника, и онъ на очной став-
кѣ съ Огюстомъ во всемъ повинился. Тике
осуждена къ смертной казни, хотя того
и не открыто, была ли она участницею
въ послѣднемъ злодѣйскомъ покушеніи.
Во Франціи существовалъ законъ, по ко-
торому жена, умышляющая на жизнь
мужа своего, подвергалась смертной ка-
зни. Парламентъ подтвердилъ приговоръ
судилища. Совѣшникъ, выслушавшись

онъ ранъ, поѣхалъ съ дѣшми^{ми} своими въ Версаль, упалъ къ ногамъ Короля, и просилъ помилованія несчастной женѣ своей. Тщешно! Многія знатнѣйшія особы ходатайствовали за нее; но Король остался непреклоннымъ.

Парижскій Архіепископъ объявилъ, что если Его Величество даруетъ жизнь преступницѣ, то ни одинъ мужъ не будетъ увѣренъ въ своей безопасности; онъ прибавилъ, что имѣетъ важныя причины всего опасаться: ибо въ донесеніяхъ духовниковъ каждой разъ находилъ умыслы женъ на жизнь супруговъ.

И такъ приговоръ остался въ своей силѣ. Въ самой день казни несчастную ввели въ чуланъ, гдѣ пытаютъ преступниковъ. Уголовной судья, велѣвъ ей ступить на колѣна, прочиталъ рѣшительный приговоръ. Тике выслушала съ твердостью. Потомъ судья произнесъ убѣдительную рѣчь, въ которой, сравнивъ нынѣшнее состояніе преступницы съ прежнимъ блескомъ, совѣтовалъ

ей воспользоваться оспаяющимися минута-
ми жизни, чистосердечно во всемъ
признаться, и шѣмъ отвратишь мучи-
тельную пытку.

„Чувствую и безъ вашего напоми-
нанія,“ отвѣчала Тике „какая розни-
ца между прежнимъ состояніемъ моимъ
и нынѣшнимъ. Теперь я спою передъ
вами на колѣняхъ; прежде епо дѣлалось
напрошивъ — вы знаете сами. Послед-
ній день будетъ концемъ моихъ спрада-
ній. Съ твердостію выслушала я смерш-
ной приговоръ, съ тою же твердостію
явлюсь на мѣстѣ казни; но не ожидай-
те, чшобъ я, спрашась мукъ, оклеве-
шала себя въ пресупленіи, котораго
не сдѣлала.“

Судья началъ опять увѣщавать; не-
счастливая подтверждала прежнее показа-
ніе, но въ пылкѣ потчасъ во всемъ
призналась. Только на вопросъ объ уча-
стіи Капитана Монъ-Жоржа въ ея умы-
селъ отвѣчала, что ему не открывала

своего намѣренія, боясь пошерять его уваженіе.

Лишь только разнесся въ Парижѣ слухъ о приговорѣ, всѣ опкупили окна домовъ около Гревской площади; даже нарочно сдѣланы были мѣста для зрителей. Народъ тысячами спекался къ печальному позорищу. Въ 5 часовъ привезли Тике, одѣвную въ бѣлое платье; за нею сидѣлъ приворопникъ, осужденный на висѣлицу, подлѣ нее духовникъ. Сильной дождь препятствовалъ начинать исполненіе. Орудія казни и запряженная собственными ея лошадями пелега, на которой послѣ надлежало отвезти трупъ ея, были у нее передъ глазами: при всемъ томъ она не потеряла бодрости, и смотрѣла вокругъ себя на стекшихся зрителей. Восходя на эшафотъ, подала палачу руку, и въ знакъ учтивости, по тогдашнему обыкновенію, поцѣловала концы своихъ пальцевъ; потомъ весьма оспорожно обняла плаху, и положила на нее прекрасную

свою голову. Палачъ былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ, и не прежде, какъ за нѣпнымъ взмахомъ исполнилъ свою должность.

Такимъ образомъ прекраснѣйшая женщина въ Парижѣ окончила весну жизни своей, зараженной ядомъ преступленія.

Съ Нѣмец.

ИЕЗУИТЫ И ВЕНЕЦІАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Историческій анекдотъ.

Иезуиты, скоро по установленіи ордена ихъ, поселились и въ Венеціи, гдѣ бывъ приняты благосклонно, за великія милости, оказанныя имъ республикою, заплашили самою гнусной неблагодарностію. Поводомъ къ тому служило слѣдующее происшествіе. Сенатъ осудилъ одного Августинскаго монаха на смерть, а двухъ другихъ монаховъ же

на темничное заключеніе. Преступники были достойны своей участи; но Папа, обыкши наказывать духовныхъ легкимъ церковнымъ покаяніемъ, разсердился за нарушеніе мнимыхъ правъ своихъ. Между тѣмъ Сенапъ, узнавъ достоверно, что монахи, а особливо Іезуиты, по препорученіямъ внѣшнихъ враговъ республики, осматриваютъ крѣпости и замѣчаютъ мѣстоположенія, въ 1603 году строго запретилъ, безъ особеннаго дозволенія отъ правительскаго, строить монашескія обители, храмы, богадѣльни и заводить новыя общества въ земляхъ республики. Спустя потомъ два года издано другое постановленіе, по которому никто не могъ ни продавать, ни отпказывать недвижимаго своего имѣнія какому бы то ни было духовному обществу. Въ обоихъ опредѣленіяхъ ничего не упомянуто объ Іезуитахъ; но само собою казалось яснымъ, что дѣло особенно до нихъ касается: ибо во первыхъ надало на нихъ подозрѣніе въ тай-

ныхъ сношеніяхъ съ власнолюбивымъ
 правишельствомъ Испаніи; во вѣпорыхъ,
 Іезуишы, живучи въ пышныхъ черпо-
 гахъ и получая доходы почти государ-
 ственные, не переспавали собирать бо-
 гапсшва еще и разными хипросшями.
 Они примѣшили, чего хочешъ республи-
 ка, и начали употреблять свои спосо-
 бы. Имъ весьма не трудно было, по-
 средспвомъ Кардинала Беллармина, скло-
 нилъ на свою спорону Павла V, кото-
 рой потчасъ потребовалъ опъ респуб-
 лики, чшобы преспупниковъ освободила
 изъ шемницы, и уничтожила свои опре-
 дѣленія. Чѣмъ болѣе Сенапъ оправды-
 валъ поступки свои законными при-
 чинами, шѣмъ упорнѣе Папа споялъ
 въ своемъ требованіи. Видя же умы-
 селъ свой щешнымъ, онъ прибѣгнулъ
 къ духовному оружію: оплучилъ Сена-
 поровъ опъ церкви (*), и наложилъ за-
 прещеніе на всю республику. Сенапъ,

(*) Въ 1606 году.

увѣренный въ своей невинности, велѣлъ не объявлять народу Папской буллы, а духовенству приказалъ по прежнему опправлять богослуженіе, угрожая въ противномъ случаѣ изгнаніемъ изъ опечесства.

Всѣ духовные исполнили волю правительсства, кромѣ Іезуитовъ, копорые объявили, что по правиламъ своего ордена не могутъ ослушаться Папы, и что они готовы опправлять богослуженіе, но съ тѣмъ чтобы имъ обѣдню читать въ запертыхъ церквахъ. Дожъ увидѣлъ хитрость, и рѣшительно предписалъ всѣхъ Іезуитовъ удалить изъ обласшей республики. Опцы сіи, заблаговременно узнавши о данномъ повелѣніи, склонили Капуциновъ на свою сторону, и въ два часа ночи торжественно опправились къ споявшей на берегу баркѣ, имѣя на шеѣ по одному образу Спасителя, при пѣніи псалмовъ Давидовыхъ; передъ ними несли Распятіе. Сей опытъ ихъ произвешши мяшежъ ошался безъ

успѣха; напрошивъ того народъ не скрылъ своего неудовольствія прошивъ ихъ, и сдѣлалъ бы можешъ быть еще болѣе, когда бы правительство не позаботилось о безопасности Іезуитовъ. Всѣ дорогія ушвари церковныя были отданы ими Испанскому Послу и другимъ тайнымъ сообщникамъ; многія бумаги сожжены; золото и серебро переплавлено, и къ немалому огорченію Іезуитовъ и вѣрныхъ друзей ихъ найдены плавильные горшки послѣ ихъ опбывіа.

Сенатъ рѣшился не опмѣнять благоразумныхъ своихъ постановленій, и въ пошребномъ случаѣ дѣйствовать силою. Многіе богословы и законовѣдцы въ сочиненіяхъ своихъ защищали республику; между прочими опличился извѣстной ученый монахъ Павелъ Сарпи, коперой сильными, неопровергаемыми доводами доказалъ несправедливостъ Папы и неосновательностъ опредѣленнаго имъ оплученія опъ церкви. Іезуиты съ своей

спороны не оставались безъ дѣла: не имѣя другихъ способовъ, они прибѣгли къ обыкновенному своему оружію, — къ про-
 искамъ, коварству; завели тайную пере-
 писку съ друзьями своими; переодѣ-
 шые приходили въ Венецію; подущали
 гражданъ повиноваться Папскому запре-
 щенію; сѣяли несогласіе между Сенапо-
 рами; издавали книги въ пользу Папы;
 во многихъ городахъ Италіянскихъ чи-
 тали поученія прошивъ Республики;
 называли правительство нечеспивымъ,
 зараженнымъ ересью, своевольнымъ;
 старались подущать Италіянскихъ Го-
 сударей, чшобы въ своихъ обласпяхъ не
 дозволяли Венеціанамъ набиратьъ людей
 для военной службы; ходили по дерев-
 нямъ, и угрожали вѣчными муками пѣмъ
 жишелямъ, которые спанушъ слу-
 жишъ подъ Венеціянскими знаменами. Въ
 одномъ письмѣ къ Папѣ Іезуиты напи-
 сали, что хотя Республика и признала
 Генриха IV законнымъ Королемъ Фран-

ціи; однакожь они церковнымъ прещеніемъ и опказами въ оппущеніи грѣховъ стараются многихъ Сенапоровъ принудить опречься опъ даннаго согласія, и что въ одной только Венеціи имѣють на своей сторонѣ приспа юношей знамени- пѣйшихъ пороною, гошовыхъ сдѣлашь все, что Папа имъ ни прикажетъ. Жен- щины возненавидѣли мужей своихъ, дѣ- ти перестали повиноваться родителѣмъ; ибо Іезуиты шѣхъ и другихъ увѣрили на исповѣди, что мужья и опцы ихъ оплучены опъ церкви, и что съ шаки- ми людьми грѣшно жить въ союзѣ. Из- вѣстно, что Іезуиты разспрашивали ду- ховныхъ своихъ дѣшей о семейспвенныхъ дѣлахъ, вывѣдывали у нихъ тайны го- сударспвенныя, и обо всемъ черезъ каж- дая шесть недѣль доносили своему Ге- нералу. Въ Падуи и Брешии, гдѣ они не успѣли сжечь всѣхъ бумагъ своихъ, найдены вѣрныя записки объ имущеспвѣ и образѣ мыслей каждаго гражданина, также объ источникахъ силы и богат-

ства Республики, и другія бумаги, которыя показали, что сіи честные отцы болѣе заботились объ основаніи земнаго царства, нежели о достиженіи небеснаго.

Узнавши о сихъ пагубныхъ для Республики замыслахъ, Сенашь Венеціанскій нашель себя принужденнымъ опредѣлить (*) слѣдующее: „Какъ Іезуиты беззаконно употребляли во зло исповѣдь, стараясь освѣдомляться о тайнахъ семейственныхъ и государственныхъ; развращали молодыхъ людей, ввѣренныхъ имъ для наставленія; посеяли пагубныя мнѣнія въ кандидатахъ сенаторства; бывъ осыпаны благодареніями отъ Республики, неприязнелски прошивъ нее дѣйствовали: въ слѣдствіе того Сенашь опредѣляетъ изгнать ихъ навсегда изъ обласпей Венеціанскихъ.“

Іезуиты запылали яростию. Папа, котораго всѣ хитроспи остались безъ успѣха, рѣшился прибѣгнуть еще къ одному способу. Онъ объявилъ о празд-

(*) 1606 го, Іюля 14 го.

нованіи юбилея, и щедрою рукою разсыпаль оппущенія; одни только оплученные опъ церкви не могли воспользоваться сею милоспію. Зная, что всѣ Италіянцы высоко цѣнятъ такія благодѣянія Римскаго престола, Папа надѣялся произвести несогласіе между народомъ и Сенапомъ, и даже воспламенитъ мятежъ, полезный для себя и для Іезуитовъ. Опцы сіи постарались увѣдомитъ тайныхъ своихъ почипашелей въ Республикѣ, что хоша всѣ Венеціане вообще не должны бы участвовать въ Папской милоспи, однакожъ имъ поручено обрадовать оппущеніемъ грѣховъ cadaго гражданина, которой объявитъ неудовольствіе свое противъ Сенапа и не станетъ ходитъ въ церковь. Сверхъ того они выпустили въ народъ книги, въ которыхъ писано было объ оппаденіи Венеціанской Республики опъ Римской церкви, и въ которыхъ Папа названъ Антихрістомъ: ешо сдѣлано для того чтобы народу, приверженному къ ученію Римской цер-

кви, внушить ложное понятіе о намѣреніяхъ Сенапа, и произвести смятеніе. Сенапъ обѣщаль награждать всякаго, кто откроетъ имена авторовъ упомянутыхъ сочиненій. Видя наконецъ, что враги продолжаютъ соплешать козни противъ Республики, онъ запрешилъ жителямъ всѣхъ соспояній имѣть переписку и знакомство съ Іезуитами, под страхомъ денежной пени и ссылки на галеры; а родителямъ и опекунамъ, коихъ дѣти и воспитанники учились въ заграничныхъ Іезуитскихъ коллегіяхъ, повелѣлъ вызывать ихъ обратно въ общество.

Гнѣвные поступки Папы и крошкая умѣренность Республики сдѣлали то, что многія чужестранныя Державы взяли сторону послѣдней. Даже Испанія, видя общій союзъ противъ Папы, перестала содѣйствовать честолюбивымъ его намѣреніямъ, и Свяшій Отецъ принужденнымъ нашелся, чрезъ посредство Французскаго Двора, помириться съ Рес-

публикой; однакожь, вопреки всѣмъ стараніямъ его, опредѣленіе Сенапа осталось непремѣннымъ.

Съ Нѣи.

КАЗОТОВО ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Историческій анекдотъ.

Кнѣ кажется, будто вчера шолько былъ я свидѣтелемъ описываемаго здѣсь происшествія, жопя въ самомъ дѣлѣ оно случилось еще въ началѣ 1788 года. Мы сидѣли за столомъ у одного вельможи, умнаго челоѡвка, и нашего собрата по Академіи. Многолюдное общество состояло изъ особъ разнаго званія, изъ придворныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, Лишперашоровъ, Академиковъ и проч. Пиръ былъ богатый. Передъ окончаніемъ обѣда, Мальвоази и Констанское вино такъ развеселили гостей, что каждой почипалъ себя въ правѣ говорить все, лишь бы шолько заспавить смѣяться. Шамфоръ чицпалъ свои неблагоприсшой-

ныя повѣсти; знаменныя дамы, собесѣдницы наши, слушали и не закрывались опахаломъ. Попомъ начали шутить надъ Религіей: одинъ читалъ опривокъ изъ Орлеанской дѣвы; другой повторялъ философическіе стихи Дидеротовы:

Et des boyaux du dernier prêtre
Serrez le cou du dernier roi.

Третій встаетъ, держа въ рукѣ полной стаканъ, и восклицаетъ: Такъ, господа! я столько же увѣренъ, что нѣтъ Бога, какъ и въ томъ, что Гомеръ былъ глупецъ. — И онъ говорилъ точно какъ думалъ. Начали разсуждать и спорить о Богѣ и объ Гомерѣ. Это спановилось опчасу важнѣе. Удивлялись гении Вольтера, превозносили его за революцію, которую онъ извелъ въ умахъ современниковъ, и признавались, что это именно даетъ ему главное право на знаменитость. „Онъ давалъ тонъ своему вѣку; онъ заставлялъ читать себя и въ гостинныхъ и въ переднихъ.“ Одинъ изъ гостей разсказалъ намъ,

какъ перукмахеръ, стоя за креслами съ гребенкою въ рукахъ, удивилъ его словами: Знайте, сударь, что я, бѣдной слуга, также не держу никакой вѣры, какъ и другой кто нибудь. — Всѣ заключили, что скоро воспослѣдуетъ великая переменна, что суевѣріе и фанатизмъ уступятъ мѣсто философіи; вычисляли, когда именно наступитъ сіе вождедѣнное время, и кто изъ собесѣдниковъ доживетъ до царствованія Разума. Спарики съ прискорбіемъ говорили, что не увидятъ его; молодые люди радовались, имѣя вѣроятнѣйшія причины ожидать близкой перемены; всѣ поздравляли Академію съ шѣмъ, что она приготовила великое дѣло, и что была главнымъ мѣстомъ, средопочіемъ, пружиною свободы и ^к жить.

Одинъ изъ собесѣдниковъ не бралъ участія въ веселости нашего разговора, и даже скромно шутилъ надъ нашимъ воспоргомъ. Это былъ Казомъ, человекъ любезный, оригинальный, но по

несчастію до безумія зараженный мечша-
ми Иллюминашовъ. „Господа!“ — ска-
залъ онъ, принявъ на себя видъ важный:
„успокойтесь; вы всѣ доживете до епой
великой и славной перемины, которой
такъ неперпѣливо желаете. Вамъ из-
вѣстно, что я опчаспи умѣю угады-
вать будущее; повпоряю: вы ее увиди-
те.“ — Ему опвѣчающъ извѣстнымъ при-
пѣвомъ: *faut pas être grand forcier pour*
ça (для сего не нужно быть великимъ
колдуномъ). — „А можетъ быть и ну-
жно для того, что́ хочу сказать вамъ.
Знаете ли, что́ послѣдуетъ за епою
революціей, — что случится со всѣми,
сколько васъ шупъ ни есть, и что бу-
детъ послѣ?“ — Увидимъ! сказалъ Кон-
дорсепъ съ обыкновенной угрюмостью.
„Вы, г. Кондорсепъ, издохнете на по-
лу въ шюрмѣ; умрете опъ яда, что́бъ
избавишься опъ рукъ палача, — умре-
те, говорю, опъ яда, которой прину-
ждены будете носишь при себѣ въ сіе
счастлиное время.“

Всѣ въспревожились; но вспомнивъ, что доброй Казомъ часто на яву бредишь, стали смѣяться. — Г. Казомъ! сказка, которою вы насъ теперь потчивали, не такъ забавна, какъ вашъ *Влюбленный Дьяволъ* (*). Опъ чего пришло вамъ въ голову говорить о тюрьмѣ, объ ядѣ, о палачахъ? Какое имѣетъ отношеніе весь ешомъ вздоръ къ философіи, къ царству Разума? — „Говорю вамъ, что во имя философіи, человѣчества, свободы васъ погубятъ, и что ешо случився въ царствованіе Разума, тогда Разумъ шолько будетъ имѣть свои храмы, во всей Франціи будутъ воздвигнуты храмы одному Разуму, а болѣе никому.“ — Увѣряю васъ, — сказалъ Шамфоръ съ ядовитою улыбкой — что вы не будете въ числѣ жрецовъ при сихъ храмахъ. — „Я думаю то же; но вы, г. Шамфоръ, какъ жрецъ, и какъ

(*) Такъ называется повѣсть, сочиненная Казомъ.

особа достойная сего званія, вы надрѣжете себѣ жилы бритвою въ двадцати двухъ мѣсяцахъ, но умрете, спустя пошомъ нѣсколько мѣсяцовъ.“ — Опяшъ всѣ смотряшъ одинъ на другаго, и смѣются. „Вы, Г. Викъ д'Азиръ, не сами себѣ откроете жилы, но въ припадкѣ подагры велиите себѣ пускать кровь шесть разъ въ одинъ день, и въ слѣдующую ночь умрете. Вы, г. Николай, погибнете на ешафотѣ; вы, г. Балъи — также на ешафотѣ; вы, г. Мальзербъ — также на ешафотѣ. . .“ Слава Богу! — сказалъ Руше: кажется, г. Казотъ сѣрдишъ только на Академію; онъ поступилъ съ нею безжалостно: благодареніе Небу, что я . . . — „И вы, и вы погибнете также на ешафотѣ.“ — Можно биться объ закладъ — закричали гости — что онъ поклялся перерѣзать всѣхъ! — „Не я поклялся.“ — Ктожъ? развѣ Турки, или Ташаре овладѣютъ нами? — „Совсѣмъ нѣтъ; я уже сказалъ вамъ: одна философія, одинъ Ра-

зумѣ будетъ управлятъ вами. Философы окажутъ вамъ сіи услуги, — тѣ самые люди, которые безпрестанно будутъ произносить нынѣшнія ваши слова, будутъ повторять всѣ ваши правила, будутъ ссылаяться, подобно вамъ, на стихи Дидеротовы и на отрывки изъ Орлеанской дѣвы. . . .“ — Онъ сошелъ съ ума! онъ пошлой дуракъ! — говорили госпи одинъ другому на ухо, ибо Казотъ не перемѣнялъ своего важнаго вида: онъ шушилъ; а вы знаете, что въ шушкахъ обыкновенно есть и чудесность. — Правда — сказалъ Шамфоръ: но чудесность его вовсе не забавна; онъ слишкомъ изволилъ жаловать ешафоты и висѣлицы. Когда все это сбудется? — „Все, что я ни говорилъ вамъ, исполнится прежде шеспи лѣшъ.“

Сколько чудесъ! — сказалъ я: но для чего вы обо мнѣ не упомянули? — „И съ вами сдѣлается чудо: вы обратитесь къ хрістіанству.“ — Громкія восклицанія. — Слава Богу! — подхватилъ

Шамфоръ — я ободряюсь ; если намъ суждено погибнуть въ то время , когда Лагарпъ сдѣлается хрістіяниномъ ; то намъ никогда не умирать ! —

Мы, женщины, весьма счастливы ! — сказала Дюшесса Граммонъ : революція до насъ не касается ; говорю не касается не пошому, будто бы мы не мѣшались въ полицику, но пошому, что насъ уважають, и что полъ нашъ... — „Вашъ полъ, милостивыя государыни, на сей разъ не защитишь васъ ; мѣшайтесь вы, или не мѣшайтесь, но съ вами поступлено будетъ точно какъ съ м нами.“ — „Что ето значишь, г. Казотъ? Вы намъ проповѣдуете преспавленіе свѣта. — „Епаго ничего не знаю ; знаю только, что Вашу Свѣтлостъ и многихъ другихъ госпожъ, вмѣстѣ въ вами, повезуть къ ешафоту на позорной шелегѣ, съ завязанными назадъ руками.“ — Въ ешомъ случаѣ надѣюсь по крайней мѣрѣ имѣть карешу, обитую чернымъ сукномъ. — „О нѣтъ, сударыня! дамы

знашиѣ васъ, поѣдушъ на шелегъ, и такъ же съ завязанными руками за спиною.“ — Знашиѣ меня? Не уже ли Принцессы крови? — „Знашиѣ васъ, сударыня, знашиѣ. . . .“ Все общество пришло въ смущеніе, и самъ хазяинъ нахмурился; ибо шупка уже казалась весьма неумѣренною. — Г-жа Граммонъ, желая прекратишъ неприязнность, не спала требовашъ окончанія послѣдняго опѣвѣта, а шолько прибавила: увидише, господа, что онъ не дастъ мнѣ и духовника. — „Такъ точно, сударыня! вы не будете имѣшъ его; ни вы, ниже кто-либо другой. Послѣдній, кому окажутъ снисхожденіе епо, будетъ. . .“ Казопъ остановился. — Говорите, говорише! кто епошъ счастливой смертною, которой будетъ имѣшъ преимущество передъ другими? — „Сіе преимущество одно шолько у него останетъся; епошъ человекъ есть — Король Французскій.“

При семъ словѣ хазяинъ дома шопчасъ вскочилъ съ мѣста, и всѣ гости вспали. Онъ подошелъ къ Казопу, и

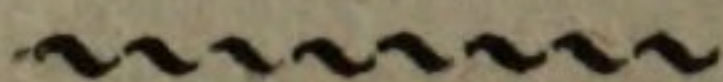
съ огорченіемъ сказалъ ему: Уже время, дорогой Казопъ, прекратишь ешу печальную шутку. Вы проспираете ее слишкомъ далеко, вводите въ хлопоты все общество и самихъ себя. — Казопъ, не опивъчая ни слова, хопълъ было уйши; но г-жа Граммонъ, копорой хопълось развеселить общество, подошедши къ нему, сказала: Господинъ пророкъ! вы объявили намъ будущія приключенія; для чего же о себѣ ничего не говорите? — Казопъ нѣсколько времени молчалъ, пошупивши взоры. — „Милоспивая государыня! читалиль вы у Иосифа объ осадѣ Іерусалима?“ — Безъ всякаго сомнѣнія. Кому не извѣстно ешо мѣсто? Однакожь положимъ на часъ, будто я не читала его. — „Во время осады, одинъ человекъ семь дней сряду, въ виду осажденныхъ и осаждающихъ, по разу въ день ходилъ вокругъ окоповъ и кричалъ голосомъ громкимъ и плачевнымъ: горе Іерусалиму! Въ седьмой день воскликнулъ онъ: горе Іерусалиму! горе и

мнѣ ! и въ ту же минуту пребольшой камень , брошенный изъ машинъ непрія-
шельскихъ , упалъ ему на голову , и раз-
мозжилъ его подъ собою.“

Казопъ поклонился и вышелъ изъ
бесѣды.

Лагарпъ.

КРАТКІЕ АНЕКДОТЫ.

Однажды Шериданъ ѣхалъ въ поч-
товой коляскѣ въ Лондонъ съ намѣреніемъ
подоспѣть къ выборамъ и приготовить
голоса въ свою пользу ; ибо тамъ былъ
уже его соперникъ Пауль. Съ нимъ вмѣ-
стѣ ѣхали два избирашеля , или депу-
тата. Между разговоромъ одинъ спра-
шиваетъ другаго , за го намѣренъ онъ
подасть свой голосъ. — „Разумѣется за
Паула ;“ отвѣчаетъ товарищъ : „знаю,
что онъ проспѣетъ ; но я готовъ по-
дасть голосъ за всякаго , кто бы ни
былъ , только не за бездѣльника Ше-
ридана ? — Вы знаете Шеридана ? —
„Нѣтъ , да и знать нехочу его.“ Симъ

кончилось. Когда коляска остановилась у гостиницы и наши путешественники вышли завтракать, Шериданъ беретъ за руку одного спутника и спрашиваетъ объ учивомъ его приятелѣ. Онъ премилой весельчакъ (говоритъ Шериданъ), и я очень любопытенъ знать его имя. — „Его зовутъ Т.“ отвѣчаетъ спутникъ: „онъ искусный адвокатъ, а живетъ въ Линкольнскомъ практирѣ.“ Позавтракавъ, опять сѣли въ коляску, и Шериданъ непримѣнно заводитъ рѣчь о Юриспруденцахъ. „Да,“ продолжаетъ онъ „прекрасное званіе! Юристу открыта дорога къ первымъ должностямъ государства; онъ вездѣ имѣетъ случай показать свое искусство. Самые ученѣйшіе, благороднѣйшіе мужи, коихъ именами украшается наша Исторія, были адвокаты; за то уже, признаюсь должно, въ ихъ же сословіи бывають и великіе бездѣльники. Но изъ всѣхъ бездѣльниковъ-адвокатовъ величайшій есть конечно Т.,

живущій въ Линкольнскомъ ширѣ. —
Епо я самъ — сказалъ незнакомецъ. „А
я Шериданъ!“ подхватилъ Орапоръ. Оба
топчасъ поняли шутку, ударили по
рукамъ, а адвокатъ не только подалъ го-
лосъ, но стоялъ горою за бездѣльника
Шеридана.

*

Одинъ извощикъ, житель Чеспер-
ской провинціи въ Англіи, собравшій
трудолюбіемъ своимъ небольшою капи-
шаль, почувсвовавши приближеніе смер-
ти, послалъ за Священникомъ и нопа-
ріусомъ. Оба они пришли немедленно,
заспали больного въ постели, окружен-
наго рыдающимъ семействомъ. Извощикъ,
собравшись съ силами, продиктовалъ
слѣдующее завѣщаніе: „Домъ мой и всѣ
къ нему приборы даю Маріаннѣ (имя же-
ны его) въ пожизненное владѣніе, съ
тѣмъ чшобы по смерти ея дѣти мои
все епо раздѣлили между собою. Повоз-
ки и лошадей даю Тому; плуги, воловъ
моихъ и половину мызы даю Дику; дру-

тую половину мызы и сто фуншовъ
сперлинговъ даю Вилу; приста фуншовъ
сперлинговъ даю Моллаю и сполькожъ
моей Бетти: теперь вы, господинъ но-
таріусъ, пишите; вы, честный отецъ,
молишесь Богу; ты, жена моя, плачь;
а вы, бѣдныя мои дѣти, кричите себѣ
сколько хошите. Я умираю.“ Это бы-
ли послѣднія слова завѣщающаго; ибо онъ
въ ту же минуту испустилъ духъ свой.

Пиронъ, Французскій стихотворецъ,
гуляя въ саду Тюильерійскомъ, сѣлъ оп-
дохнуть подлѣ воротъ на лавкѣ. Поч-
ти всѣ мимоходящіе, поровнявшись съ
нимъ, кланялись; Пиронъ безпрестанно
снималъ шляпу и отвѣчалъ поклонами,
болѣе или менѣе низкими, смотря по на-
ружному достоинству тѣхъ, которые
оказывали ему такую вѣжливостъ. „Ну!“
сказалъ самъ себѣ Пиронъ: „я право и не
думалъ, чѣмъ меня всѣ знали. Какъ
жаль, что теперь нѣтъ здѣсь Вольте-
ра, ешаго гордеца, которой сего дня

поушпру на низкой поклонъ мой едва кивнулъ головою! Онъ увидѣлъ бы, какъ меня уважають!“ — Разсуждая такимъ образомъ, Поешъ безпрестанно отвѣчалъ на поклоны; наконецъ утомившись, принужденъ уже былъ сидѣть безъ шляпы, и плапиль за поклоны легкою уклонкой. Одна пожилая женщина станомъ встала передъ нимъ на колѣна. Удивленный Пиронъ, не понимая, что это значить, говоритъ ей: „Встаньте, сударыня! вѣрно вы почитаете меня Поешомъ епическимъ или прагматическимъ; ошибаетесь: я не имѣю сей чести, и до сихъ поръ писалъ только для куколъ.“ Спаруха остается въ прежнемъ положеніи, не слушая Пирона, которой примѣтивъ, что она шевелитъ губами, подходитъ къ ней и наклоняется, чтобы выразумѣть слова ея. Женщина читала молитву передъ образомъ, стоявшимъ прямо надъ головою Пирона. Тутъ уже Стихотворецъ взглянулъ вверхъ, и догадался, что заставляло проходящихъ

кланяшся. „Таковы наши братья Пое-
ты!“ — сказалъ онъ идучи далѣе: „они
думають, что все имъ удивляется, ду-
мають, что все лежишь у ногъ ихъ,
между пѣмъ какъ никому дѣла нѣтъ,
живушь ли они на свѣшѣ!“

*

Дидеротъ пришелъ однажды къ
книгопродавцу Панкуку поправить пе-
чатные листки Енциклопедіи. Хозяинъ,
человѣкъ преспарѣлой, въ то самое вре-
мя одѣвался. Дидеротъ, видя усилія и
медленность спарика, хочеть помочь
ему. Панкукъ недозволяетъ и убѣди-
тельно проситъ непрудиться. *Ничего,
ничего!* сказалъ ему философъ: пожа-
луйте не безпокойтесь; изъ писателей
не я первой одѣну книгопродавца.

*

Буонапарть, бывши еще первымъ
Консуломъ, ѣхалъ изъ Ліона въ Парижъ,
и остановился ночевать въ Коснѣ. Хо-
зяйка поспоялаго двора на другой день
подала счепъ, и требовала за ночлегъ

пятьдесятъ луидоровъ. Гофмаршалъ за-
спорилъ съ нею такъ громко, что Буо-
напаршъ, которой сидѣлъ уже въ коля-
скѣ, спросилъ, что етому причиною,
и говорилъ потомъ хозяйкѣ: „Судары-
ня! не лзя ли сколько нибудь поуба-
вить изъ вашего счета?“ — Извините,
гражданинъ Первый Консуль! — отвѣ-
чала хипрая женщина: прежній Король
всегда плачивалъ ешу сумму. — „А! Оп-
считайте же ей сто луидоровъ“ — ска-
залъ Буонапаршъ, и должно призналь-
ся, что слова сіи имѣли смыслъ весь-
ма глубокий.

К О Н Е Ц Ъ   ІІІ   Ч А С Т И .

Bayerische
Staatsbibliothek
München

А.В. КОКОРЕВА

1107

OT 571

THE

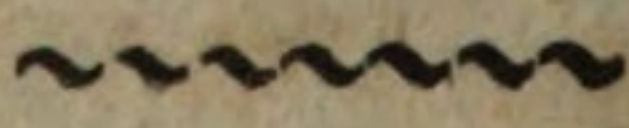

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

Спран.

Астрономъ и его служанка. Историческій анекдотъ. - - -	3
Два фамильные портрета. Анекдотъ. - - -	26
Индѣйцы. Повѣсть. - - -	43
Варѣоломеевская ночь. Историческая повѣсть. - - -	74
Искашель истины. Анекдотъ. - - -	155
Десять счастливыхъ дней. Повѣсть. - - -	168
Мавришянка. Исторической анекдотъ. - - -	182
Щипъ о двухъ спорахъ. Анекдотъ. - - -	208
Волшебныя очки. Повѣсть. - - -	211
Григорій, Княжій Отрокъ. Историческій анекдотъ. - - -	234
Свадебный договоръ. Анекдотъ. - - -	238
Пушь порока. Исторической анекдотъ. - - -	248
Иезуиты и Венеціанская Республика. Историческій анекдотъ. - - -	260
Козотово предсказаніе. Историческій анекдотъ. - - -	270
Краткіе анекдоты. - - -	280

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

Астрономъ и его служанка. Историческій анекдотъ.	- - -	3
Два семейные портрета. Анекдотъ.		26
Индѣйцы. Повѣсть.	- - -	43
Варѣоломеевская ночь. Историческая повѣсть.	- - - -	74
Искашель истины. Анекдотъ.	-	155
Десять счастливыхъ дней. Повѣсть.		168
Мавришанка. Исторической анекдотъ.		182
Щипъ о двухъ сторонахъ. Анекдотъ.		208
Волшебныя очки. Повѣсть.	- -	211
Григорій, Княжій Отрокъ. Историческій анекдотъ.	- -	234
Свадебный договоръ. Анекдотъ.	-	238
Путь порока. Исторической анекдотъ.	- - - -	248
Иезуиты и Венеціанская Республика. Историческій анекдотъ.	- -	260
Козотово предсказаніе. Историческій анекдотъ.	- - -	270
Краткіе анекдоты.	- - -	280

Kačénovskij, Michail T.

Pověsti, anekdoty i směs'

Bd.: 3 (1819)

Moskva 1819

P.o.russ. 144 f-2/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610240-4